

Министерство сельского хозяйства РФ

**ФГБОУ ВПО «БРЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ»**

**КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И ПЕДАГОГИКИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ**

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ
ВЫПУСК II**

**МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»**

26-27 сентября 2013 года

Брянск 2013

УДК 93/94
ББК 63
И 74

История и археология восточноевропейской деревни. Выпуск 2: материалы II Международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы». – Брянск.: Издательство Брянской ГСХА, 2013. - 99 с.

Редакционная коллегия:

Новожеев Р.В. – заведующий кафедрой философии, истории и педагогики Брянской ГСХА, к.и.н, доцент.

Стародубцев Г.Ю. – директор Курского областного государственного музея археологии, к.и.н.

Мищанин В.В. – доцент Ужгородского национального университета, к.и.н., доцент.

Барынкин В.П. – заведующий научно-исследовательской лабораторией аграрной истории Брянской ГСХА, к.и.н., доцент.

Сборник научных статей издан по итогам работы II Международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы», которая состоялась в Брянской государственной сельскохозяйственной академии 26-27 сентября 2013 года. В работе конференции приняли участие историки и археологи из России, Украины, Польши. Проблемы, рассматривавшиеся на конференции, охватили значительный отрезок времени от раннего средневековья до середины XX века. Велик и диапазон научных интересов авторов – это проблемы истории и археологии земледелия, сельского расселения, археозоологические исследования, экология древнего земледелия, древнерусское село, денежное обращение в древнерусской деревне, региональные проблемы аграрной истории XIX-XX вв., и другие.

Для историков, археологов, этнологов, культурологов и всех, кому небезразличны исторические судьбы восточноевропейской деревни.

На обложке: крестьяне Орловской губернии. Фото И.Рауля, 1870-е гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Горбаненко С.А. Земледелие славян лесостепного Дона в VIII – XI вв.....	5
Новожеев Р.В. Курганный могильник у с. Высокое Мглинского района Брянской области (предварительная заметка).....	15
Капустин К.Н. Сельское хозяйство населения средневекового Городска (по материалам раскопок 1946-1958 гг.).....	18
Кедун И.С., Черненко А.Е., Чубур А.А. Археозоологические наблюдения на детинце средневекового Новгорода-Северского (по материалам раскопок 2012 г.).....	25
Сытый Ю.Н. Два этапа сельскохозяйственного освоения Задесенья.....	27
Поляков Г.П. Загородная резиденция стародубских князей (село-замок в с. Рябцево)	38
Стародубцев Г.Ю. Люшинский археологический комплекс: исследования городища и поселения, нумизматические находки начала 2000-х гг.....	44
Новожеев Р.В. Денежное обращение и торговля в деревне среднего Подесенья в XI-XVII вв.....	47
Горчыца К., Чубур А.А., Турлакова Е. Остеологический материал, как индикатор статуса позднесредневекового поселения Старе Място 5.....	55
Черная Л.М. Натуральные повинности сельского населения Херсонской губернии во второй половине XIX в.....	59
Шевченко С.И. Представители известных дворянских родов – землевладельцы Херсонской губернии.....	64
Слепцова Е.П. Периодическая печать и издательское дело в Орловской губернии конца XIX-начала XX вв.....	69
Житков А.А. Лидеры украинских эсеров о социальных аспектах аграрной политики партии в 1917 г.....	73
Барынкин В.П. Сельская община в России и власть: проблемы взаимоотношений в первой трети XX в.....	77
Мищанин В.В. Миграционные процессы в советском Закарпатье во второй половине 1940-х гг.....	81
Новожеева И.В. Мировидение сельского жителя (по материалам деревенской прозы)	88
Свидерский А.А. Природный фактор аграрной истории России в контексте социо-природного и аксиологического подходов.....	92

ВВЕДЕНИЕ

26-27 сентября 2013 года в Брянской государственной сельскохозяйственной академии кафедрой философии, истории и педагогики и лабораторией аграрной истории была организована II Международная научная конференция «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы».

В работе конференции приняли участие историки и археологи из России, Украины, Польши, из городов Киев, Брянск, Курск, Чернигов, Нежин, Кировоград, Одесса, Ужгород, Кониин.

Проблемы, рассматривавшиеся на конференции, охватывают значительный отрезок времени от раннего средневековья до середины XX века.

Велик и диапазон научных интересов авторов – это проблемы истории и археологии земледелия, сельского расселения, археозоологические исследования, экология древнего земледелия, древнерусское село, денежное обращение в древнерусской деревне, региональные проблемы аграрной истории XIX-XX вв., и другие.

Оргкомитет конференции выражает искреннюю благодарность ректору Брянской ГСХА профессору Н.М. Белоусу за оказанную поддержку, а также студентам, проводившим организационные мероприятия по проведению конференции – Ивану Иванчогло, Сергею Попову, Андрею Узуну, Александру Греку, Александру Филиогло.

*Председатель оргкомитета конференции
Новожеев Р.В.*

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ СЛАВЯН ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА В VIII—XI вв.

*Сергей Горбаненко
(Киев, Украина)*

Земледелие славян лесостепного Дона в конце I тыс. н.э., отождествляемых с боршевской археологической культурой, не становилось предметом отдельного исследования. Ныне его наиболее полная реконструкция выполнена А.З. Винниковым в обобщающем исследовании о боршевской культуре [Винников 1995, 39—43]. Благодаря разработке методики интерпретации сельскохозяйственных данных в археологии для I тыс. н. э. в целом для территории юга Восточной Европы [Горбаненко 2011]¹, а также введению в научный оборот новых данных по земледелию (чересло из округа Животинного городища; палеоэтноботанический комплекс боршевской культуры), на данный момент можно детализировать многие вопросы о земледелии у носителей боршевской культуры.

Базовыми данными для понимания земледельческих процессов являются: окружающая среда, соответствующие орудия труда, палеоэтноботанические определения, а также объекты для хранения продуктов земледелия. Орудия земледелия представлены изделиями из железа, обычно относящимися к индивидуальным находкам (фрагмент наральника, чересло, мотыжки, оковка от лопаты, серпы, косы), а также часто встречающимися орудиями из камня (жернова, зернотерки). Палеоэтноботанические определения для боршевской культуры до сих пор являются единичными. Объекты для хранения зерна (ямы, погреба) известны со всех поселений, на которых проводились археологические исследования. Поэтому в базу данных включены только земледельческие изделия из железа, а также палеоэтноботанические определения (рис. 1; приложение)².

Окружающая среда. Подавляющее большинство памятников боршевской культуры, принятых к анализу, находится на юге лесостепной зоны в междуречье рр. Дон и Воронеж³. По ботанико-географическому районированию эта территория принадлежит к Среднерусской (Верхнедонской) подпровинции; ныне на этой территории находится узкая полоса дубовых лесов — дубрав, составляющих более половины естественных лесов. В них кроме дуба черешчатого растут липа, клен остролистный, ясень, вяз. Густой подлесок образуют лещина (известная также из обгоревших палеоботанических материалов Животинного), бересклет, жимолость, крушина, клен равнинный, рябина. И палеопочвоведческие исследования свидетельствуют о том, что почвы формировались под широколиственной растительностью [Ахтырцев Б., Ахтырцев А. 1987, 75]. Сказанное хорошо согласуется с определениями пород деревьев из Титчихинского городища, где из 15 проб определен в 14 случаях дуб, а в одном — дуб и береза [Баскатов 1965].

На период 1,2—0,8 тыс. лет назад приходится максимальное распространение лесов и смещение на юг южных границ лесной, лесостепной и степной зон, которое в конце I тыс. н.э. сменилось значительным сокращением лесов (см., напр.: [Просторово-часова... 2010, 164]), что совпадает с ростом хозяйственной деятельности славян. Этот процесс также продемонстрирован исследованиями погребенных почв под курганными насыпями Лысогорского могильника боршевской культуры. Б.П. и А.Б. Ахтырцевы установили, что в течение некоторого времени славяне обрабатывали земли, предварительно истребив росший там лес. Они выдвинули предположение, что погребенная под курганами почва (так как последняя имела более однородную, чем фоновая, структуру) ранее распахивалась на глубину до 25 см, что характерно для орудий плужного типа. В дальнейшем же лесная растительность на территории восстановилась [Ахтырцев Б., Ахтырцев А. 1987, 71, 75]. Сказанное дополняется и ар-

¹ В дальнейшем все интерпретации в этом исследовании сделаны по схемам, предложенным в указанной статье.

² Для всех вспомогательных материалов (рис. 1; 4; таблица, приложение) дана сквозная нумерация памятников. Ссылки на источники информации см. в приложении.

³ Здесь и далее: общие сведения о природе взяты из: [Атлас... 1994].

хеологическими наблюдениями о том, что к тому же слою принадлежит значительное количество мелких угольков (как возможный показатель последствий подсеки).

На существование больших лесных массивов в ареале боршевских памятников во время их функционирования косвенно указывают и археозоологические комплексы, среди диких животных которых преобладают типичные представители лесной фауны, дополненные лесостепными видами (свод данных см.: [Винников 1995, табл. 3]; ссылки на источники см. там же).

Дон является границей между Среднерусской возвышенностью и Окско-Донской равниной в пределах Восточно-Европейской (Русской) равнины. Памятники расположены на границе двух зон рельефа: речной долины и платформенной равнины. Именно такие участки на пограничьях исследователи отмечают как наиболее благоприятные для жизнедеятельности древних обществ [Сычева 1990, 94].

Равнина характеризуется плоско-волнистым рельефом водораздела и чередованием с широкими террасированными долинами, балками и западинами. Среднегодовая температура находится в пределах 5—5,5 °С; количество осадков — более 550 мм. На время VIII—XI вв. приходится период малого климатического оптимума голоцена.

Почвы: граница серых лесостепных и аллювиальных (пойменных) дерновых и луговых. О почвах древности недалеко от слияния Дона и Воронежа можем составить определенное представление благодаря исследованиям палеопочвоведов. Они отмечали эволюцию почв от черноземов деградированных до темно-серых лесных (2400 лет назад; сарматские курганы у городища Чертовицкое-3), при фоновых (современных) серых почвах [Чендев, Александровский 2002]. Аналогичные процессы прослежены по разрезам кургана абашевской культуры приблизительно в 2,5 км к югу от вышеописанных курганов на водоразделе Дона и Воронежа [Чендев 2008, 71, 72]. То есть, имеем иллюстрацию процесса перехода лесостепных типов почв в лесные, что также косвенно свидетельствует в пользу распространения в древности в тех краях лесных массивов. В настоящее время этот район (наряду с заповедниками Воронежской обл.) является наиболее залесенным.

На примере *ресурсной зоны* Животинного (рис. 2) рассмотрим возможное использование земельных участков в округе городища. Оно расположено приблизительно в 40 м над уровнем р. Воронеж. Ныне непосредственно у подошвы берега река не протекает; ее русло отступает на 1 км и более от крутого берега, образуя пойму реки, затапливаемую в ходе весенних разливов. На снимке из космоса современного состояния округи хорошо заметно, что русло реки находится в полосе, легко подверженной изменениям: в этих пределах (около 2 км по ширине) находится зона долины русла реки, в которой она достаточно легко меняла положение.

Вокруг Животинного существует достаточно большое количество площадей, пригодных по рельефу для пашенного земледелия (см. рис. 2). К ним в первую очередь следует зачислить участки на равнине плато между рр. Дон и Воронеж в диапазоне северо-запад — юго-запад, юг приблизительно в 1—1,5 км от городища (по прямой). Также ровные участки находятся в долине (пойме) р. Воронеж непосредственно у подошвы городища с востока.

Таким образом, рельеф и почвы были благоприятными для ведения земледелия; леса, видимо, вплотную окружавшие городище непосредственно в момент его основания, были сведены в ближайшей округе, но оставались в ареале, не входившем в сельскохозяйственную зону. Пойменные участки (видимо в то время) левобережья вполне могли быть в активном использовании не только для нужд животноводства, но и земледелия (огородничества?).

Земледелие. Обработка почвы. До сих пор единственный фрагмент наральника известен из материалов городища Титчиха (рис. 3, 1). Его фрагментарность косвенно свидетельствует о том, что это был узколезвийный наральник с сомкнутой втулкой. Соответственно, его могли использовать на рале с ральником, поставленным под углом к пахоте (рис. 3, 14). Что также хорошо сочетается с реконструкцией окружающей среды — залесенностью ареала боршевской культуры. На территории Восточной Европы в конце I тыс. н. э. (райковецкие, волынцевско-роменские, салтовские памятники) узколезвийные наральники известны в не-

значительном количестве (по сравнению с широколезвийными)⁴, что, очевидно, указывает на переход от подсеки (как превентивной формы) к переложной системе земледелия. Втуль-частое чересло, обнаруженное в округе Животинного (рис. 3, 2), представляет наиболее прогрессивный вид пахотных орудий (рис. 3, 16), поскольку чересла обычно использовались в паре с широколезвийным наральником. О его принадлежности боршевской культуре косвенно свидетельствует распространение таких изделий исключительно у славян конца I тыс. н. э. Об использовании развитых форм орудий для обработки почвы косвенно свидетельствует палеоэтноботанический комплекс (ПБК) (см. ниже). Таким образом, имеем косвенное подтверждение существования простых пахотных орудий, применявшихся на полях после очистки от леса, а также наиболее сложных орудий плужного типа. В данном случае логично предположить и существование промежуточной формы — кривоградильного рала с полозом, укрепленным широколезвийным наконечником (рис. 3, 15). Об использовании цельнодеревянных рал без укрепления деталями из железа (рис. 3, 12, 13), применявшихся на легких почвах в крестьянском хозяйстве до XIX в. включительно, можем говорить лишь с позиций здравого смысла.

Орудия вторичной обработки почвы представлены мотыжками с вертикальной втулкой (рис. 3, 3—5, 17) и фрагментом оковки от деревянной лопаты (рис. 3, 6, 18). Оба этих вида орудий могли быть использованы и как роющие, и как почвообрабатывающие. В первом случае их использовали для устройства различных земляных конструкций; во втором — для дополнительной обработки почвы и / или для обработки небольших участков под огороды. Учитывая то, что в ресурсных зонах памятников практически всегда присутствовали пойменные участки, удобные под огороды, такое предположение вполне оправдано.

Подобные мотыжки широко известны с памятников конца I тыс. н. э., но наибольшее их количество находят на салтовских памятниках. Синхронные оковки от лопат известны исключительно из салтовских материалов; у славян они стали распространяться в древнерусское время.

Выращиваемые культурные растения. Для анализа материалов привлечены все имеющиеся данные. Статистические данные получены благодаря снятию отпечатков зерновок с изделий из глины. Количественные показатели приведены в таблице. Однако, такие данные часто приводят к определенной подмене понятий. Так, количество проса у многих культур I тыс. н.э. имеет абсолютное преобладание, что часто приводит к заключениям, типа «просо играло важнейшую роль...». Тем не менее, если сравнивать основные зерновки по массе, чаще всего просо занимает предпоследнее место, уступая последнее лишь овсу.

Чтобы избежать интерпретационной путаницы, нами предложен пересчет основных злаковых по массе. Принимая за базовую единицу измерений наименьшую из зерновок, просо, сделан перерасчет зерновок для установления индекса (1 зерновка ... культурного растения = n зерновок проса): просо — 1; ячмень пленчатый — 5,5; твердая пшеница — 6,2; мягкая пшеница — 5,7; рожь — 4,8; овес — 3,4. Именно с этих позиций в и проанализированы палеоэтноботанические материалы (см.: [Горбаненко 2012]).

По результатам анализа соотношения зерновых по массе получены следующие данные: минимальный разброс показателей продемонстрировало просо (5 %), максимальный — пшеница голозерная (9,3 %) [Горбаненко 2012a]. И салтовские [Горбаненко 2013], и волынцевско-роменские показатели [Горбаненко 2013, у друку] имеют большие различия между крайними показателями. При этом, однако, необходимо помнить, что для боршевской культуры получено наименьшее количество ПБС, к тому же — с наименьшей территории.

По полученным результатам также становится очевидным, что просо занимало довольно незначительное место и составляло от 1/20 до 1/10 доли урожая. Традиционно малая доля в ПБС принадлежит овсу: она составляет менее 1/20 (три памятника); максимальный показатель получен для Животинного: практически 1/10 доли. Ячмень пленчатый находится

⁴ Здесь и далее: сравнительный материал, а также источники информации см.: [Михеев 1985; Горбаненко, Пашкевич 2010; Горбаненко, Колода 2013].

в пределах 1/4, до 1/3. Достаточно близки между собой показатели пшениц: двузернянки (пленчатой) и голозерной — приблизительно от 1/6 до 1/4. Рожь составляла от менее 1/6 до 1/5 доли зерновых (рис. 4, а).

Ячмень пленчатый, просо и пшеница двузернянка являются наиболее древними культурными растениями. Их большое количество (преобладание) свидетельствует в пользу экстенсивного, малопродуктивного земледелия. Могут быть показателем использования подсечного земледелия. Однако, показатель проса чрезвычайно низок; количество пшеницы двузернянки практически аналогично пшенице голозерной. Следовательно, мысль о подсечном земледелии как основной форме, следует отвергнуть.

Высокий показатель ячменя пленчатого, кроме причины (использования традиционного злака, применения подсеки), можно характеризовать следствием (его использование для откорма животных). Ячмень является не только хлебным, но и хорошим фуражным растением — зерно используется для откорма лошадей, а также свиней. В хозяйстве используются и солома, и солома, имеющие качества, приближающие их к сену.

Аналогично для целей животноводства могли использовать и овес, поскольку он также отличается хорошими фуражными свойствами. Так, для части салтовских памятников Северо-Донецкого региона лесостепной зоны, а также для степной зоны (Рогалик) [Пашкевич, Горбаненко 2004] сочетание таких показателей интерпретировано как определенная подчиненность земледелия потребностям животноводства. Следует отметить, что Н.А. Кирьянова в материалах Животинного определила находки обгоревших зерен овса в четырех пробах из пяти, с довольно большими показателями. Однако, исследовательница предположила, что это остатки овсюга — засорителя посевов пшеницы. Невзирая на то, что зерновки найдены без пленок (показатель овса), ею обнаружены остатки нескольких пленок (показатель овсюга), что и дало основания для такого предположения. На наш взгляд, все же можно говорить о выделении овса в отдельную зерновую культуру, так как в материалах Животинного и в определениях Н.А. Кирьяновой [Кирьянова 1989], и у нас овес представлен в довольно значительном объеме. Кроме того, вопрос о самостоятельных посевах овса уже довольно давно решен положительно; в виде отдельной культуры он представлен еще со второй четверти I тыс. н. э. О находке, состоящей в основном из ячменя пленчатого и овса на поселении Рогалик, мы упоминали выше. Подчеркнем, что в описанных случаях проанализирован обгоревший материал.

Частично, в сочетании с высокими показателями ячменя пленчатого и овса, высокий показатель ржи также может свидетельствовать об использовании продуктов земледелия для потребностей животноводства, поскольку солома ржи может быть использована для кормления крупного рогатого скота в стойловый период. Напомним, что в совокупности эти зерновые составляют в ПБС по массе около половины всех посевов (см. рис. 4, а).

Овес и по сей день является наиболее распространенной фуражной культурой. Его максимальные показатели (9 %) характеризуют Животинное городище. Здесь следует отметить, что именно на нем было развито животноводство с преобладанием скотоводства (2/5) и значительными показателями коневодства (1/5) [Винников 1995, табл. 2]; это показатели, превосходящие приблизительно в два раза аналогичные данные со статистически достаточных археозоологических выборок⁵.

Важны также близкие данные пшениц пленчатой и голозерной между собой. До последней четверти I тыс. н. э. в палеэтноботанических комплексах археологических культур преобладала пшеница пленчатая; во времена Древней Руси пшеница голозерная, постепенно вытесняя пшеницу пленчатую, стала более выращиваемой [Пашкевич 1993]. Этот процесс свидетельствует о переходе славян к более урожайным, но и более прихотливым культурным растениям; видимо, именно он проиллюстрирован в данном случае близкими показателями обеих видов пшеницы. О том же свидетельствует доля ржи, большие показатели которой сви-

⁵ Следует также отметить, что КРС и кони составляют потенциальную базу тягловой силы, в том числе — для вспахивания полей.

детельствуют о высоком уровне техники земледелия как таковой.

Косвенным показателем систем земледелия является наличие сорняков в принципе. Для Животинного на 63 зерновки культурных растений приходится 10 зерновок сорняков; для Малого Боршевского этот показатель 28 : 2. Сорняки определены также и в материалах других памятников (см. таблицу). Эти данные свидетельствуют о том, что поля вокруг памятников достаточно давно распахивались и находились в использовании. Таким образом, мы не можем говорить о подсеке, как основной форме земледелия, поскольку в этом случае сорняки бы отсутствовали. Ее максимальная роль могла сводиться лишь к мере по расчистке участков с дальнейшим их введением в фонд пашенных земель.

Важным маркером, позволяющим судить о системах земледелия, является находка отпечатков костра, оба вида которого (ржаной, полевой) являются показателем выращивания озимых хлебов — в основном озимой ржи. Он довольно широко известен среди материалов последней четверти I тыс. н. э. К тому же времени относится письменное свидетельство Ибрагима Ибн-Якуба, который указывал, что славяне «...сеют в два времени года, летом и весной, и пожинают два урожая» [Известия... 1878, 54]. Весной засевали яровые, а летом (точнее, осенью) — озимые культурные растения, что вполне соответствует этнографическим данным XIX в. Таким образом, присутствие среди культурных растений сорняка костра являются косвенным свидетельством применения двух-, трехполья. Следствием чего может быть предположение о применении севооборота и других приемов, направленных на поддержание / повышение уровня плодородия старопашотных полей ⁶.

Дополняют картину земледелия бобовые растения — чечевица (известная в больших количествах из обгоревшего материала Животинного, также присутствующая и среди отпечатков) и горох (единичные семена среди обгоревшего материала). Единичные отпечатки гороха обнаружены также и на других памятниках. Из технических культур известны лен (обгоревший комок) и конопля, служившие сырьевой базой для ткачества (см. таблицу).

Результаты кластерного анализа дали довольно высокую степень сходства имеющихся показателей: максимальная (92,2 %) принадлежит паре Большое Боршевское — Белогорское городище II; минимальная (87,8 %) — Малому Боршевскому комплексу по сравнению с остальными. Эти данные также отличаются от проанализированных салтовских и волынцевско-роменских материалов [Горбаненко 2013; 2013, у друку] большим сходством совокупных показателей (рис. 4, б).

Проанализированные материалы, без значительных отличий показателей, на данный момент позволяют объединить их в ПБК, характеризующий общий уровень зернового хозяйства боршевской культуры (рис. 4, в).

Сбор, хранение, переработка урожая. Для сбора урожая использовали серпы и, вероятно, косы. Серпы ныне известны с материалов трех памятников. По типу крепления это черешковые серпы (рис. 3, 7, 8), с черешком, отогнутым от линии лезвия (рис. 3, 19). Это наиболее распространенный тип серпов у славян в конце I тыс. н. э., дошедший до этнографических времен и бытующий до сих пор. В противоположность этому, салтовские орудия демонстрируют намного большее разнообразие форм. Из трех находок кос (рис. 3, 9—11), единственная целая (рис. 3, 10) принадлежит к беспяточным, лезвие которых соединялось с рукоятью наглухо (рис. 3, 20). Среди материалов славянских культур подобные находки (кроме этой) нам неизвестны; они характерны для салтовской культуры.

Хранение урожая детально проанализировано в монографии А.З. Винникова [Винников, 1995, с. 32—38, 41—42]. Здесь отметим лишь, что, по обоснованному мнению исследователя, для этих целей боршевское население использовало чаще не обычные колоколовидные ямы («зерновики»), а специально оборудованные помещения — подквадратные «амба-

⁶ Простейший вариант, который был возможен при использовании участков под разноцикличные культурные растения, а также — оставлении одного из клиньев «под паром» (на отдых в течение сезона), неиспользованный под сельскохозяйственные нужды участок можно обгородить легкой загородкой для содержания там животных. Благодаря их жизнедеятельности в том числе, вносились удобрения в почву.

ры», часто обшитые деревом.

О переработке урожая свидетельствуют находки зернотерок и жерновов, известные из материалов всех боршевских памятников. Зернотерки, со времени их возникновения, использовались для измельчения продуктов растительного происхождения, а также для переработки злаков на крупу и муку. Видимо, в отличие от жерновов, их использовали для повседневных незначительных потребностей семьи — для переработки зерна на крупу для каши.

* * *

Таким образом, природные условия (как решающий фактор при развитии хозяйственного уклада) предоставляли прекрасные возможности для земледелия. Ареал боршевских памятников изначально находился в лесистой местности (видимо, вплотную окружавшими поселения непосредственно в момент их основания).

Рельеф и почвы также были благоприятными для ведения земледелия; часть лесов в непосредственной округе памятников, видимо, была сведена для нужд земледелия. С этой целью использовали подсеку исключительно для очистки участков под поля с их дальнейшим интенсивным использованием в качестве пашенных, о чем свидетельствуют как орудия для первичной обработки почвы, так и ПБК. Пойменные участки вполне могли быть в активном использовании для нужд огородничества и / или животноводства.

Интерпретация палеоэтноботанических материалов убедительно свидетельствует о высоком уровне развития земледелия. Наличие в посевах в больших количествах зерновых, которые могли быть использованы, в том числе, для нужд животноводства, убеждают в существовании сбалансированного сельского хозяйства в целом. О высоком уровне обработки почвы свидетельствуют наличие в значительных количествах пшеницы голозерной и ржи, требовавших хорошей вспашки, что хорошо согласуется с находкой чересла, свидетельствующем о существовании орудий плужного типа. Ими можно было вспахивать любые почвы и делать глубокую вспашку, в чем больше всего нуждались пшеница голозерная и рожь.

И наконец, важным является наличие сорняков, подтверждающее в принципе существование старопахотных полей (соответственно — умение их использовать длительное время — показатель интенсивного земледелия). Присутствие же засорителя озимых посевов указывает на прогрессивные приемы поддержания плодородия почвы: двух-, трехполье и ведение севооборота.

Приложение. Памятники (см. рис. 1): исследования, источники информации

1. *Белогорское городище I* (Воронежская обл., р-н). Археологические исследования: с 1962 г. — археологическая экспедиция ВГУ [Винников 1995, 159]. Обнаружен фрагмент серпа (рис. 3, 8) [Винников 1995, 40, рис. 11, 2].

2. *Белогорское городище II и могильник* (Воронежская обл., р-н). Археологические исследования: городище исследовано археологической экспедицией ВГУ в 1962, 1976 гг. [Винников 1995]; могильник — в 1961, 1974, 1979 гг. [Винников 1995]. Палеоэтноботанические исследования: изделия из глины (таблица) [Горбаненко 2012а].

3. *Большое Боршевское городище* (Воронежская обл., Хохольский р-н). Археологические исследования: 1928—1929 гг. — П.П. Ефименко [Ефименко, Третьяков, 1948]; 1963 гг. — археологическая экспедиция ВГУ [Винников 1995]. Палеоэтноботанические исследования: обгоревшие остатки — анализ К.А. Фляксбергера [Ефименко, Третьяков 1948]; изделия из глины (таблица) [Горбаненко 2012а].

4. *Воргол* (Липецкая обл., Елецкий р-н). Археологические исследования: 1960 г. — Верхнедонская экспедиция под руководством В.П. Левенка; 1961, 1964 гг. — археологическая экспедиция ВГУ под руководством А.Н. Москаленко [Москаленко 1966; Винников 1995, 161]. Обнаружены: фрагменты серпов [Винников 1995, 40; 161], фрагмент косы (рис. 3, 11) [Москаленко 1966, 204, рис. 3, 4].

5. *Дроница* (Воронежская обл., Таловский р-н). Археологические исследования: 1975, 1980 гг. — археологическая экспедиция ВГПИ под руководством А.Т. Синюка [Винников 1995, 162]. Обнаружена мотыжка (рис. 3, 3) [Винников 1995, 42; 162, рис. 11, 7].

6. *Животинное* (Воронежская обл., Рамонский р-н). Археологические исследования: с

середины 1970-х до середины 2000-х гг. — А.З. Винников, В.Н. Ковалевский [Винников 1995; Ковалевский 1997; Винников, Ковалевский 2005]. Обнаружены: 2 мотыжки (целая [Ковалевский 1997; Винников 2011, рис. 8, 1] и фрагментированная [Винников 1995, 42, рис. 11, 6; 2011, рис. 8, 2]) (рис. 3, 4, 5); фрагмент оковки от лопаты (рис. 3, 6) [Винников 1995, рис. 11, 8; 2011, рис. 8, 3]; возможно, фрагмент серпа, вероятнее — косы (рис. 3, 9) [Винников 2011, 130, рис. 8, 7]; коса (рис. 3, 10) [Винников 1995, 42, рис. 11, 4; 2011, рис. 8, 4]. Предположительно, из округа Животинного происходит втульчатое чересло (рис. 3, 2) [Ковалевский, Горбаненко, в печати]. Палеоэтноботанические исследования: обгоревшие остатки — анализ Н.А. Кирьяновой [Кирьянова 1989; Винников 1995, 39]; изделия из глины (таблица) [Горбаненко 2012а].

7. *Кузнецовское городище* (Воронежская обл., р-н; окраина г. Воронеж). Археологические исследования: 1928 г. — П.П. Ефименко [Ефименко, Третьяков 1948]; 1962 г. — археологическая экспедиция ВГУ [Винников 1995]. Палеоэтноботанические исследования: обгоревшие остатки — анализ К.А. Фляксбергера (таблица) [Ефименко, Третьяков 1948].

8. *Лысогорский могильник* (Воронежская обл., р-н; окраина г. Воронеж). Археологические исследования: 1924 г. — Д.Д. Леонов; 1928 г. — П.П. Ефименко; с середины 1960-х гг. — археологическая экспедиция ВГУ [Ефименко, Третьяков 1948; Винников 1995]. Палеоэтноботанические исследования: изделия из глины (таблица) [Горбаненко 2012а].

9. *Малое Боршевское городище* и *Боршевское селище* (Воронежская обл., Хохольский р-н). Археологические исследования: 1929 г. — П.П. Ефименко [Ефименко, Третьяков 1948]; 1963, 1966 гг. — археологическая экспедиция ВГУ [Винников 1995]. Палеоэтноботанические исследования: частичное определение обгоревших остатков — анализ К.А. Фляксбергера [Ефименко, Третьяков 1948]; изделия из глины (таблица) [Горбаненко 2012а].

10. *Михайловский Кордон* (Воронежская обл., р-н; окраина г. Воронеж). Археологические исследования: 1928 г. — П.П. Ефименко [Ефименко, Третьяков 1948]; 1986, 1989 гг. — археологическая экспедиция ВГУ [Винников 1995]. Палеоэтноботанические исследования: изделия из глины (таблица) [Горбаненко 2012а].

11. *Титчиха* (Воронежская обл., Лискинский р-н). Археологические исследования: 1954—1962 гг. — А.Н. Москаленко [Москаленко 1965]. Обнаружены: фрагмент нижней части наральника (рис. 3, 1) [Москаленко 1965, 63, рис. 12]; 4 серпа (один целый (рис. 3, 7)) [Москаленко 1965; Винников 1995, 40, 154, рис. 11, 2]. Палеоэтноботанические исследования: обгоревшие остатки — автор определений не указан (таблица) [Москаленко 1965, 65—66].

Литература

Атлас Воронежской области. — 1994. Эл. ресурс: <http://atlasrussia.ru/atlas-voronezhskoy-oblasti-1994>

Ахтырцев Б.П., Ахтырцев А.Б. Лесные палеопочвы Лысогорского могильника конца I тысячелетия н. э. // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1987. — С. 67—77.

Баскатов П.Б. Заключение об исследованиях древесины с городища Титчиха // *Москаленко А.Н.* Городище Титчиха. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1965. — С. 265—266.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI века). — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. — 164 с.

Винников А.З. Изделия из железа с Животинного городища боршевской культуры (VIII — нач. XI вв) // *Дивногорский сборник.* — Воронеж, 2012. — Вып. 3. — С. 123—141.

Винников А.З., Ковалевский В.Н. Жилые комплексы славянского времени Животинного городища // *Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья.* — Воронеж, 2005. — С. 20—46.

Горбаненко С.А. Методы интерпретации сельскохозяйственных материалов // *Stratum plus.* — 2011. — № 5. — С. 299—314.

Горбаненко С.А. Сельское хозяйство до образования Киевской Руси // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902—1968) (г. Санкт-Петербург, 3—5 декабря 2012 г.). — СПб., 2012. — С. 106—109.

Горбаненко С.А. Палеоэтноботанические материалы боршевской культуры // Восточноевропейские древности (Вестн. Острогжского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского). — Воронеж, 2012б. — Вып. 2. — С. 230—244.

Горбаненко С.А. Палеоботаничні дослідження салтівських пам'яток Лісостепу // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. — Харків, 2013. — Вип. 3. — С. 45—51, 148—150.

Горбаненко С.А. Зернове господарство сіверян // Археологія. — 2013, у друку.

Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О. Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. — I тис. н. е.). — К.: Академперіодика, 2010. — 316 с.

Горбаненко С.А., Колода В.В. Сільське господарство на слов'яно-хазарському порубіжжі. — К., 2013. — 236 с.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. — М.: Наука, 1948. — 128 с. (МИА. — № 8).

Известия Аль-Бекари и других авторов о Руси и славянах. — СПб., 1878. — 192 с.

Кирьянова Н.А. Заключение по результатам анализа зерновых материалов из раскопок Животинного городища. — Рукопись, 1989 г.

Ковалевский В.П. Раскопки славянского городища у с. Староживотинное // АО 1996 г. — М., 1997. — С. 125—126.

Ковалевский В.Н., Горбаненко С.А. Уникальная находка в районе Животинного городища // в печати.

Михеев В.К. Подонье в составе хазарского каганата. — Харьков: Вища шк., 1985. — 148 с.

Москаленко А.Н. Городище Титчиха. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1965. — 312 с.

Москаленко А.Н. Святилище на реке Воргол // СА. — 1966. — № 2. — С. 203—209.

Пашкевич Г.О. Зміни в системі зернового господарства Давньої Русі (час, причини та наслідки) // Старожитності Південної Русі. — Чернігів: Сіверян. думка, 1993. — С. 87—91.

Пашкевич Г.А., Горбаненко С.А. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам поселения Роголик) // Древности. — Харьков, 2004. — С. 225—236.

Просторово-часова кореляція палеогеографічних умов четвертинного періоду на території України / Ж.М. Матвіїшина, Н.П. Герасименко, В.І. Передерій та ін. — К.: Наук. думка, 2010. — 192 с.

Сычева С.А. О взаимосвязи общества и природы Центральной лесостепи Русской равнины в голоцене // Изв. АН СССР, сер. географ. — 1990. — № 1. — С. 86—96.

Чендев Ю.Г. Эволюция лесостепных почв Среднерусской возвышенности в голоцене. — М.: ГЕОС, 2008. — 212 с.

Чендев Ю.Г., Александровский А.Л. Почвы и природная среда бассейна реки Воронеж во второй половине голоцена // Почвоведение. — 2002. — № 4. — С. 21—29.

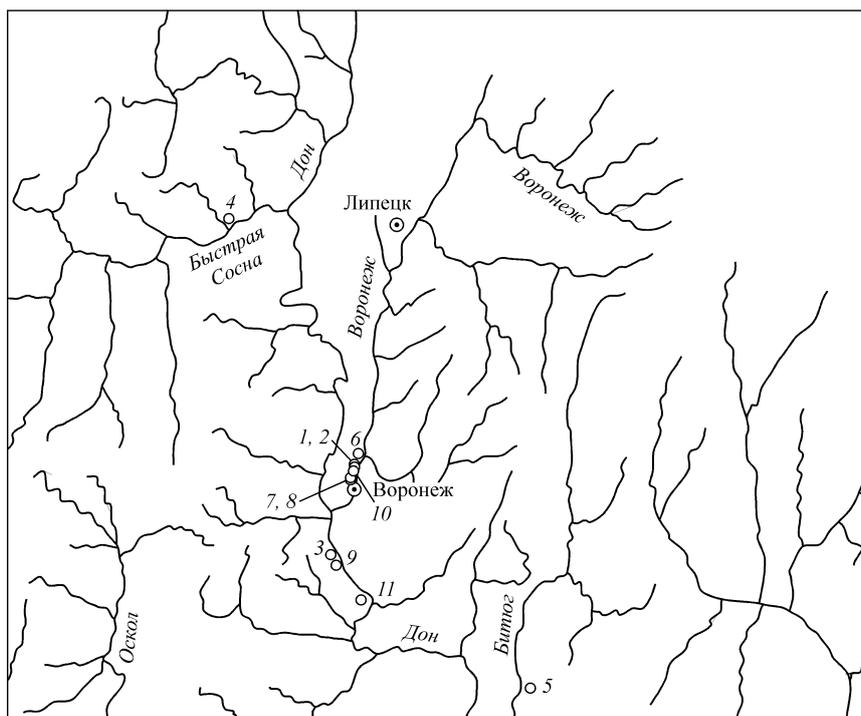

Рис. 1. Карта боршевских памятников с материалами по земледелию:
 1 — Белогорское городище I; 2 — Белогорское городище II и могильник; 3 — Большое Боршевское городище; 4 — Воргол; 5 — Дрониха; 6 — Животинное; 7 — Кузнецовское городище; 8 — Лысогорский могильник; 9 — Малое Боршевское городище и селище; 10 — Михайловский Кордон; 11 — Титчиха

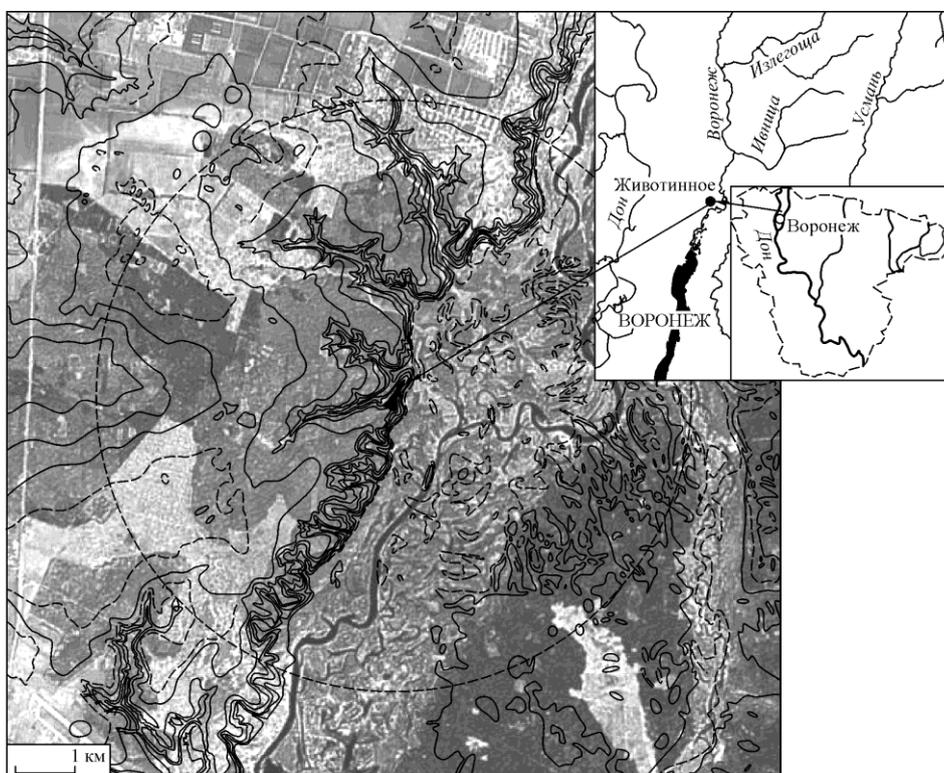

Рис. 2. Фото округи Животинного городища из космоса [<http://wikimapia.org/>]
 с нанесенными горизонталями (через 10 м)

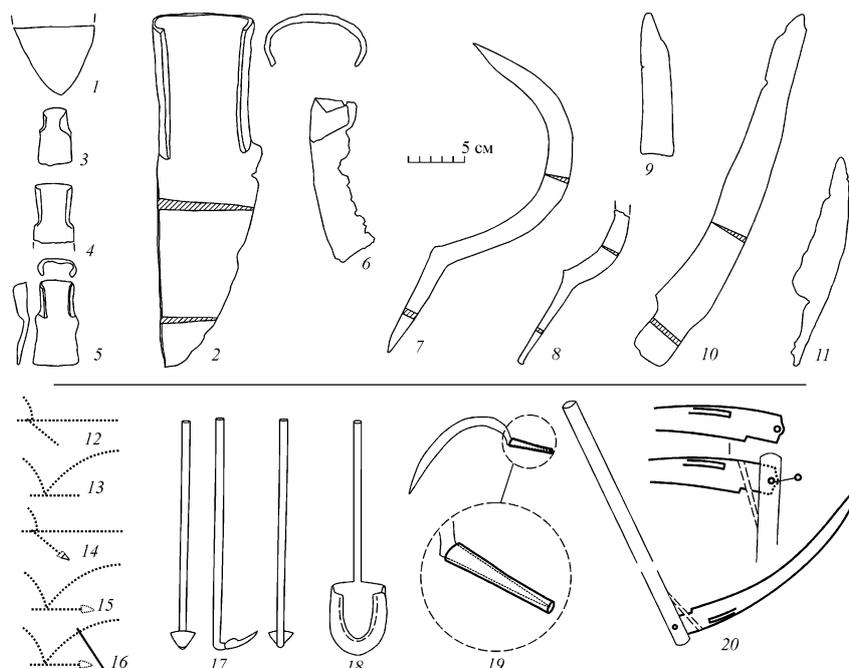

Рис. 3. Орудия земледелия боршевской культуры, **железные детали:**

1 — фрагмент наральника; 2 — втульчатое чересло; 3—5 — мотыжки с вертикальной втулкой; 6 — оковка от лопаты, фрагмент; 7, 8 — серпы; 9—11 — косы. 1, 7 — Титчиха; 2 — округа Животинного; 3 — Дрониха; 4—6, 9, 10 — Животиное; 8 — Белогорское городище I; 11 — Воргол. **Реконструкции:** 12 — прямогрязильное рало, неукрепленное наконечником; 13 — кривогрязильное рало, неукрепленное наконечником; 14 — прямогрязильное рало с узколезвийным наральником; 15 — кривогрязильное рало с железным наральником; 16 — орудие плужного типа: кривогрязильное рало с наральником и череслом; 17 — общий вид мотыжки с вертикальной втулкой; 18 — общий вид деревянной лопаты с железной оковкой; 19 — общий вид черешкового серпа; 20 — общий вид косы

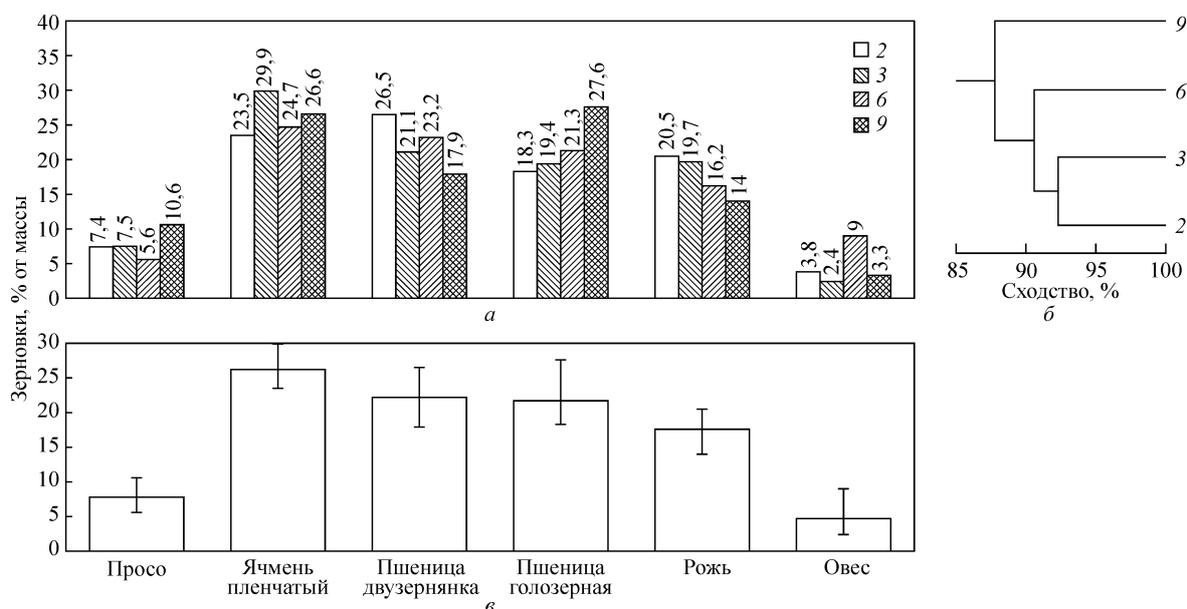

Рис. 4. Данные палеоэтноботаники:

а — палеоэтноботанические спектры данных по массе; б — кластерный анализ; в — палеоэтноботанический комплекс боршевской культуры

Таблица - Палеоэтноботанические материалы с памятников боршевской культуры

Памятник		Просо	Ячмень пленчатый	Пшеница двузернянка	Пшеница го- лозерная	Рожь	Овес	Горох	Чечевица	Лен	Конопля	Костер	Сорняк, не определено
№	Название												
—	Белогорское городище II	7	4	4	3	4	1	—	—	—	—	—	—
—	Белогорский мо- гильник II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2	Вместе	7	4	4	3	4	1	—	—	—	—	—	—
3	Большое Боршев- ское городище	11, +	8	5	5	6	1	—	—	—	—	—	—
6	Животинное	15	12	10	10	9	7	+	2	+	2	6	4
7	Кузнецовское городище	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
8	Лысогорский мо- гильник	4	2	2	—	2	—	—	—	—	—	1	—
—	Малое Боршевское городище	10	4	2	4	2	1	1	—	—	—	2	—
—	Боршевское селище	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
9	Вместе	11	5	3	5	3	1	1	—	—	—	2	—
10	Михайловский Кордон	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2	—
11	Титчиха	+	+	—	—	+	—	+	—	—	—	—	—

Примечания: + — обгоревший материал: Большое Боршевское городище, Кузнецовское городище — определения К.А. Фляксбергера [Ефименко, Третьяков, 1948, с. 55; 106]; Титчиха — автор определений не указан [Москаленко, 1965, с. 65—66]; из результатов анализа обгоревшего материала из Животинного Н.А. Кирьяновой включены лишь данные о горохе и льне, не обнаруженные в отпечатках на керамике.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У СЕЛА ВЫСОКОЕ МГЛИНСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ (предварительная заметка)

*Роман Новожеев
(Брянск, Россия)*

В 2011 году местным жителем, краеведом С. Сопранцовым автору была сообщена информация о каменном кресте на кладбище села Высокое. При осмотре места, указанного краеведом, был обнаружен курганный могильник. Он расположен к северу от села, на северо-западной стороне сельского кладбища, в 0,5 км западнее автодороги Высокое - Шеверды.

Могильник состоит из 9 курганов высотой от 0,5 до 1,5 м. Вокруг двух курганов просматриваются ровики. Между курганами расположены современные захоронения, некоторые из них врезаны в курганные насыпи. На одном из курганов, расположенном несколько в стороне от других, стоит вросший в землю гранитный, четырехконечный крест. Крест довольно грубой выделки, на нем четко видны следы обработки, что сближает его с каменными крестами вщижского могильника «Кальница». Одна из боковых ветвей утрачена. По словам С. Сопранцова, в советский период комсомольцы не раз сбрасывали крест в овраг, но местные жители устанавливали его обратно. Они же регулярно красили крест, что свидетельствует о его местном почитании. Остатки краски видны до сих пор. При осмотре креста выяснилось, что на одной стороне имеется углубленное изображение 6-конечного креста на Голгофе. Возможно часть изображения скрыта в земле.

По информации С. Сопранцова в 1,5 км на северо-восток от курганного могильника располагается юхновское городище с древнерусским слоем, ранее его поверхность распахивалась, теперь используется под сенокос. На городище случайно местными жителями несколько лет

назад были найдены бронзовый браслет со змеиными головами на концах и витое проволочное колечко, по-видимому, находки относятся к домонгольскому периоду. Возможно, что между городищем и курганным могильником существует непосредственная связь.

Курганный могильник с сохранившимся каменным крестом – это уникальный археологический памятник на Брянщине. После уничтожения курганов во Вщиже, это единственный известный могильник в Брянской области, в котором каменный крест привязан к конкретному кургану. Представленный памятник требует скорейшего и тщательного исследования.

Рис. 1. Вид на курганный могильник и современное кладбище.

Рис. 2. Курган с гранитным крестом.

Рис. 3. Изображение гологофского креста.

Рис. 4. Следы обработки на обратной стороне креста

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДСКА (по материалам раскопок 1946-1958 гг.)

*Кирилл Капустин
(Киев, Украина)*

«Малое» Городское городище – один из немногих памятников Южной Руси, исследованный широкими площадями. На протяжении 1946-1958 гг. тут проводили планомерные раскопки экспедиции ИИМК АН УССР (под рук. А.В. Дмитриевской, В.К. Гончарова, М.Ю. Брайчевского), а также ИА АН УССР (под рук. Р.И. Выезжева). За время работ было исследовано более 2 тыс. м² площади укрепленного поселения, зафиксировано следы 24 жилищ, 20 хозяйственных построек, а также 57 ям различного назначения [Виезжев 1962, 131]. Не смотря на масштабы и интенсивность работ, собранные за время раскопок материалы длительное время оставались неопубликованными (исключение составляют несколько статей Р.И. Выезжева и М.Ю. Брайчевского). Ситуация изменилась только в конце 1980-х – в начале 1990-х гг. XX в., когда, на основе комплексного анализа собранных материалов, удалось выделить два культурно-хронологических горизонта – древнерусского и послемонгольского времен [Звиздецкий 1990, 42–56; Кучера 1999, 94, 95].

Не смотря на масштабы работ и обилие находок, до сих пор не проведено комплексного анализа сельского хозяйства. Ниже мы рассмотрим материалы, характеризующие как сельскохозяйственное производство, так и животноводство Городска XII-XIV вв.

Особенности географического расположения.

«Малое» Городское городище находится на одном из отрогов левого высокого коренного берега р. Тетерев, который местное население называет «Красная гора». Склоны – довольно крутые, местами видны следы древних эскарпов. В плане площадка городища напоминает прямоугольник, размером 80x28 м, с закругленными углами. Оборонительные сооружения представлены незначительными остатками рва и вала в северной части памятника [Виезжев 1962, 131].

Анализ потенциальной ресурсной зоны показал, что на территории ближайшей периферии (на левом берегу, в округе памятника) залегают дерново-слабо и среднеподзолистые песчаные и глинисто-песчаные, а также дерново-среднеподзолистые супесчаные и суглинковые грунты преимущественно на водноледниковых отложениях и моренах. На правом берегу распространены дерново-скрытоподзолистые и слабоподзолистые глееватые песчаные и глинисто-песчаные грунты. От места впадения р. Дубовик в р. Тетерев и до с. Городское по обоим берегам реки присутствуют пойменные грунты на аллювиальных отложениях пригодные для заготовки сена и выпаса скота.

Исходя из особенностей рельефа местности и фотографий современного состояния округи, можно предположить, что правобережные территории потенциальной ресурсной зоны вероятнее всего использовали для сельскохозяйственного производства, левобережные ж уголья больше подходили для животноводческих нужд (заготовки сена, выпаса скота).

Сельское хозяйство.

За время археологических изысканий на территории Малого Городского городища обнаружены детали орудий земледельческого труда, дающие представление обо всех процессах, связанных с земледелием. К таким относится как реманент для обработки почвы (наральники, оковки лопат), так и для сбора (серпы, косы) и переработки (жернова, терочные плиты) урожая.

Орудия для обработки почвы представлены двумя железными наральниками, найденными А.В. Дмитриевской в 1946 г. Первый – происходит из заполнения землянки №1 (инв. №451): его длина 127 мм, ширина – 87-95 мм, длина втулки – 70 мм, по своим характеристикам он относится к наральникам типа 1В1 (широколопастные с умеренно заостренным краем, согласно типологии Ю.А. Краснова) и датируется XI-XIII вв.; второй – найден в

землянке №3 (инв. №903), он относится к типу 1А3 (с умеренно заостренным или округлым рабочим концом) и имеет следующие размеры: длина – 210 мм, ширина – 84 мм, длина втулки – 120 мм. На территории Руси такие изделия хорошо известны по материалам раскопок памятников второй половины I – начала II тысячелетия н.э. [Краснов 1987, 37, 43]. Ближайшие аналогии Городским наральникам находим среди материалов раскопок Киева, Колодяжина, Райковецкого городища и других населенных пунктов Среднего Поднепровья [Гончаров 1950, 66].

Анализ сохранившихся деталей железных пахотных орудий позволяет говорить об использовании прямогрязильных рал с прямым ральником, вставлявшимся в грязиль снизу (тип 1А3 согласно типологии Ю.А. Краснова), а также одорукоятчных прямогрязильных рал с четырехэлементной конструкцией (тип 1В1 согласно типологии Ю.А. Краснова) [Краснов 1987, 104].

Как отмечают исследователи, такие орудия давали возможность обрабатывать как твердые, некультурные почвы, так и легкие пойменные и лесные грунты [Краснов 1987, 98].

Вспомогательными орудиями для обработки почвы являются железные оковки от лопат-заступов. Как правило, они полуовальной формы и имеют отверстия для крепления с обеих сторон в верхней части изделия. Выковывали их из двух выгнутых полос металла (толщиной 2-3 мм), сваренных между собой по внешнему краю и плотно прикрепленных к деревянному основанию [Колода, Горбаненко 2010, 64].

На территории «Малого» Городского городища найдено несколько таких артефактов: первый – в заполнении хозяйственной ямы №11 (инв. №491, раск. 1958 г.): его длина – 133 мм, ширина – 152 мм, пластины отогнуты друг от друга на 15 мм; второй – найден на участке №3 (инв. №1033, раск. в 1946 г.) и сохранился частично: высота – 145 мм, ширина – 41 мм.

Аналогичные изделия хорошо известны по материалам раскопок Новгорода, Киева, Суздаля, Чернигова и других населенных пунктов Руси как древнерусского, так и послемонгольского времен [Колчин 1953, 89; Колчин 1959, 75].

Уборку урожая традиционно проводили железными серпами. В коллекции материалов из Городска хранятся фрагменты десяти серпов: два – найдены в 1946 г. в заполнении землянки №3 (инв. №407, 408), третий – в сооружении №7 (инв. №888), остальные – происходят из культурного слоя памятника. Фрагментарность находок не позволяет провести точную атрибуцию артефактов согласно типологии В.П. Левашовой. Можем только предположить, что местное население использовало серпы, так называемого киевского типа, хорошо известного по материалам раскопок Княжей горы, Колодяжина, Райковецкого городища [Левашева 1956, 72]. По мнению исследователей, серпы этого типа небольшие или средней величины. Угол изгиба начальной части клинка у них прямой или приближающийся к прямому. Углы резания – редко превышают 50° , основная линия кривой, проходя в пределах $40-50^{\circ}$, часто бывает ломаная [Левашева 1956, 72, 73].

К орудиям уборки урожая исследователи традиционно относят и косы. Они, без сомнения, использовались, прежде всего, при заготовке сена для животных, но вполне могли применяться и для уборки урожая зерновых с тугим колосом [Колода, Горбаненко 2010, 72]. По мнению Б.А. Колчина, древнерусская коса по форме и конструкции очень похожа на косу-горбушу, бытовавшую в отдельных регионах северо-восточной Европы вплоть до середины XX в. [Колчин 1953, 95]. Как правило, она имела длину от 400 мм до 540 мм и ширину 40-45 мм, толщина лезвия на обухе 3-4 мм [Колчин 1953, 95].

Возвращаясь к Городским материалам, отметим, что за все время раскопок на памятнике найдено 6 фрагментов кос: один обломок – во время расчистки землянки №3 в 1946 г. (инв. №415), другой – в 1947 г. в хозяйственной яме №6 (инв. №438). Его длина – 101 мм, ширина – 32 мм. Остальные фрагменты не имеют инвентарных номеров, что не позволяет установить ни точное место, ни контекст находки.

Среди материалов Малого городища известны также орудия для переработки урожая на муку (фрагменты и целые части жерновов). Как известно, на территории Руси использовался ручной постав с легкими жерновами, который изготовляли, из базальта, туфа, гранита,

ракушечника, песчаника, пиррофиллита [Минасян 1978, 103]. В Городске фрагменты и целые формы жерновов находили неоднократно. Так, раскопками Дмитриевской в 1940 г. в кв. 18 на глубине – 0,25 м найдены верхняя и нижняя части жернового постава. Из раскопок 1946 г. происходят восемь обломков жерновов: 1 – из заполнения очага №2; жерновой камень (в 3 фрагментах), диаметром 60 см, найден в засыпке землянки №3; еще один, диаметром 40 см, происходит из заполнения хозяйственной ямы, расположенной при землянке №6. В последующие годы (1947 г., 1955 г., 1958 г.) выявлены еще двенадцать фрагментов жерновов: 5 – в заполнения пятна II раскопа II (1947 г.), по одному в землянках №2 и №3 (1955 г.).

По определению М.П. Кожич-Зеленко, отдельные фрагменты Городских жерновов принадлежат к коре выветривания биотитового кварцево-полевошпатового гранита, а также кварца [Выезжев 1957, 32].

Хранили сельскохозяйственную продукцию по-разному: в специальных помещениях-амбарах, ямах-зернохранилищах, пифосах или обычных горшках. Полученные за годы раскопок материалы свидетельствуют о том, что урожай хранили в ямах круглой (диаметром 0,5-1,2 м), реже овальной (1,20x1,00 м) формы, опущенных в материк на 0,70-1,55 м [Выезжев 1962, 138, 142; Выезжев 1960, 129]. Стенки – иногда обмазывали слоем глины. Такой технологический прием хорошо известен по материалам этнографических разведок в северных областях Украины. Так, согласно наблюдениям Е.Э. Бломквист «на территории Черниговской и Сумской обл., по рекам Десне и Сейму, не так давно еще пользовались архаическим способом хранения зерна в ямах. Их выкапывали в глинистом грунте, обыкновенно в форме кувшина, и тщательно вымазывали внутри глиной, затем либо обжигали соломой, либо оббивали стенки берестой при помощи мелких колышков» [Бломквист 1956, 315].

Следует также отметить, что широко распространенные в эпоху Киевской Руси зерновые ямы грушевидной (колоковидной) в разрезе формы на «Малом» Городище представлены только одним объектом – ямой №67 (диаметром 1,0 м в верхней части и 1,1 м в нижней) [Выезжев 1960, 129].

Среди материалов раскопок известны находки отдельных фрагментов глиняных корчаг. Все они изготовлены из плотного, хорошо отмученного теста, с примесью мелкозернистого песка. Венчик массивный, немного отогнут наружу. На слабовыраженной шейке наклеплен валик, под которым находился орнамент в виде многорядной волны. Похожая керамика найдена во время раскопок В.А. Богусевич на горе Киселевка в Киеве в 1948 г.

Животноводство.

Кроме артефактов, демонстрирующих уровень развития земледелия, имеются также и археозоологические данные, которые основываются на результатах анализа остеологических материалов, собранных в разные годы. На важность животноводства в жизни населения средневекового Городска указывают и результаты соотношений особей домашних и диких животных (62% и 38% соответственно). Приведенные данные свидетельствуют как о важности животноводства, так и охоты.

Крупный рогатый скот (КРС). За все годы раскопок на территории Городска, найдено 335 костей, принадлежащих крупному рогатому скоту (от 14 особей, или 29%). Они представляют собой, так называемые, кухонные остатки и принадлежат животным, мясо которых использовалось в пищу. Согласно исследованиям В.И. Цалкина, Н.Г. Тимченка, на территории Руси существовали две породные группы КРС: мелкие тонкокостные (распространенные в лесной зоне древней Руси, Восточной Прибалтике, Центральной, Западной и Северной Европе), а также более крупные грубокостные (разводившийся преимущественно в лесостепной и степной зонах Восточной Европы) [Тимченко 1972, 93; Цалкин 1962, 29–31]. По основным параметрам, КРС среднеднепровского региона эпохи Киевской Руси наиболее схож с бурым полесским скотом, разводимым в бывшем Васильковском уезде Киевской губернии в XIX в. (высота в холке колебалась от 103 см до 127 см и составляла в среднем 113,7 см) [Тимченко 1972, 95].

Мелкий рогатый скот (МРС). Кости МРС немногочисленны в культурном слое памятника и составляют примерно 12,5% от общего количества (95 костей / 6 особей). Как по-

казали исследования Н.Г. Тимченка, МРС Среднего Поднепровья X-XIII вв. был несколько крупнее и грубокостнее МРС Северной Руси [Тимченко 1972, 102]. В целом же, количество костных остатков МРС с Городска свидетельствует о всестороннем развитии животноводства в регионе, что не удивительно, учитывая географическое расположение и уровень развития производственных сил.

Конь. Важную роль в жизни и хозяйстве населения Руси играл конь, что объясняется развитием военного дела, спецификой сельскохозяйственной деятельности, а также местными традициями. Кости лошадей хорошо известны по материалам раскопок Городска, количественно уступают только КРС и свиньям. За все годы исследований на памятнике найдено 98 костей, принадлежавших 6 особям разного возраста, что составляет чуть более 12,5% от общего числа остатков домашних животных. Согласно наблюдениям Н.Г. Тимченко, большинство костей с территории Среднего Поднепровья принадлежат малорослым и средним лошадям (83,9%), а также мелким – 11,6% и рослым – 4,5% [Тимченко 1972, 119].

Свинья. Костные останки свиньи весьма многочисленны и составляют около 35% от общего числа. Всего было определено 239 костей принадлежащих 17 особям разного пола и возраста. О домашней свинье из средневековых памятников лесной и лесостепной зон данных недостаточно, общие наблюдения указывают на то, что среднеднепровские свиньи X-XIII вв. были несколько крупнее, нежели в лесной зоне (высота в холке 72,5 см) [Тимченко 1972, 108].

Среди других находок следует отметить кости *собаки* (12 костей/2 особи или 4%), *кошки* (4/1, или 3%), а также *курицы* (5/3, или 4%). Что касается домашней птицы (куры, гуси), то, как верно заметил В.К. Гончаров, ее место в пищевом рационе населения было более высоким [Гончаров 1950, 74]. Сравнительно небольшое количество найденных на городище птичьих костей объясняется тем, что они хуже сохраняются, нежели кости крупных животных.

На памятнике обнаружено довольно много костей диких животных (38% от общего числа). Среди них выделим кости *лося* (72 кости/4 особи, или 10%), *оленья* (20/4, или 10%), *косули* (89/8, или 18%), *дикой свиньи* (68/6, или 17%), *бобра* (75/12, или 28%), *дикой курицы* (9/3, или 7,5%), *утки* (4/1, или 3,5%), *волка* (1/1, или 3,5%), а также *тетерева* (2/1, или 3,5%). Такое соотношение между остатками домашних и диких животных свидетельствует о значительной роли охоты в хозяйственной деятельности населения средневекового Городска. Согласно наблюдениям В.И. Цалкина, Г.Н. Тимченко, в средневековье относительно большое количество костей диких животных найдено в замках и сельских поселениях, наименьшее же – в крепостях и городах [Тимченко 1972, 142]. Наиболее близки по количественным и видовым характеристикам материалы раскопок поселений Комаровка и хут. Половецкий в Среднем Поднепровье [Тимченко 1972, 142].

Таким образом, анализ археологических артефактов и остеологических материалов с раскопок «Малого» Городского городища позволяет сделать ряд выводов, касательно специфики развития сельского хозяйства местного населения в XII-XIV вв.:

1) природно-географические условия способствовали равномерному развитию как земледелия, так и животноводства;

2) найденные на памятнике орудия труда свидетельствуют о занятии его жителей пашенным земледелием (вспашка земли проводилась прямогрязильными ралами с прямым ральником, а также однорукоятными прямогрязильными ралами с четырехэлементной конструкцией);

3) основное поголовье сельскохозяйственных животных составляли свиньи и КРС (35% и 29% соответственно), а также МРС (12,5%) и лошади (12,5%);

4) преобладание свиньи и КРС в стаде можно объяснить тем, что население Городска в большей мере занималось сельским хозяйством, нежели животноводством (КРС использовали в качестве тягловой силы). Отметим, что подобная ситуация прослеживается и в других регионах Древнерусского государства: в Ходосовке, летописном Губине, окольном граде Чернигова [Винокур и др. 2004, 60; Возний 2009, 107; Потапов 1990, 37–41];

5) охота была важной составляющей хозяйственной деятельности населения: среди диких

животных, добывавшихся в регионе, преобладали копытные (лось – 10%, косуля – 18%, олень – 10%, дикая свинья – 17%); из пушных животных чаще других охотились на бобра (28%) и лисицу (2%). Аналогичная ситуация зафиксирована по материалам раскопок Воиня, Чучина, Комаровки и других населенных пунктов Среднего Поднепровья [Тимченко 1972, 143].

Как видим, анализ имеющихся материалов позволил в общих чертах охарактеризовать уровень развития сельского хозяйства населения «Малого» Городского городища в XII–XIV вв.

Не смотря на это, широкий круг проблем требует более основательного изучения, открывая перспективы для дальнейших исследований, в частности: определение палеоботанического спектра памятника, полномасштабный анализ фаунистических остатков, построение хронологии освоения потенциальной ресурсной зоны (ПРЗ), вычисление уровня антропогенной нагрузки на природу региона в древнерусское и послемонгольское время.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища, хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1956 – С.5–458

Виєзжев Р.І. Будівлі «Малого городища» Х–ХІІІ ст. в с. Городську // АП УРСР – 1962. – Т. XII. – С.131–154.

Выезжев Р.И. Отчет Городского отряда Древнерусской экспедиции 1957 г. // НА ИА НАНУ – 1957/7 – 37 с.

Выезжев Р.И. Раскопки «Малого городища» летописного Городеска // КСИА – 1960. – Вып.10. – С.124–135.

Винокур І.С., Журко О.І., Мегей В.П., Якубовський В.І. Літописний Губин XII – XIII ст. Болохівська земля. – Київ – Кам'янець-Подільський – Хмельницький – Старокостянтинів, 2004. – 208 с.

Возний І. П. Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X – XIV ст. Частина 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток. – Чернівці: Золоті Литаври, 2009. – 568 с.

Гончаров В.К. Райковецкое городище – Киев: Акад. наук УССР, 1950. – 219 с.

Довженко В.И., Кучера М.П. Отчет о работе древнерусской экспедиции на р. Роси в 1956 г. (хутор Половецкий, село Николаевка) // НА ИА НАНУ – 1956/12в – 56 с.

Звіздецький Б.А. О времени существования летописного Городеска // СА – М., 1990 – №1 – С. 42–56.

Колода В.В., Горбаненко С.А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры – Киев: Институт археологии НАН Украины, 2010. – 216 с.

Колчин Б.А. Чёрная металлургия и металлообработка в Древней Руси // Материалы и исследования по археологии СССР – М., 1953 – №32 – 257 с.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1959 – № 65 – С. 7–120

Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы – М.: Наука, 1987. – 237 с.

Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем – К., 1999 – 252 с.

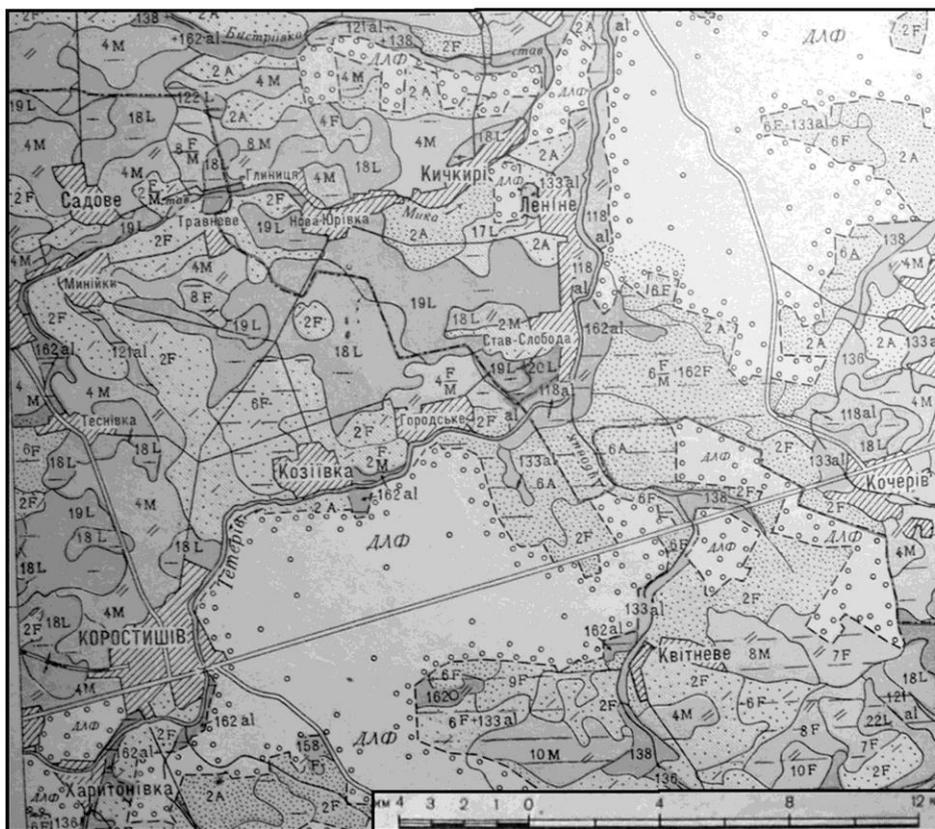
Левашева В.П. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. – М.: Госкультпросветиздат, 1956 – Труды ГИМ. – Вып.32. – С. 19–93.

Минасян Р.С. Классификация ручного жернова постава (по материалам Восточной Европы I тыс. н.э.) // СА – 1978 - №3. – С. 101–112.

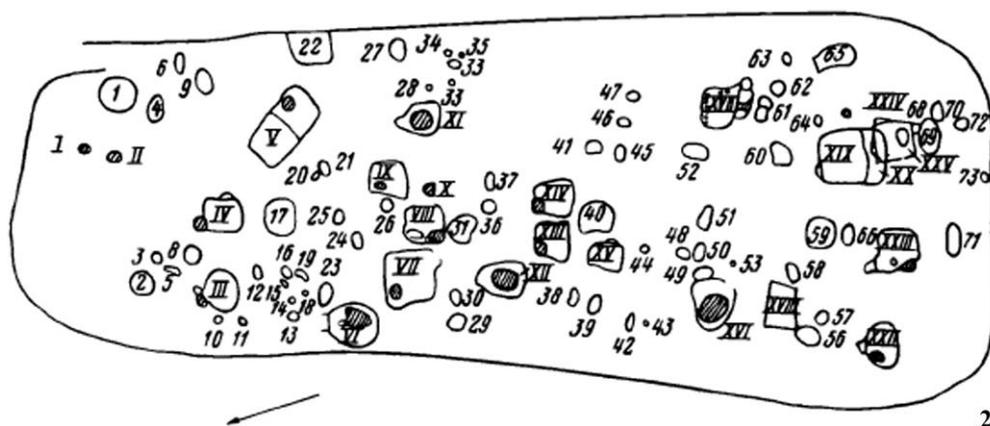
Потапов А.В. Новые материалы к истории скотоводства и охоты в древнем Чернигове // Проблемы археологии Южной Руси. – К., 1990. – С. 37–41

Тимченко Н.С. К истории охоты и животноводства в Киевской Руси. – К.:Наукова думка, 1972 – 204 с.

Цалкин В.И. Материалы к истории животноводства и охоты в Восточной Европе – Материалы и исследования по археологии СССР – М., 1962 – №107 – 140 с.

1

2

Рис.1. Карта почв округи середньовікового Городська (1); схематичний план (2) площадки «Малого» городища з розкопаними об'єктами (по Р.І. Выезжеву)

Рис 2. Находки сельскохозяйственного назначения с раскопок «Малого» городища

**АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
НА ДЕТИНЦЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА-СЕВЕРСКОГО
(по материалам раскопок 2012 года)**

*Иван Кедун
(Нежин, Украина)
Алёна Черненко,
(Чернигов, Украина)
Артур Чубур
(Брянск, Россия)*

Древнерусский летописный город Новгород-Северский, как столица главного героя «Слова о полку Игореве» всегда привлекал внимание исследователей. В последние годы его планомерные раскопки ведет экспедиция Нежинского государственного университета им. Н.В. Гоголя при участии Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко и Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. В сезон 2012 г. было продолжено изучение центральной части Замковой горы – детинца Новгорода-Северского. Данная публикация посвящена введению в оборот данных по остеологии диких и домашних животных, останки которых выявлены при раскопках указанного сезона. Остеологический материал позволяет судить об особенностях стада, охотничьих промыслов, мясном рационе средневековых обитателей детинца. Краткая информация об археозоологии по материалам предыдущего сезона 2011 года была опубликована ранее [5].

Выборка пока еще недостаточно велика для полноценных выводов о, например, точных соотношениях в составе стада, однако некоторые предварительные результаты все же достойны внимания. Большая часть костного материала раздроблена и не предоставляет возможности для морфометрических исследований, однако довольно часто систематическое положение животного при этом установить можно. Трудно и невозможно это сделать только с мелко раздробленными костями (как правило – стенками диафизов длинных костей). Таких неопределимых костей немногим более 10%, причем почти 2/3 приходится на верхний позднесредневековый слой. Сравнительная морфометрия костей, с которых промеры удалось снять, в настоящее время изучается. Сохранность костей по 5-бальной схеме [1], можно оценить примерно в 3-4 балла: костные остатки из культурного слоя Новгорода-Северского при направленном усилии можно сломать, но без него они сохраняют форму и, в большинстве случаев, особенности поверхностного слоя компакты, часть костей после чистки и мытья в незначительной степени рассыхались, давая трещины и шелушение поверхности компакты.

В раскопах 2012 года удалось разделить стратифицированный остеологический материал как минимум на три хронологических горизонта – позднесредневековый (XV – XVIII века), древнерусский (XII – XIII века) и роменский (X – начало XI века). Статистика материала представлена в Таблице 1. Всего сезон 2012 года дал 958 костных остатков фауны (преимущественно млекопитающие, а также небольшое количество костей птиц и костистых рыб).

Материал роменского периода происходит лишь из одной постройки. Он немногочислен и не позволяет делать каких-то далеко идущих выводов, кроме, пожалуй, одного: весьма высока доля диких животных. Из 26 костей млекопитающих 10 принадлежат лосю, зубру (2 особи по пяточным костям) и косуле. Несколько удивляет полное отсутствие среди домашних животных лошади – это крайне нехарактерно для северян, но не будем забывать: мы имеем дело лишь с одной постройкой с не очень насыщенным костями заполнением. Насколько дичь замещает лошадь, мы сможем судить лишь по результатам дальнейших раскопок.

Насыщенность древнерусского культурного слоя костями животных – в среднем около 6 костей на кубический метр культурного слоя (всего их собрано 547, принадлежащих минимум 38 особям, пока не уточнено число особей рыб). Костные остатки распределялись неравномерно, концентрируясь в заполнении котлованов построек.

Позднесредневековый слой имеет несколько более высокую насыщенность костями – в среднем 11 костных остатков на кубический метр грунта. Всего собрано 369 костей, принадлежащих не менее чем 27 особям.

Интересно, что примерно половины костей крупного рогатого скота из этого хронологического горизонта происходит из культурного слоя вне котлованов построек, хотя именно постройки являются в целом местами концентрации остеологического материала.

Судя по данным подсчета остеологического материала, и в позднем средневековье и в древнерусское время основную часть стада составляет свинья: 38-39% кухонных остатков. Несколько ниже роль крупного рогатого скота – 30-33%. Около 20% относятся на счет мелкого рогатого скота и 10% на лошадь. При этом кости лошади в значительной части имеют характер кухонных остатков (в частности они расколоты) – в северских землях это животное традиционно употребляли в пищу [2].

Особо следует остановиться на роли дичи в рационе обитателей Замковой горы и, соответственно, на месте охотничьего промысла в их жизни. О значительном месте дичи в рационе роменского населения уже было сказано выше. Что же касается последующих периодов, то и в них ситуация существенно не меняется. В древнерусском слое это почти треть – 31% - всех определимых костей млекопитающих. В позднесредневековом горизонте соответственно 22,5% - почти четверть.

В древнерусском культурном слое встречены остатки зубра, который в позднесредневековье уже отсутствует. Тур в древнерусских материалах представлен 19 костями от двух особей. На позднесредневековый горизонт приходится лишь фрагмент нижней челюсти, возможно принадлежавшей туру. Так же лишь одной лучевой костью в позднем средневековье представлен благородный олень. В то же время в древнерусском культурном слое выявлено 36 его костей от 2 особей (правда почти все они, включая великолепный фрагмент черепа с рогами, концентрируются в пределах постройки 2 в траншее 1, имевшей хозяйственное назначение). Неизменной на протяжении нескольких столетий оставалась роль лося, косули и дикого кабана. Судя по наличию костей бобра, и у древнерусских и у позднесредневековых жителей Замковой горы были в распоряжении и бобровые гоны. Наконец, следует отметить наличие костей волка и такой элитной добычи, как рысь (2 кости в древнерусском слое и 1 в позднесредневековом).

Если судить по аналогии с другими средневековыми городами, материал, таким образом, указывает на высокий социальный статус населения [3, 4]. Однако авторам представляется, что не следует упускать из вида и то, что Новгород-Северское полесье – особый ландшафтный регион, природа которого также способствовала более широкому развитию охотничьего промысла по сравнению с соседними территориями, в большей степени освоенными сельскохозяйственно.

Литература

1. Антипина Е.Е. Современный подход к изучению костей животных из археологических памятников // Цифровая библиотека портала «Археология России» М., 2004. URL: www.archeologia.ru/Library/Book/8579531e11d9 (дата обращения 07.02.2012).
2. Потапов О.В. Деякі традиції розвитку скотарства в давньому Чернігові // Чернігівська старовина. Збірник наукових праць, присвячений 1300-літтю Чернігова, Чернігів, 1992, С.56-61.
3. Цалкин В.И. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР № 167 (Материалы и исследования по археологии Москвы, Т.IV). М. 1971. С.164-188.
4. Чубур А.А. Археозоология древнерусского Брянска по материалам раскопа на Петровской горе // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV веках. Тула, 2005 С.59-61
5. Шпак Н.В., Чубур А.А. Штрихи к археозоологической характеристике детинца домонгольского Новгорода-Северского (по материалам раскопок 2011 г.) // Древности Средне-Западной России и сопредельных территорий. Материалы XXVIII междунар. студ. археолого-этнологич. конф. 24-25 мая 2012 года. – Брянск: «Курсив», 2012.С.84-90.

Таблица 1 - Остеологический материал с Замковой горы Новгорода-Северского из раскопок 2012 года

животное	XVI - начало XVIII вв.	XII-XIII вв.	X - начало XI вв.
КРС	65/2	106/5	7/1
МРС	45/2	42/3	3/1
Лошадь	20/1	42/2	-
Свинья	84/4	118/5	6/1
Собака	-	4/2	-
ВСЕГО домашних млекопитающих:	214/9	312/17	16/3
Тур	1/1	19/2	-
Зубр	-	6/1	4/1
Лось	29/2	29/2	2/1
Благородный олень	1/1	36/2	-
Косуля	20/1	32/3	4/1
Дикий кабан	5/1	14/3	-
Рысь	1/1	2/1	-
Волк	-	3/1	-
Бобр	4/1	4/1	-
Заяц	1/1	-	-
ВСЕГО диких млекопитающих	62/9	145/16	10/3
Птицы	18/4	33/4	8/2
Рыбы	13	25	-
Неопределимые кости	62	32	8
ВСЕГО костей:	369	547	42

ДВА ЭТАПА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ЧЕРНИГОВСКОГО ЗАДЕСЕНЬЯ

*Юрий Сытый
(Чернигов, Украина)*

Освоение человеком одних и тех же территорий происходило множество раз. Для сравнения различных этапов заселения мы предлагаем рассмотреть памятники неплохо изученного участка Черниговского княжества. На территории, которая в Ипатьевской летописи названа Задесеньем, этот процесс можно реконструировать для каждой отдельной археологической культуры или эпохи (в зависимости от количества открытых археологических памятников). Для сравнения следует брать периоды не очень удаленные в историческом плане – сравнения будут более корректными из-за незначительного прогресса в развитии производительных сил. Заселенность территории на первую половину XIII в., выявленную в процессе археологических разведок, мы предлагаем сравнивать с заселенностью периода позднего средневековья, известную по письменным источникам. Оба рассматриваемых периода имеют много схожего. Они начинались после потепления климата, способствующего увеличению количества населения, и после периодов запустения территории вследствие различных

причин [Борисенков, 1976, 6]. Сравнение двух периодов исторического развития территории Задесенья интересно с точки зрения протекания процессов в одних и тех же природных условиях, но на разных этапах исторического развития. Нельзя без оговорок сравнивать производительность труда в древнерусское время и в XVII в., но прогресс не был и столь стремительным при рутинном способе земледелия периода феодализма. По мнению В.И. Довженка, исследовавшего уровень развития земледелия в Древней Руси, производительность труда крестьянина за это время изменилась незначительно. Не только уровень развития производительности труда, но и плотность населения в середине XIII в. и в первой половине XVII в. [Компан, 1960, 76] была приблизительно сопоставима [Довженок, 1961, 108].

Использование одной природной среды при примерно сходной плотности населения и уровне развития производительных сил позволяет сравнивать два различных этапа, отстоящих друг от друга на 350 лет. Следует учитывать, что период разрыва традиции поступательного развития приходится на время монгольского ига и его последствий – уменьшение количества населения и, как следствие, ухудшение технологий изготовления изделий [Ситий, 2008, 37]. Таким образом, хоть и с оговорками, имеет смысл сравнивать два этих периода.

Задесенье, как часть домениальных владений черниговских князей [Зайцев, 1975, 48], территориально расположено на юго-восток от Чернигова, в границах, проходивших по рекам Десне, Смолянке, Остру, Ромну и Сейму. Эта довольно обширная (5300 км²) территория находится в пределах двух ландшафтных зон – полесья и лесостепи [Атлас, 1991, 19] (Рис. 1). Они находятся с двух сторон от условной линии, проходящей через Нежин и Батулин. Каждая из ландшафтных зон имеет определенный набор почв, сформировавшийся, как вследствие природных условий, так и под воздействием жизнедеятельности человека [Сытый, 1990 б, 62].

Для рассматриваемой территории характерны почвы семи групп: I – черноземы лесостепные (70% плодородия полтавского чернозема); II – темно-серые лесные почвы и черноземы оподзоленные (60–70% плодородия); III – луговые почвы (50–70%); IV – ясно-серые и серые лесные почвы (40%); V – дерново-подзолистые супесчаные и легкосуглинные почвы (30%); VI – дерново-подзолистые песчаные почвы (менее 30%); VII – торфо-болотные почвы (распашка которых, как правило, невозможна) (Рис. 2). Для ландшафтной зоны смешанных лесов более характерными являются почвы IV – VI групп; для лесостепи – почвы I – III групп. Большой удельный вес почв III и VII групп на Задесенье следует отнести к особенностям рельефа данной местности, значительная площадь которой занята поймами рек. Отсутствие высоких берегов и террас приводит к затоплению значительных территорий внешними водами и образованию луговой растительности. Практически невыраженный наклон местности отражается на ширине пойм рек и даже ручьев, обуславливает наличие большого количества озер и болот, а застаивание воды приводит к повышенному содержанию соли (солонцов) на значительной площади Задесенья. Наличие засоленных почв также не способствовало сельскохозяйственному освоению больших участков территории [Коваленко, Ситий, 1994, 45]. Состав почв и их урожайность хорошо иллюстрируется картой возможного ежегодного урожая ржи составленной А. Русовым по статистическим данным конца XIX в. (Рис. 3).

Колебания климата Земли в сочетании с особенностями рельефа местности отразились на разнообразии почвенного покрова. В эпоху бронзы, в условиях более сухого и резко континентального климата, поселения располагались ближе к берегам рек и озер, а проникновение на территорию скотоводческих племен с юга фиксируется по наличию курганов и групп не только в пределах лесостепи, но и до 80 км севернее ее современной границы [Ситий, 2009, 181]. Более сухой климат способствовал образованию степной растительности на территориях водоразделов, относящихся к полесью. Карта почв фиксирует этот процесс, протекавший в течение последних 5000 лет. Последующие изменения климата в сторону потепления и повышения влажности нашли отражение в виде грунтов II группы (оподзоленных черноземов) – зарастания участков степи лесом. Кроме изменений климата, на формирование состава почв и их разнообразие оказывала влияние и жизнедеятельность человека – вырубка лесов, распашка почв, активное животноводство и т. д. Во время каждого нового освоения

территории человек уничтожал участки леса, расширяя границы поля. Морфология грунтов фиксирует последствия такого воздействия. Почвы IV и V групп сформировались на месте существования в прошлом участков леса, уничтоженных человеком. Человек не только приспособлялся к своим потребностям окружающую его природу, но и научился ее использовать, выработав такие формы хозяйствования, которые отвечали условиям данной местности и позволяли достигать лучших результатов – не только выжить, но и увеличить численность коллектива [Ситий, 1998, 40].

Неограниченное переселение на новые участки после истощения использованных почв возможно только при наличии незаселенных участков территории. После завершения формирования поселенческих структур, занявших все пригодные для сельскохозяйственного освоения земли, при экстенсивном пути развития, происходит отток части населения на еще не освоенные территории. В дальнейшем развитие освоенных ранее территорий идет по пути интенсификации хозяйственной деятельности. С увеличением численности населения снижается возможность вырубке новых участков леса. Это приводит к смене двуполья трехпольем, когда использованный потенциал почвы возобновляется благодаря очередности использования участков пашни. Еще в начале XX в. в припятском Полесье этнографы фиксировали подсечное земледелие, что указывает на его производительность при наличии неограниченного количества пригодных для использования участков леса.

Заселенность Задесенья в зоне смешанного леса и на участках леса в лесостепи достигла максимума в первой трети XIII в. (Рис. 4). В XII – середине XIII вв. осваиваются все типы грунтов. Распахивание лесостепных черноземов, по мнению исследователей, стало возможным уже в XII в., как результат усовершенствования пахотных орудий труда. Такая заселенность территории в древнерусское время приводила к трансформации грунтов вследствие их активного хозяйственного использования – изменению их характеристик и механических свойств. Эти почвы не исчезли со временем и были повторно включены в сельскохозяйственный оборот в XVII в.

Итоги исследований древнерусского этапа заселения Задесенья в X – середине XIII вв. по археологическим материалам были опубликованы автором по состоянию на 1988 г. [Ситий, 1998, 41].

Таблица 1 - Поселения XIII в., расположенные на различных типах почв

I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
7 ед. (6%)	17 ед. (14%)	33 ед. (28%)	36 ед. (31%)	24 ед. (20%)	2 ед. (1%)

Новые открытия могут несущественно изменить картину, но для их получения разведки по обследованию Задесенья должны проводиться с интенсивностью не меньшей, чем в 80-х годах XX в.

Древнерусскому периоду освоения территории Задесенья предшествовал роменский (северянский) этап освоения указанной территории [Ситий, 2010, 20]. Освоение в казацкое время тоже имело свою подоснову в виде отдельных поселений литовского времени. Формально начало нового этапа освоения Задесенья связано с решениями Деулинского перемирия, подписанного в 1618 г., в результате которого южная часть Черниговщины отошла к Речи Посполитой. А. Яблоновский писал по этому поводу: «Черниговщина в целом находилась... после тяжелых войн как настоящая пустыня, полная лесов, посреди которых прятались несколько городков ... поселений, ... возникших, за редким исключением, уже после Деулинского перемирия» [Яблоновский, 1997, 132]. Следствием присоединения было строительство крепостей в местах прохождения дорог и вдоль границ. Необходимость быстрого закрепления захваченных территорий обуславливала раздачу значительных участков могущественным родам польской шляхты, которые во время заселения новых земель использовали подчиненное им население с правого берега Днепра, привлекая также свободное население различными льготами, обещанными переселенцам на новом месте. Такие льготы не один

раз использовались ранее, и как правило давали довольно быстрый результат [Кулаковский, 2002, 186].

Новые направления угрозы военной опасности и их переориентация с юго-востока (Рис. 5) (степного коридора, по которому кочевники попадали на территорию Задесенья [Сытый, 1989, 127]) на северо-восток – в польское время, а также переориентация основных сухопутных дорог привела к запустению старых городищ, ориентированных на защиту территории со стороны поля, и возобновлению укреплений на городищах, хорошо вписавшихся в новую структуру обороны польского государства [Коваленко, Ситий, 2008, 115] (Рис. 6). Жизнь через 350 лет после монгольского погрома возродилась только на укрепленных пунктах, которые имели важное стратегическое значение в новых исторических условиях. Экономический расцвет любого средневекового города зависел от заселенности территории и степени развития его сельскохозяйственной окрестности. Согласно исследованиям А. Яблоновского, известно время возникновения сел на захваченных землях, их административная принадлежность к округе тех или иных крепостей. Пробелы в материалах исследователя можно заполнить материалами переписи 1666 г. [Переписи, 1935, 4] (Рис. 7).

Таблица 2 - Населенные пункты XVII в., расположенные на территории Задесенья

Статус	Название	Тип поселения по месту расположения	Время возникновения или дата первого упоминания	Тип почвы
Село	Авдеевка	I	1596	IV
Село	Анисов	I	середина XVII в.	V
Город	Батурич	I	1625	IV
Город	Бахмач	I	1666	I
Село	Березанка	I	1666	II
Село	Берестовец	I	XVI в.	I
Село	Бондаревка	I	1666	V
Город	Борзна	I	XVI в.	I
Село	Бурковка	III	I пол. XVII в.	IV
Деревня	Бутовка	II	1666	V
Село	Большая Загоровка	I	II пол. XVII в.	II
Село	Большая Кошелевка	III	1649	V
Село	Большой Самбор	I	1666	I
Село	Большое Устье	I	1650	IV
Село	Вересоч	I	1654	VI
Город	Вертиевка	I	начало XVII в.	II
Село	Вершинова Муравейка	I	1608	IV
Село	Выбли	I	1635	IV
Село	Выровка	I	1666	III
Село	Високе	I	II пол. XVI в.	VI
Село	Воловица	I	I пол. XVII в.	V
Село	Гайворон	I	I пол. XVII в.	I
Село	Голенка	I	середина XVII в.	I
Село	Горбово	I	начало XVII в.	IV
Село	Головеньки	III	начало XVII в.	IV
Село	Городище	I	начало XVII в.	II
Село	Грабовка	III	1635	III
Село	Дептовка	I	1666	I
Село	Дремайловка	III	1666	V
Село	Дроздовка	III	начало XVI в.	V
Село	Дуболуговка	III	середина XVII в.	VI
Село	Жуковка	III	1721	IV
Город	Ивангород	I	1649	VI
Село	Ивановка	I	1635	III
Село	Ильинцы	I	I пол. XVII в.	II
Деревня	Кербутовка	I	II пол. XVII в.	III

Село	Кунашевка	I	1629	V
Село	Кладьковка	II	1608	V
Село	Ковчин	I	1661	IV
Село	Комаровка	I	I пол. XVII в.	II
Село	Красиловка	III	начало XVII в.	I
Село	Красное	I	30-е гг. XVII в.	V
Город	Красный Колядин	I	II пол. XVI в.	V
Село	Красносельское	III	I пол. XVII в.	I
Село	Красностав	II	I пол. XVII в.	III
Село	Круты	I	I пол. XVI в.	V
Село	Куликовка	III	II пол. XVII в.	IV
Село	Курень	I	I пол. XVII в.	I
Село	Ладинка	I	II пол. XVI в.	V
Село	Лукашевка	I	XVII в.	IV
Хутор	Малая Доч	I	II пол. XVII в.	II
Село	Малая Загоровка	I	I пол. XVII в.	III
Деревня	Малая Кошелевка	III	1700	VI
Село	Малый Самбор	I	1666	I
Село	Николаевка	I	II пол. XVII в.	I
Село	Митченки	I	1636	III
Город	Нежин	I	1625	I
Город	Новые Млины	I	1830	III
Село	Новоселки	I	1666	II
Село	Обмачев	I	1636	IV
Село	Оленовка	I	XVI в.	II
Город	Олишевка	I	начало XVI в.	IV
Село	Омбиш	I	начало XVII в.	IV
Село	Орловка	III	1661	IV
Село	Пальчики	I	I пол. XVII в.	III
Село	Петровка (Махновка)	I	конец XVI в.	II
Село	Печи	I	I пол. XVII в.	III
Село	Плиски	I	I пол. XVII в.	II
Село	Поповка	I	XVII в.	I
Хутор	Поросючка	I	II пол. XVII в.	II
Село	Прачи	II	II пол. XVI в.	V
Село	Прохоры	III	1666	III
Город	Салтыкова Девица	I	1619	IV
Село	Серединка	II	1670	IV
Город	Сиволож	I	1654	II
Деревня	Скоринец	III	I пол. XVII в.	IV
Деревня	Слобода	III	середина XVII в.	V
Село	Смоляж	I	XVII в.	II
Село	Смолянка	I	1666	IV
Село	Сосновка	I	1666	I
Село	Степановка	II	I пол. XVII в.	V
Село	Стодолы	I	I пол. XVII в.	V
Село	Стрельники	I	начало XVII в.	V
Деревня	Тыница	I	1659	IV
Село	Тростянка	I	II пол. XVII в.	III
Село	Фастовцы	I	1424	VI
Село	Хибаловка	I	1660	III
Село	Ховмы	II	I пол. XVII в.	III
Село	Хорошее Озеро	III	конец XV в.	V
Село	Черняховка	I	конец XVI в.	II
Город	Шаповаловка	I	конец XVI в.	I
Село	Шаповаловка	I	1666	III
Село	Ядути	II	1650	V

В общем, рассматривая степень освоения территории во второй четверти XVII в., можно достаточно полно охарактеризовать экономическое развитие региона. На момент переписи 1666 г. на территории Задесенья существовало 3 больших города – Нежин, Борзна и Батурин [Ситий, 2011 б, 108]; 12 центров сотенного управления, которые в документах имеют статус местечка (городка); учтено также 70 сел и 8 хуторов. Проанализируем, на каких землях были основаны новые поселения этого времени.

Таблица 3 - Поселения XVII в., расположенные на различных типах почв

I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
16 ед. (17%)	16 ед. (17%)	16 ед. (17%)	21 ед. (23%)	18 ед. (19%)	6 ед. (7%)

Во время основания новых сел в малозаселенной местности, практически не учитывалась структура заселения, сложившаяся в предшествующее время (подобные процессы происходили в XI в.). Взрывной характер колонизации на начальном этапе со временем переходит в постепенное освоение всех пригодных для их освоения земель. Процессы начального этапа повторного заселения вполне сопоставимы с протеканием процессов в XI–XIII вв. Они характеризуются выбором участков под сельское заселение, исходя из плодородия и пригодности почв для хозяйственного использования. Картина, полученная по данным на 1666 г., подобна с заселенностью Задесенья на XI в. Небольшой удельный вес древнерусских поселений на почвах I группы обусловлен уровнем развития пахотных орудий труда и военной угрозы со стороны степи. Схожесть процессов имевших место в XI в. и в первой половине XVII в. проявляется в заселении значительных по площади свободных пространств и образовании сельских населенных пунктов вследствие экстенсивного пути развития [Ситий, 2010, 9].

Согласно таблицы № 3, наименьшая заселенность наблюдается на почвах VI группы, которые характеризуются небольшой урожайностью при малых затратах рабочей силы на их обработку. Сравнивая два периода заселения, следует отметить, что почвы VI группы в древнерусское время также были слабо заселены. Такой низкий показатель (2,1% – в древнерусское время и 7% – в казацкое) можно объяснить небольшой привлекательностью бедных почв для занятия земледелием. Отличия в процентных показателях между периодами следует относить на счет невысокого уровня исследованности грунтов данной группы. На территории междуречья Десны и Днепра, лучше обследованной, чем Задесенье, удельный вес поселений, расположенных на почвах VI группы, составляет около 7%, что соответствует нашему показателю заселенности на XVII в. Таким образом, для территорий с аналогичным составом грунтов с территорией Задесенья, следует считать, что 7% являются показателем довольно полного использования почв данного типа [Шекун, Веремейчик, 1988, 103].

При составлении карты заселенности на 1666 г. заметно отсутствие поселений в верховьях р. Остер, где расположена так называемая Беловежская степь. Здесь находятся участки почв I – III групп, требующих большого количества тягловой силы на единицу обрабатываемой площади. Почвы на данных участках имеют высокий уровень засоленности, что дополнительно усложняет ее обработку. В древнерусское время в Беловежской степи существовало всего несколько поселений и городище Белавежа, основанное в конце XI – начале XII вв. выходцами из Белой Вежи на Дону [Ситий, 1985, 98]. Черниговские князья использовали пришедших в Русь людей для защиты слабого места в обороне Черниговского княжества, удачно сочетая умения пришедших обрабатывать тяжелые по механическому составу грунты (выработанные в степной зоне навыки), и наличие у беглецов принесенных с собой орудий труда, приспособленных для обработки степных почв.

Таблица 4 - Расположение хуторов на различных типах почв

I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
0 ед. (0%)	2 ед. (25%)	2 ед. (25%)	1 ед. (12,5%)	2 ед. (25%)	1 ед. (12,5%)

В XVII в. хуторов на грунтах I группы еще не существовало. Отсутствие хуторов на почвах I группы, как и их незначительное количество в древнерусское время, объясняется нехваткой тягловой силы для возделывания участков со степной растительностью.

Повторное заселение верховьев р. Остер в виде хуторов происходит благодаря переселению в Россию немецких колонистов во время Екатерины II.

Плотность населения по данным Б. Урланиса, достигла 10 – 15 человек на км² [Коренный, 1992, 55; Урланис, 1941, 122]. К подобным выводам для территории верховьев р. Белоус в XII–XIII вв. пришли А.В. Шекун и Е.М. Веремейчик на материалах исследований черниговского поселения Лесковое [Шекун, Веремейчик, 1999, 64].

Возникает противоречие между приблизительно одинаковой плотностью населения во время существования двух этапов и меньшим количеством дворов в древнерусской деревне в сравнении с позднесредневековым временем, которое требует объяснения. Археологические исследования подтверждают небольшую численность дворов на поселениях древнерусского времени. Возможно лишь одно объяснение такой ситуации – древнерусских поселений было значительно больше на единицу площади. Сравнивая между собой расположение сел первой половины XIII в. и первой половины XVII в., можно прийти к выводу, что древнерусское село было гораздо меньшим по размерам и численности жителей, но в количественном отношении их было значительно больше. В археологическом плане это выражается в том, что на хорошо обследованных территориях около одного современного населенного пункта расположены 3–4 древнерусских села. Например, вокруг пгт Куликовка открыто 5 поселений XII–XIII вв., вокруг с. Выблей – 3 и т. д. [Сытый, 1990 а, 127]. Небольшое количество дворов в древнерусское время позволяет сопоставлять их с хуторами I половины XVII в. Разное количество поселений отражается и в характерных условиях мест их основания. В древнерусское время количество поселений III типа (на берегах озер и болот) значительно больше, чем расположенных на берегах рек и ручьев (I тип) или в поймах рек (II тип).

Наличие одного хутора на почвах VI группы является, скорее всего, результатом именно низкой производительности земледельческого труда на грунтах с плохой урожайностью. В то же время, наличие 2 хуторов, основанных на почвах III группы, привело со временем к превращению их в крупные села.

Таблица 5 - Расположение центров сотен и полков на различных типах почв

I группа	II группа	III группа	IV группа	V группа	VI группа
5 ед. (33%)	3 ед. (20%)	2 ед. (13%)	4 ед. (27%)	0 ед. (0%)	1 ед. (7%)

Размещение укрепленных центров в любую эпоху в значительной степени было обусловлено необходимостью контроля за важными водными и сухопутными дорогами и территорией в целом [Бондар, Ситий, 2012, 50].

Сравнение двух периодов освоения одной территории позволяет не только увидеть закономерности в происходивших процессах, но и наметить направления дальнейших поисков древнерусских населенных пунктов на данной территории. Закономерности, основанные на нашем анализе, можно распространять на соседние (не очень удаленные) территории, а при большем удалении территорий следует учитывать разницу в морфологии почв между территорией Задесенья и анализируемым участком [Сытый, 2011 а, 57]. Одним из главных выводов данной работы следует считать слабую освоенность массивов тяжелых степных почв древнерусским населением вследствие недостаточного развития пахотных орудий, слабой обеспеченности тягловой силой и постоянной угрозы кочевников при выдвигании сел в их природную среду обитания.

Источники и литература

Атлас Черниговской области. – М., 1991. – 48 с.

Бондар О., Ситий Ю. Давньоруські укріплення Північного Лівобережжя часів становлення Держави // Воєнна історія Середньої Наддніпряниці. Науковий збірник. Матеріали Всеукраїнської наукової військово-історичної конференції. – К., 2012. – С. 47–51.

Борисенков Е.П. Климат и его изменения. – М., 1976. – 64 с.

Довженко В.Й. Землеробство древньої Русі. – К., 1961. – 268 с.

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. – М., 1975. – С. 57–117.

Коваленко В., Ситий Ю. Батурин, відкритий археологами (частина I) // Батуринська старовина: Збірник наукових праць, присвячений 300-літтю Батуринської трагедії. – К., 2008. – С. 97–145.

Коваленко В.П., Ситий Ю.М. До питань про закономірності розміщення поселенських структур X – середини XIII ст. у Південній Русі // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посем'я: Матеріали наукової конференції, присвяченої 900-річчю Вира – Білопілля. – Білопілля, 1994. – С. 43–45.

Компан С.С. До питання про заселеність України в XVII ст. // Український історичний журнал, – 1960. – № 1. – С. 65–77.

Коренный Н.Н. Переяславская земля. X – первая половина XIII века. – К., 1992. – 312 с.

Кулаковський П. Землеволодіння Пісочинських на Чернігово-Сіверщині (1633–1646). // Вісник Львівського університету. Серія історична. – Львів, 2002. – Вип. 37. – Ч. 1. – С. 183–197.

Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618–1648). – К., 2006. – 496 с.

Переписні книги 1666 року. Підготував до друку і зредагував В.О. Романовський. – К., 1935. – 447 с.

Русов А.А. Описание Черниговской губернии. – Чернигов, 1899. – Т. 2. – 327 с.

Ситий Ю.М. Відкриття літописної Білої Вежі // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства: Тези доповідей. – Чернігів, 1985. – С. 98–99.

Сытый Ю.Н. Городища Черниговского Задесенья // Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению: Тезисы докладов. – Гомель, 1989. – С. 89–90.

Сытый Ю.Н. Поселения X–XIV вв. северо-западного участка Черниговского Задесенья // Тезисы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX – XIII вв.». – Чернигов, 1990 а. – С. 125–127.

Сытый Ю.Н. К истории изучения Черниговского Задесенья // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». – К., 1990 б. – С. 62–66.

Ситий Ю.М. Етапи заселення Чернігівського Задесення (спроба реконструкції процесу внутрішньої колонізації) // Україна і Росія в панорамі століть: Збірник наукових праць на пошану проф. К.М. Ячменіхіна. – Чернігів, 1998. – С. 38–50.

Ситий Ю.М. Зміни в характері занять населення Нижнього Посем'я після монголо-татарської навали // Батуринська старовина: Збірник наукових праць, присвячений 300-літтю Батуринської трагедії. – К., 2008. – С. 34–38.

Ситий Ю.М. Розташування курганів епохи бронзи та раннього залізного віку на території Чернігівщини // Скарбниця української культури: Збірник наукових праць. – Чернігів, 2009. – Вип. 11. – С. 175–182.

Ситий Ю.М. Археологічні карти Нижнього Посем'я // Путивльський краєзнавчий збірник. – Суми, 2010 а. – Вип. 6. – С. 15–25.

Ситий Ю.М. Два етапи заселення басейну р. Пакульки // «Пакуль поживемо тут»: Збірник статей і матеріалів. – Ніжин, 2010 б. – С. 6–10.

Сытый Ю.Н. Исследования древнерусской деревни на Черниговщине // История и археология Восточноевропейской деревни. – Кокино, 2011 а. – С. 54–57.

Ситий Ю.М. Оборонні конструкції столиці Лівобережної України – Батурина другої половини XVII – початку XVIII ст. // Воєнна історія Наддніпрянщини та Донщини: Збірник матеріалів Всеукраїнської науково військово-історичної конференції. – К., 2011 б. – С. 105–109.

Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. – М., 1941. – 456 с.

Шекун А.В., Веремейчик Е.М. Селища IX–XIV вв. в междуречье низовой Десны и Днепра // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. – К., 1988. – С. 93–110.

Шекун О.В., Веремейчик Е.М. Давньоруське поселення Ліскове. – Чернігів, 1999. – 184 с.

Яблонівський О. Чернігівщина. Переклад з польської, передмова і примітки І. Кондратьєва // Сіверянський літопис. – 1997. – № 1–2. – С. 130–140.

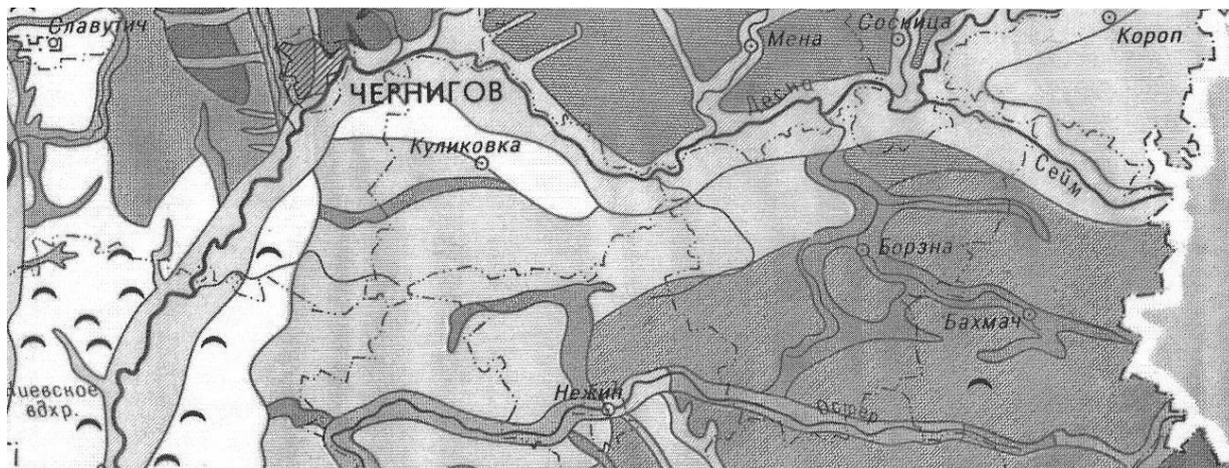

Рис. 1. Ландшафтная карта территории Задесенья

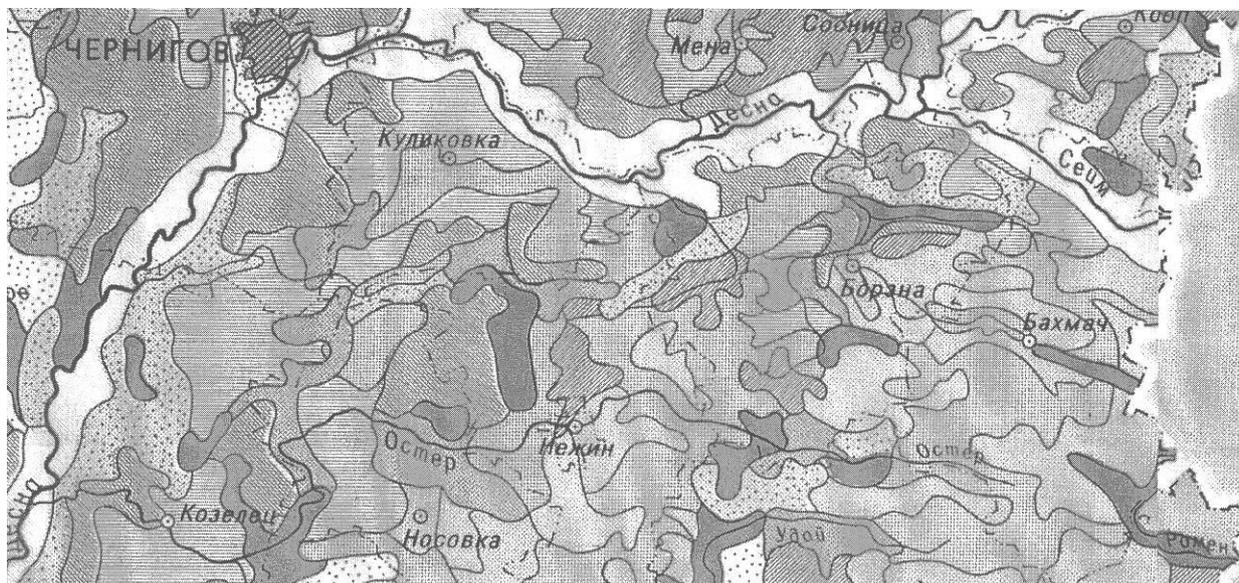

Рис. 2. Карта почвенного покрова Задесенья (согласно Атласу Черниговской области)

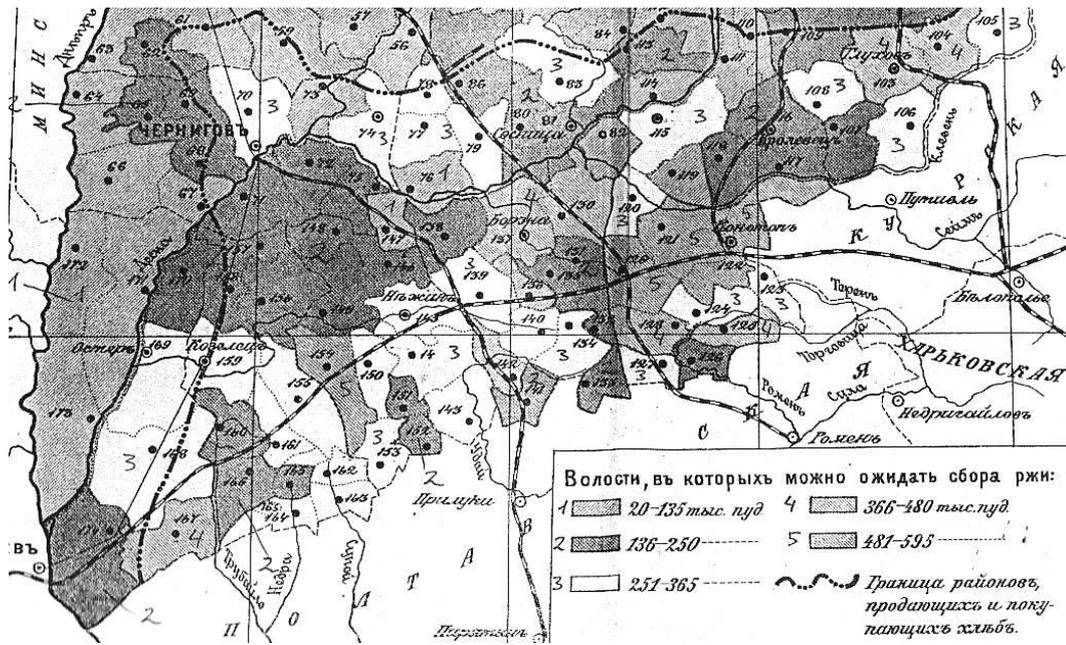

Рис. 3. Карта с обозначением возможного ежегодного урожая ржи по волостям (конец XIX в. по А. Русову)

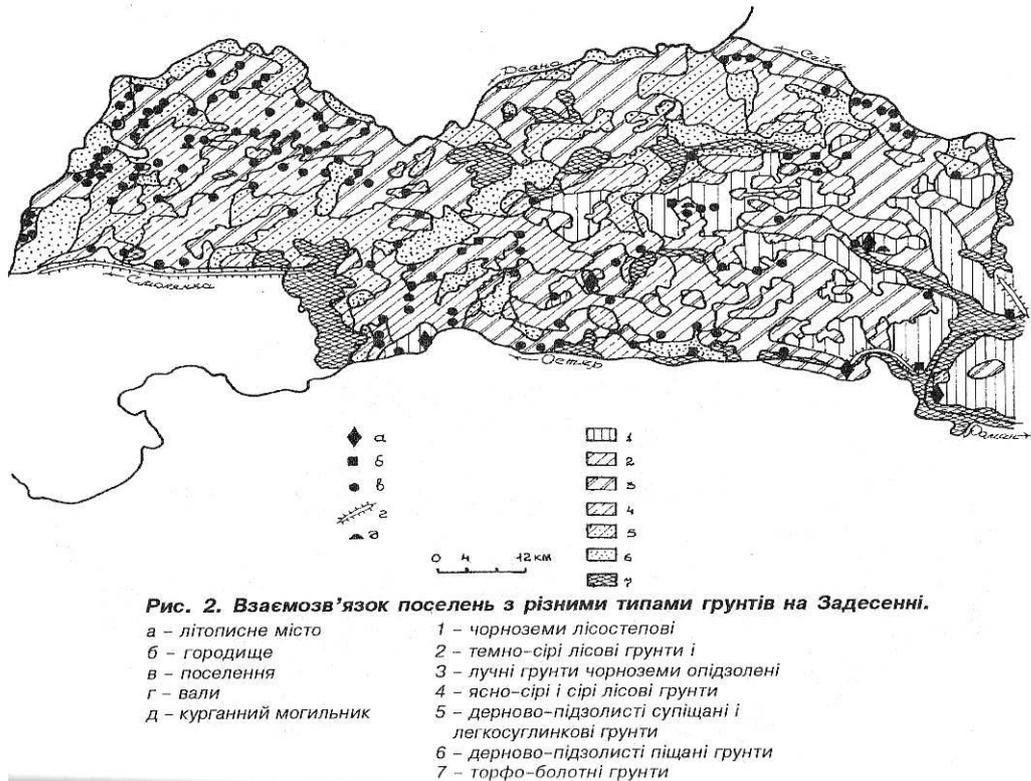

Рис. 4. Древнерусские памятники на карте почв Задесенья

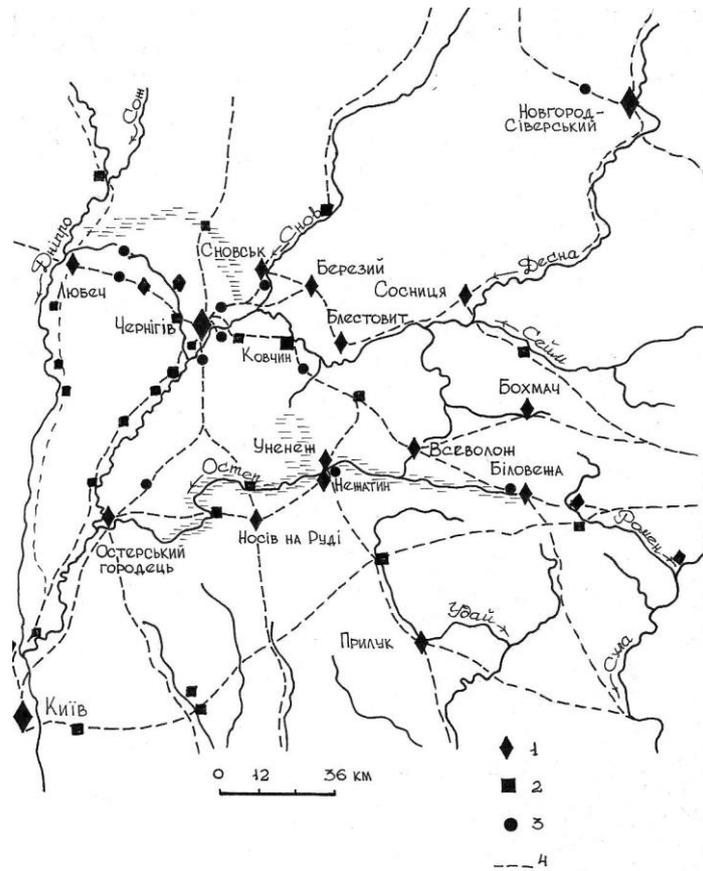

Рис. 5. Основные дороги древнерусского времени по территории Задесенья.

Рис. 6. Основные дороги первой половины XVII в. (по П. Кулаковскому)

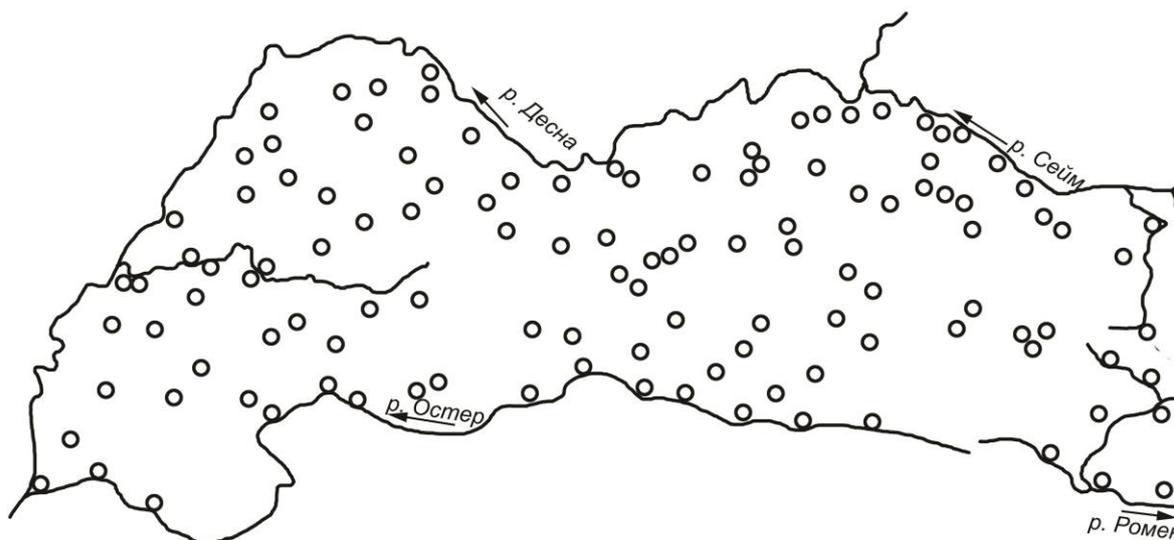

Рис. 7. Сводная карта населенных пунктов существовавших на конец XVII в.
(по сведениям А. Яблоновского и переписи 1666 г.)

ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ СТАРОДУБСКИХ КНЯЗЕЙ (СЕЛО-ЗАМОК В С.РЯБЦЕВО)

Подготовлено на средства гранта РГНФ №13-01-00222а

*Геннадий Поляков
(Брянск, Россия)*

Одним из интереснейших археологических комплексов древнерусского периода в Брянском Подесенье, состоящим из городища, двух селищ и двух курганных могильников, является комплекс у с. Рябцево Стародубского района Брянской области.

Главный памятник комплекса – городище – расположено на северо-западной окраине села и впервые упомянуто в сводной статье графини П.С Уваровой «Городища и курганы», подготовленной к XIV Археологическому съезду в России [Уварова, 1906, с.89]. С 1906 г оно часто упоминается в литературе, а с 30-х гг. XX в неоднократно обследовалась краеведами и археологами [Заверняев, 1961; Куза А.В, Коваленко В.П. Отчет о работах в г. Стародубе // Архив ИА РАН Р-1, № 10032; Мельниковская О.Н., Отчет о рабочих Деснянскогго отряда // Там же, № 5778; Пронин Г.Н Отчет о работе Судостьского, отряда, Там же, № 4991]. Подробнее описание городища обнаруженных с 70-х гг.селищ, курганных могильников, а так же раскопок 1981 г., произведенных под руководством А.Г.Кузы, В.П.Коваленко и Е.А.Шинакова, приводится в своде «Археологическая карта России. Брянская область» [Кашкин, 1993, с.223-224] и в статьях авторов раскопок, что избавляет нас от необходимости их детального воспроизведения.

Отметим только, что гробницы занимают высокий мыс подовальной формы на левом берегу безымянного ручья (правый приток р. Берестянки – правого притока р.Титвы). Укрепленная площадь городища чудь больше - 0,5 га, а мощность укрепления отливший вал высотой около 1м.ров глубиной 3 метра с напольной стороны и эскарпирование склонов на высоту 4-6 м) незначительна. Въезд находился с северо-восточной части площадки. К востоку (100м) и юго-западу (15 см от городища) расположены селища XI-XII вв. Площадь

первого – около 1,5 га, второго – около 1,1 га. К северо-востоку от городища, на территории современного кладбища, находились остатки курганного могильника из трех насыпей. В 1981 г. под одной из них, раскопанной Е.А.Шиннаковым в могильной яме (2,2 x 0,7-0,9 м) глубинно 0,68 м в гробу было обнаружено мужское погребение без вещей. В насыпе кургана обнаружены фрагменты керамики конца X-XII вв. [Кашкин, 1993, С.224, №777].

Второй курганный некрополь разместился на южной окраине села на левом берегу Берестянки. В 1981 г. он насчитывал восемь насыпей. В одной из них обнаружено женское погребение XI в. с западной ориентировкой, в могильной яме. Найденные серебряные перстенеобразные височные кольца и ожерелье из бусин (сердоликовой, хрустальной, глазчатой) и бисера с привеской-дирхемом, чеканным 895-952 гг. в Бухаре [Кашкин, 1993, С.224, №780].

Проведенные в 1981 г. на Рябцевском городище Стародубским отрядом Новгород-Северской экспедиции разведочные работы показали, что его возникновение относится к раннежелезному веку (юхновская культура). Мощность древнерусского культурного слоя едва достигает 0,20-0,30 м, постепенно уменьшаясь к центру городища.

Материалы раскопок: двухсторонний костяной гребень типа «Д» [Колчин, 1982, с.166] и керамика, а так же обильный подъемный материал (бронзовая круглая прорезная привеска с включенным крестом XII вв. [Седова, 1981, с.42]; бронзовый крестик с пирамидками из 3-х шариков на концах начала XII – сер.XIII вв [Седова, 1981, с.52]; фрагмент серебряного рубчатого перстня конца XI-XIV вв. [Седова, 1981, с.122]; железная булавка с кольцевидной подвижной головкой XII-XIII вв. [Седова, 1982, с.77]; бронзовые решетчатый перстень второй половины XII вв. [Седова, 1981, с.130]; литой миниатюрный прямоконечный энколпион XII-XIII вв с заостренными выступами на углах, с инкрустированными серебром изображениями креста [Корзухина, Пескова, 2003], обломки бронзовых пластинчатых браслетов XII-XIII вв.; бронебойный наконечник стрелы типа 91 X-XIV вв. [Медведев, 1966, с.83]; ключ и фрагменты замков типа «Б», XII- сер XIV вв., 2 нутряных ключа XII - сер XIV вв. [Колчин, 1982, с.162]; шиферный крестик и пряслица, в т.ч. 2 с граффити (одно с надписью «Чурила псал», т.е. «Кирилл писал»; многочисленные фрагменты стеклянных браслетов и перстней; бусы, ножи, набор ювелирных инструментов (шилья, зубильца, пробои, фрагмент бронзовых пинцетов-тисочков); 3 фрагмента крымских амфорных ручек с граффити и т.д, позволяет датировать его XI-XII вв.[Коваленко, 1988, с.102]. Кроме данных находок местный краевед В.А.Буховец в 30е-70е гг XX в нашел на городище золотые трехбусинные и проволочные височные кольца [Кашкин, 1993, с.223]. В бывшем Загорском историко-архитектурном музее-заповеднике хранилась и византийская стеатитовая иконка XI в. На ней нанесено изображение Богоматери. Иконография и манера резьбы иконки находит аналогии среди большого числа византийских икон XII в, хранящихся в музеях Штутгарта, Никосии и Стокгольма [Николаева, 1983, с.23-24]. Отметим, что эти находки однозначно свидетельствуют о присутствии в XI-XII вв. среди населения Рябцевского поселения представителей элитного слоя древнерусского общества: женщины-члены княжеских и боярских семей могли носить золотые украшения и только княжеские семьи обслуживали ювелиры. Стрелы со специализированными бронебойными наконечниками входили в арсенал древнерусских дружинников, а надпись на пряслице, буквы и знаки на амфорной посуде свидетельствует о грамотности местных жителей (один из них Кирилл, скорей всего, подаривший подписное пряслице своей невесте). Дорогостоящие и неординарные высокохудожественные христианские реликвии – каменная стеатитовая иконка XI в.из византийского Херсонеса и крест-складень для хранения мощей, так же характеризует их владельца как весьма состоятельных и обладающих хорошим вкусом христиан. Таким образом, состав вышеперечисленных находок, а так же высокий социальный статус их владельца позволяют сделать вывод отнюдь о не рядовом значении данного поселения.

В 1981 г. на основании археологических раскопок разведочного характера на городище их руководителя – А.В. Куза и В.П.Коваленко пришли к выводу о том, что данное городище является остатками небольшого феодального замка XI-XII вв. [Коваленко, 1988, с.102]. Впрочем, в 1973 г. в своем докладе на секторе славяно-русской археологии Института архео-

логии АН СССР О.Н. Мельниковская высказала предположение, в целом поддержанное известным специалистом по исторической географии Чернигово-Северской земли А.К. Зайцевым [Зайцев, 1975, С.69] о тождестве Рябцевского городища с древним летописным городом Стародубом (оно находится 819 км от современного г. Стародуба).

Однако в 1982 г. Е.А. Шинаковым, Н.Е. Ющенко, Г.П. Поляковым был обнаружен городской культурный слой домонгольского времени на Красной площади современного Стародуба и вопрос о локализации этого летописного города на Рябцевском комплексе был окончательно снят. Но было ли оно «значительным населенным пунктом городского типа» или небольшим феодальным замком? Постараемся ответить на этот вопрос.

Конечно, в с. Рябцево при укрепленной площади всего в 0,5 га городом в научном смысле этого слова являться не могло из-за того, что составляло как минимум четверть от укрепленной площади малого древнерусского города [Куза, 1989, с.43]. А было ли это поселение сельского типа – «феодальным замком»?

Термин «замок» в древнерусских письменных источниках не упоминается, он «книжный» и заимствован опосредованно из польского языка. Под ним в отечественной историографии подразумеваются укрепленные поселения площадью до 1 га с материальной культурной городского характера и, как правило, не очень мощной одной линией укреплений, защищавшей большой двор-усадьбу с жилыми и хозяйственными постройками. Археологически фиксируются в культурном слое «замков» наличие таких ремесел, как деревообработка, косторезное дело, ткачество, гончарство. Ведущей отраслью ремесла является ювелирное производство. Социальным индикатором «феодального замка» являются находки предметов вооружения и снаряжения верховых коней и дорогих привозных и отечественных изделий: произведений художественного ремесла, амфор, орудий письма и предметов с надписями, шахматных фигурок и т.п. [Поляков, 2005, с.21, 35-36]. Собственно именно таким «замком», как свидетельствуют археологические данные, и являлось Рябцевское поселение. Какому домонгольскому типу поселений известным нам по письменным источникам, оно соответствовало?

Судя по результатам археологических изысканий, «феодальные замки» являлись аналогами такой широко упоминаемой в летописях и других домонгольских источниках категорий поселений, как владельческие села. Село, как и город, имело в источниках неоднозначное понятие. Прослеживается многообразие трактовки данного термина 1) Обобщенное понятие деревни 2) Место жилья 3) «село земли» - т.е. участок пашенной земли со двором 4) «смердь село» - т.е. поселение свободных общинников 5) владельческое негородское поселение земледельческого типа со двором и челядью, резиденция и хозяйственный центр. Владельческие села были непременно укреплены, но эти укрепления не представляли особенного препятствия для профессионального войска.

Таким образом, конкретный тип археологических памятников – так называемые «феодальные замки» вполне соответствуют определенной категории сел древнерусских письменных источников, а именно владельческим селам. Такие села Древней Руси находились во владении князей и членов их семей, бояр и, по-видимому, других высших представителей княжеской дружины, а так же церковной корпорации. Русская Церковь владела селами не как организация в целом, а только в виде конкретных соборов монастырей и кафедр [Поляков, 2005, с.73].

Итак, древнерусское владельческое сельское поселение письменных источников – «село» и известный по данным археологии тип поселения – «замок».

Рябцевское городище, судя по данным археологии, является остатками такого укрепленного села-замка, к которому примыкали два одновременных ему неукрепленных селища-спутника с курганными некрополями. По все видимости этот археологический комплекс представлял собой единое поселение.

Оно, наряду с другими, упоминается летописцем при описании похода Новгород-Северского князя Олега Святославича на Стародуб в 1174 г: «Олег же с братом (Игорем или «Буй-Туром» Всеволодом - Г.П.) приде къ Стародубу, но града не взя, но что скота около

Стародуба всех сель к Новугороду» [ПСРЛ .Т .II-M ,1962 .Стб.599].

По сути это был кавалерийский набег с целью внезапного захвата города, принадлежавшего черниговскому князю, врасплох - «изгоном», в ходе Междоусобной войны новгород-северских и черниговских князей. Он не удался и князь Олег был вынужден ограничиться захватом стад и табунов противника, так как стенобитных орудий и времени на осаду Стародуба у него не было. По-видимому, Рябцевское село-замок уцелело, но скот с окрестных пастбищ был угнан новгород-северскими дружинниками.

Так кто же был владельцем этого замка?

В летописях упоминается черниговские князья владевшие Стародубом. Это Владимир Мономах (кон 70^x-80^e гг XI в), Олег Святославич «Гориславич»(1096), Святослав Ольгович (1141), Изяслав Давыдович (1147), Ярослав Всеволодич (кон 50^x-сер 70^x гг XII в) [Рапов, 1977, с.112; ПВЛ, Ч I - под ред. В.П Андриановой – М.-Л., 1950, под 6602 (1094) г; под 6604 (1096) г.; ПСРЛ; Т II.Стб 309; ПСРЛ ,Т-II. Стб 341-342]. Временем их правления и датируются самые престижные и дорогостоящие находки с Рябцевского городища, что, как и его близость к Стародубу (18-19 км) указывают на статус данного домонгольского населенного пункта. По всей видимости, это село-замок являлся загородной резиденцией стародубских князей, местом их частого проживания, отдыха, развлечения, но при этом и хозяйственным центром, складом необходимых материальных ценностей, местом концентрации челяди и зависимых людей, а также приходским центром Русской Православной Церкви

Источники и литература

Заверняев Ф.М Историко-археологические памятники Стародуба и его окрестностей // Брянский краевед, Вып.2-3, - Брянск, 1961.С.34-39;

Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. - М, 1975.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Брянская область – М., 1993.

Коваленко В.П. Городище у с. Рябцево Стародубского района // Тезисы докладов межвузовской историко-краеведческой конференции – Брянск, 1988.

Колчин Б.А. Хронология новгородских Древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода – М., Наука, 1982.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы (нагрудные кресты-реликварии XI-XII вв.) – СПб, 2003.

Куза А.В. Малые города Древней Руси – М, 1989.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие : Лук и стрелы, самострел XIII-XIV вв. – М.: Наука 1966.

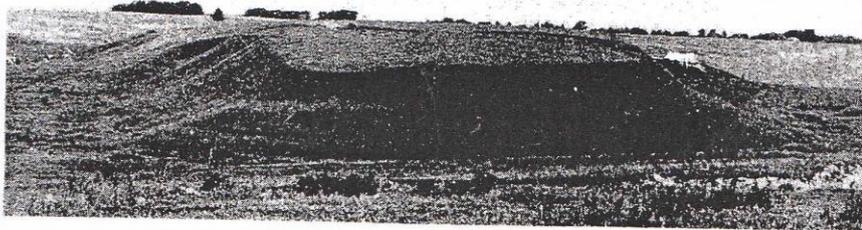
Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI-XV вв. – М., 1983.

Поляков Г.П. Села-замки Древней Руси XI-XIII вв. – Брянск .2005.

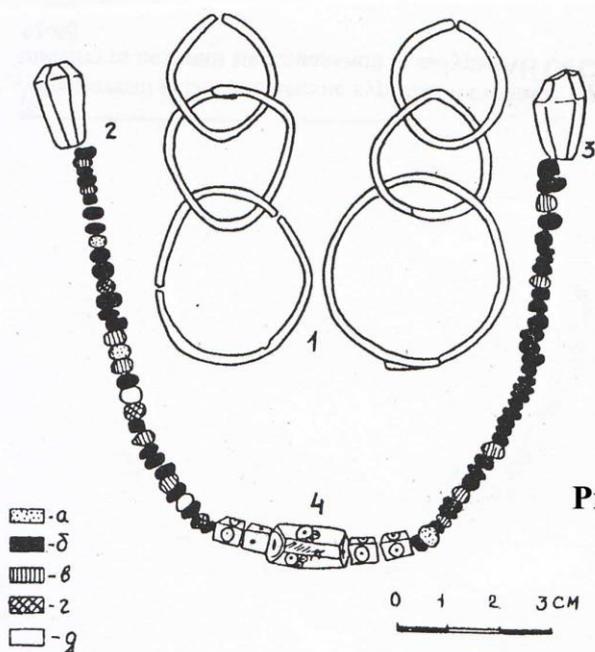
Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X –первой половине XIII вв. - М , 1977.

Седова М.В Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв) – М.: Наука ,1981.

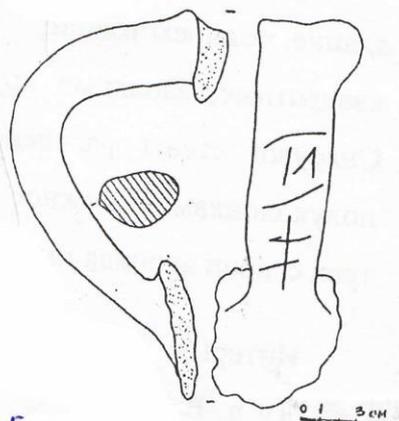
Уварова П.С Городища и курганы // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. – М., 1906, Вып.1.

**Рис.2. Городище в с. Рябцево. Вид с ЮЗ.
(фото В.П. Коваленко)**

**Рис.3. Находки из захоронения в с. Рябцево (1981):
1-биллоновые височные кольца, 2 - сердолик,
3 - горный хрусталь, 4 - паста (цвета бисера:
а - желтый, б - черный, в - синий, г - зеленый, д - белый)**

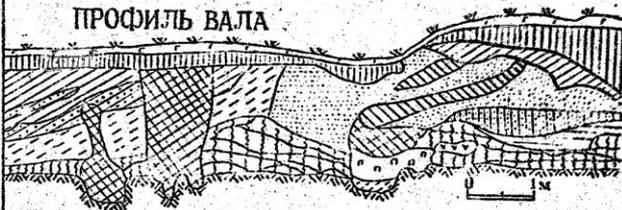
**Рис.4. Фрагмент ручки амфоры
с граффити**

РИС.1. ГОРОДИЩЕ У Д. РЯБЦЕВО

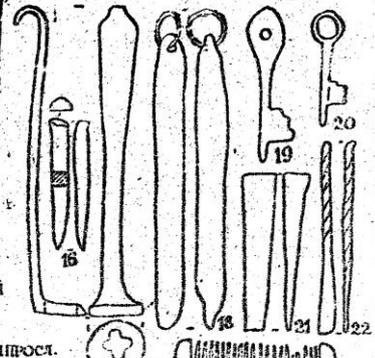

РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ У Д. РЯБЦЕВО ВЯНСКОЙ ОБЛ.
Ж - ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТНИКОВ - КУРГАНЫ
I-III - ПОСЕЛЕНИЯ

ПРОФИЛЬ ВАЛА

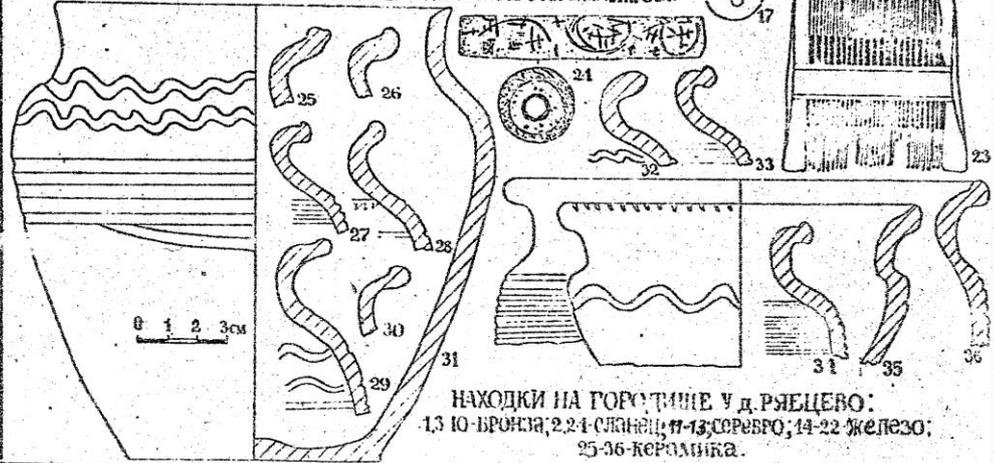

ПЛАН ГОРОДИЩА У Д. РЯБЦЕВО (ПО С.Н. ПРОФИЛУ)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

НАХОДКИ НА ГОРОДИЩЕ У Д. РЯБЦЕВО:
13 Ю-БРОНЗА; 2, 24 СЛАНЦА; 11-13 СЕРЕБРО; 14-22 ЖЕЛЕЗО;
25-36 КЕРАМИКА.

1-ЭНКОЛПИОН; 2-КРЕСТ-ТЕЛЬНИК; 3-КРЕСТ-ТЕЛЬНИК С ПИРАМИДКАМИ ИЗ ТРЕХ ШАРИКОВ НА КОЦКАХ;
4-7-ФРАГМЕНТЫ ПЕРСТНЕЙ И БРАСЛЕТОВ; 8-ПИНЦЕТ; 9-10-КРУГЛЫЕ ПРЯВЫЕ ПРИВЕСКИ С КРЕСТОМ;
11-ФРАГМЕНТ РУБЧАТОГО ПЕРСТНЯ; 12-ВИТОЙ ПЕРСТЕНЬ; 13-ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА; 14-БУЛАВКА; 15-НАКОНЕЧНИК СТРЕЛЫ;
16-20-КЛЮЧИ; 21-22-ИНСТРУМЕНТЫ ЮВЕЛИРА; 23-ГРЕДЕТЬ; 24-ПРЯСЛИЦА С ГРАФТИ;
25-36-ПРОФИЛИ ГОРШКОВ;

ЛЮШИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ, НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НАЧАЛА 2000-х гг.

*Геннадий Стародубцев
(Курск, Россия)*

Люшинский археологический комплекс, состоящий из городища и двух поселений (Люшинского и Городенского), расположен на мысу правобережной террасы р. Сейм в 0,4 км к СЗ и в 0,1 км к С от с. Люшинка Львовского района Курской области [АКР: Курская область. 2000, с. 14, 15]. Первое упоминание о памятнике встречается в «Указателе городищ, курганов и других древних земляных насыпей в Курской губернии» [Труды Курского губстаткомитета. Вып. IV. 1874, с. 161-162]. В 1947 г. комплекс обследовался И.И. Ляпушкиным [Ляпушкин И.И. 1947. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 205; 1961, с. 327-328], в 1958 г. – В.П. Левенком [Левенок В.П. 1958. НА КГОМА. Д. I-31/29], в 1960-х гг. – Ю.А. Липкингом [Липкинг Ю.А. 1962, с. 137; 1969, с. 188], в 1980 г. – П.Г. Гайдуковым [Гайдуков П.Г. 1982. Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10023; АКР. 2000, с. 14, 15]. По данным проведенных обследований городище интерпретировалось как многослойный памятник, датирующийся 2 половиной I тыс. до н. э., IX – X вв. и XII – XIII вв. н. э., поселения – как памятники, содержащие культурные напластования X – XI и XIV – XV вв.

Мысовая часть городища значительно повреждена окопами времен Великой Отечественной войны. В 1950 – 1960-х гг. площадка городища распаивалась под огороды местными жителями. В настоящее время ее центральная часть разрушается современным кладбищем. Западная часть Люшинского поселения уничтожена карьером по добыче песка.

В 2000 г. экспедицией Курского государственного областного музея археологии были проведены охранные исследования на городище и Люшинском поселении [Стародубцев Г.Ю. 2005, с. 67-69; 2005, с. 347-349; 2008а, с. 28-30; 2008б, с. 102-104]. В ходе работ на городище было вскрыто 243 м², в западной части поселения – участок площадью 40 м². При исследовании городища обнаружены сооружения, относящиеся к двум периодам жизни на городище: полуземлянки и хозяйственные ямы роменской культуры конца X – начала XI вв., и наземная постройка, датирующаяся второй половиной XI – XII вв.

Остатки многих построек роменского периода имеют следы пожара. Подобные пожарища относятся к концу X в. и являются следами походов киевских князей, присоединявших к своим владениям земли северян. Не миновали их дружины и Люшинского городища. Оно носит явные следы пережитого тогда разгрома. В одной из хозяйственных ям во время пожара рухнули деревянные перекрытия и помост, которые погребли под собой лепную посуду (горшки и огромную глиняную жаровню). В другой яме (я. 5), помимо фрагментов лепной и немногочисленной круговой керамики, среди золы и углей были найдены чёрная бусина с жёлто-белыми глазками и наконечник копья с пером продолговато-яйцевидной формы и скруглёнными плечиками, относящийся к типу IV по А.Н. Кирпичникову. Подобные копья характерны в первую очередь для Восточной Прибалтики первой половины XI в., откуда и проникают в русские земли [Кирпичников А.Н. 1966, с. 14-15; табл. III, 5.].

В огне пожара погибла и постройка 4. В её заполнении обнаружено два ромбовидных наконечника стрел гнёздовского типа (тип 41) по А.Ф. Медведеву [Медведев А.Ф. 1966, с. 65-66]. Следует предположить, что оба они, равно как и наконечник копья из ямы 5, принадлежали воинам, разгромившим городище в первой половине XI в. Типология предметов вооружения свидетельствует в пользу того, что это были русы из дружин киевских князей.

Среди подъёмного материала на Люшинском поселении в начале 2000-х гг. были найдены четыре серебряные монеты, относящиеся к золотоордынскому времени и находящиеся в настоящее время в частной коллекции.⁷

⁷ Автор выражает признательность В.П. Лебедеву за помощь в определении монет.

Монета № 1 (вес – 0,96 г) – данг. Имеет на аверсе строчную надпись «Абдаллах хан да продлится его царствие»; на реверсе – строчную надпись «чекан Азака // ◦ ʎ ʎ» – «527 год Хиджры». Не вызывает сомнений, что год отчеканен в зеркальном отображении. Такие перепутанные числа встречаются среди золотоордынских монет (Френ, 1832, с. 23, № 186). Судя по всему правильный год чеканки «ʎ ʎ ◦» – «765 год Хиджры», что соответствует 1365/66 г. от Рождества Христова (рис. 1, 1).

Монета № 2 (вес – 1,47 г) – вероятное подражание дангу (Лебедев, Зорин, 2007, с. 489). Датируется временем правления хана Мухаммада 771 – 777 гг. Хиджры, что соответствует 1369/1370 – 1375/76 гг. от Рождества Христова и имеет на реверсе в сложном картуше с узелками счастья частично стертую надпись «чекан Орды//?//» (рис. 1, 2). Монета видимо этой же пары штемпелей была опубликована Е.Ю. Гончаровым в 2007 г. как подражание (Гончаров, 2007, с.80-84).

Монета № 3 (вес – 2,31 г) – данг. Имеет смещенные относительно кружка монеты изображения на аверсе и реверсе. Кроме того, при чеканке удар штемпеля получился под углом относительно плоскости монеты, поэтому изображение на обеих сторонах плохо прочеканено. Однако по типологическим особенностям можно предположить, что данг был отчеканен во время хана Узбека 712 – 742 гг. Хиджры, что соответствует 1313 – 1341 гг. от Рождества Христова (рис. 1, 3).

Монета № 4 (вес – 1,27 г) по мнению В.П. Лебедева является грубым нечитаемым подражанием дангу без конкретного аналога-образца (рис. 1, 4).

Особый интерес среди находок конца X – начала XI вв. представляет серебряный англо-саксонский денарий, находящийся в частной коллекции (рис. 1, 5). В момент нахождения монета была согнута пополам в сторону реверса, а позднее выпрямлена. Её диаметр составляет 14 мм, вес – 1,07 г. По определению К.М. Чернышова данная монета была отчеканена в Лондоне при Этельреде II (978-1016). Однако известно, что в годы его правления чеканились монеты 11 типов в более чем 80 мастерских. Изменения касались главным образом оборотных сторон. Кроме малого креста, на них можно увидеть длинный «полый» крест, очерченный двумя линиями, такой же короткий крест, в углах которого помещены буквы, образующие надпись CRVX, благословляющую руку и т. д. При дальнейшем исследовании удалость уточнить тип обнаруженного денария и, как следствие, значительно сузить хронологические рамки чеканки. Подобные монеты относятся к так называемому типу «длинный крест». Денарии данного типа при Этельреде II чеканились достаточно небольшой период – с 997 по 1003 гг. [Dolley M., Metcalf M. 1961, p.136-168; Metcalf M. 1998] в Лондоне, Линкольне, Честере, Кентерберии, Гадингдоне, Бате и Йорке.

Англо-саксонские денарии Этельреда II довольно часто встречаются при исследовании археологических памятников IX – XII вв. в Латвии [Берга Т.М. 1988]. Однако на территории Посеймья подобные монеты данного времени довольно редки. Ранее в курских землях были найдены два денария, один из которых также был отчеканен при Этельреде II, а второй – при Кнуде [Лебедев В.П., Зорин А.В. 2009, с. 581; рис. 7: 14, 15].⁸

Полученные в ходе раскопок материалы, а также данные разведочных работ позволяют предположить, что на месте Люшинского археологического комплекса в период X – XIV вв., находились вначале укрепленное поселение северян, разоренное в начале XI в., а затем древнерусский город, существовавший и в ордынское время. Сопоставление этих материалов со сведениями письменных источников и данными топонимики позволяют предположить, что городом этим мог быть летописный Ольгов [Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Остроухов С.А. 2008, с. 59-64]. Подтвердить или опровергнуть данное предположение могут только дальнейшие исследования этого интересного памятника.

⁸ Обе находки хранятся в фондах Курского государственного областного музея археологии

Источники и литература

- Археологическая карта России: Курская область. Автор-сост. А.В. Кашкин. Ч. 2. М., 2000.
- Берга Т.М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX – XII вв. Рига, 1988.
- Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда ИА АН СССР на территории Курской области в 1982 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10023.
- Гончаров Е.Ю. Заметка об «очковидной» тамге // Восточная нумизматика в Украине. Монеты Джучидов и сопредельных государств. Ч. II. Киев, 2007.
- Кирпичников А.Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ Е1-36. М.–Л., 1966.
- Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение на территории курских северян в IX – X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк, 2009.
- Левенок В.П. Археологические разведки на верхнем Сейме в 1958 г. // НА КГОМА. Д. I–31/29.
- Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // МИА. № 113. М., 1962.
- Липкинг Ю.А. Порубежные роменские городища Курского «княжения» // Ученые записки Курского государственного педагогического института. Т. 60. Курск, 1969.
- Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской левобережной экспедиции ИИМК АН СССР и ИА УССР в 1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 205.
- Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в в эпоху железа. // МИА. № 104. М.–Л., 1961.
- Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. // САИ Е1-36. М., 1966.
- Стародубцев Г.Ю. находка сосуда для благовоний на Люшинском городище // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2005.
- Стародубцев Г.Ю. Охранные исследования Люшинского археологического комплекса // Третьи Яхонтовские чтения. Рязань, 2005.
- Стародубцев Г.Ю. Люшинский археологический комплекс: находки предметов раннехристианского периода // Сіверщина в історії України. Матеріали сьомої науково-практичної конференції. Суми, 2008а.
- Стародубцев Г.Ю. Предметы вооружения, снаряжения и конской упряжи из раскопок Люшинского археологического комплекса // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья: Материалы научной конференции. Воронеж, 2008б.
- Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В., Остроухов С.А., 2008. Люшинский археологический комплекс и Ольгов // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 4. Брянск, 2008.
- Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. IV. Курск, 1874.
- Dolley M., Metcalf M. The Reform of the English Coinage under Edgar // Anglo-Saxon Coins in M. Dolley (ed.). London, 1961.
- Metcalf M. An Atlas of Anglo-Saxon and Norman Coin Finds 973-1086. London, 1998.

Рис. 1. Серебряные монеты с Люшинского поселения:

1 – данг (Абдаллах, 765 г. X. / 1365/66 г.); 2 – подражание дангу (время правления Мухаммада, 771 – 777 гг. X. / 1369/1370 – 1375/76 гг.); 3 – данг (время правления Узбека 712 – 742 гг. X. / 1313 – 1341 гг.); 4 – подражание дангу; 5 – денарий Этельреда II (997–1003 гг.).

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ТОРГОВЛЯ В ДЕРЕВНЕ СРЕДНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ В XI-XVII вв.

*Роман Новожеев
(Брянск, Россия)*

Село Лопушь расположено на правобережье Десны, на южной границе брянского ополя. В Древнерусскую эпоху там располагался административный центр – погост. В литовский период Лопушь стала владельческим селом. С 1618 по 1654 г. в Лопуши располагалась пограничная застава «на литовской границе».

В описании села Лопушь священник Василий Зверев писал, что «в одной версте от церкви, на север, находится большой ров, в котором, по рассказу стариков, один из дворовых людей помещиков Толбузиных, нашел в кувшине кожаные деньги в виде косичек»⁹. Даже при том, что вопрос о кожаных деньгах в Древней Руси в отечественной нумизматике остается открытым, данный пассаж заслуживает внимания. Возможно, это была связка меховых товаро-денег, которые получили распространение на Руси в безмонетный период с первой трети XII в. С этим тесно связана и находка на территории лопушского селища дрогичинской пломбы (рис.3, 1). О предназначении этих любопытных памятников материальной культуры Древней Руси существует как минимум с десятков разных теорий, но две из них наиболее до-

⁹ В.Зверев. Местные известия о селе Лопушь Трубчевского уезда Орловской епархии. // Орловские Епархиальные ведомости. №13. 1865. С.500

казаны. Исследователь летописного Дрогичина Н. П. Авенариус в конце XIX века первым датировал их домонгольским периодом Древней Руси и предположил, что эти артефакты выполняли роль товарных и/или таможенных пломб¹⁰. А. Л. Монгайт первым из отечественных исследователей связал находки пломб дрогичинского типа с процессом клеймения связок меховых денег на Руси¹¹, описанным арабским путешественником XII в. ал-Гарнати: «Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками, на которых нет шерсти, и которые нельзя ни на что никогда использовать, и которые совсем ни на что не годятся. Если же шкурка головы белки и шкурка ее лапок целы, то каждые восемнадцать шкурок стоят по счету (славян) серебряный дирхем, связывают (шкурки) в связку и называют ее джукн. И за каждую из таких шкурок дают отличный круглый хлеб, которого хватает сильному мужчине. На них покупают любые товары - невольниц и невольников, и золото, и серебро, и бобров, и другие товары. И если бы эти шкурки были в какой-нибудь другой стране, то не купили бы тысячи их выюков за хаббу (зернышко) и негодились бы они совсем ни на что. Когда они (шкурки) испортятся в их домах, то их, (иногда даже) рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок, на котором есть некие люди, а перед ними работники. И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется изображение царя. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают»¹². Лопушская пломба имеет канал для пропускания шнура, изображения неразборчивы, возможно, на обеих сторонах был крест. На одной из сторон остатки ободка из выпуклых точек.

Еще двумя свидетельствами развитой торговли в Лопуши в домонгольский период являются весовая гирька и складное коромысло от миниатюрных бронзовых весов (рис.1,2). Миниатюрные весы для взвешивания ценностей, в первую очередь серебра, вроде так называемых «аптекарьских», среди русских домонгольских древностей были находимы неоднократно (см. обзор в работе Янина В.Л. Денежно-весовые системы Древней Руси). Для культурного слоя древнерусских городов весы, это обычная находка, но для Лопушского селища – уникальная, в очередной раз подтверждающая неординарность этого археологического памятника, которого можно классифицировать как погост – административный центр сельской округи на юге Брянского ополья. Лопушские весы бронзовые, железная игла-держатель утрачена, орнаментированы глазковым орнаментом (рис.1, 2). Шарнирные крепления сохранились идеально. Аналогичные весы находятся в экспозиции Государственного исторического музея в экспозиции, посвященной дружинным древностям Древней Руси. Полные аналогии лопушским весам были обнаружены при исследовании курганов Тимеревского и Михайловского могильников X-XI вв.¹³ В новгородских материалах весы четко датируются X-XI веком, т.е. временем монетного обращения¹⁴, как известно в первой трети XII в. наступает безмонетный период.

Гирька, найденная в Лопуши, имеет форму сферы с уплощенными полюсами (рис.1,1, 2). Изготовлена из железа и для предохранения от коррозии заключена в медную оболочку, а на ее плоских сторонах помещены знаки в виде 6 вдавленных точек и одного большого глазка в центре (имевшим, вероятно, декоративное значение). Точки служат обозначением кратности весовой единицы в гирьке. Вес гирьки составляет около 13,6 г, таким образом кратность весовой единицы составляет либо 2,26 г (в случае если в гирьке 6 весовых единиц), либо 1,13 г (если в гирьке 12 весовых единиц). Вес гирьки равен 1\15 гривны серебра весом в

¹⁰ Авенариус Н. П. Дрогичин Надбужский и его древности // Древности Северо-Западного края. Т. I, вып. 1. МАР. 1890. № 4. С. 13-18.

¹¹ Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. М., 1955. № 49. С. 159-162.

¹² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 — 1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 35-36 (перевод О. Г. Большакова).

¹³ Недошивина Н.Г. Торговый инвентарь// Ярославское Поволжье в X-XI вв. М.,1963. С.71.

¹⁴ Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Советская археология. 1958. №2. С.110.

204, 75 г, соответствен вес кратной единицы гирьки в 2,26 г является 1\90 гривны серебра. Возможно, гирька применялась для взвешивания европейских денариев, вес которых колебался в районе 1,1г – 1,2г, а это была весовая норма резаны в северной русской денежно-весовой системе¹⁵, таким образом, на вес гирьки приходилась дюжина денариев – резан.

В условиях безмонетного периода и разнообразия импортного монетного серебра весы для малых взвешиваний и гирьки были крайне необходимы для торговых отношений, фискальных и налоговых целей. И весы и гирька имеют весьма широкую датировку в пределах X-XIII вв.

В свете пассажа ал-Гарнати и теории Монгайта, рассказ В.Зверева становится понятным и возможно имевшим место быть в реальности. Лопушкой крестьянин в действительности мог найти некий сосуд, в котором были спрятаны связки вытертых шкурок - косичек, опечатанных свинцовыми пломбами.

В XIV веке на территорию Подесенья начинает поступать серебряная монета золотоордынской чеканки – данг. В настоящее время становится очевидным, что в конце XIV-начале XV в. серебряные монеты Золотой Орды в русских землях Литвы играли важную роль. Именно джучидские серебряные монеты открыли новый этап монетного обращения на этой территории. В Лопуши найдено два данга (рис.5, 1,3). Монеты сильно изношены, одна (весом около 1 г) имеет отверстие, и скорее всего использовалась как нашивное украшение или входила в состав мониста, другая (весом 0,6 г) была согнута и при чистке разломилась на две части. Первая монета определяется как данг хана Джалал ад-Дина (1412-1413 гг.) чеканенный в Сарае. Вторую, из за сильной изношенности, определить не представляется возможным. Наличие ордынской монеты свидетельствует о сохранении за Лопушью местного административного центра и в годы литовского суверенитета.

Во второй половине XIV века в русских княжествах начинается собственная монетная чеканка. За образец часто брались ордынские серебряные данги или дирхемы. находка такой монеты была сделана и в Лопуши. Это двустороннее подражание дангу хана Узбека с имитацией арабской вязи на обеих сторонах (рис.5, 2). Вес монеты 0,8 г. По определению В.В. Зайцева эта монета чеканилась, вероятно, в Брянском удельном княжестве в 1370-х годах при князе Дмитрие Ольгердовиче. При этом предполагается, что наиболее ранними монетами Брянского княжества являлись именно двусторонние подражания джучидским дангам, и лишь спустя некоторое время появились монеты с русской надписью на одной из сторон или «княжеским знаком».

О связях Подесенья со странами Центральной и Восточной Европы свидетельствует находка одной из самых популярных монет Средневековья – серебряного пражского гроша (рис.5, 4). В XIV – XV вв. эта монета выполняла роль международного платежного средства. Лопушкой экземпляр отчеканен в годы правления Вацлава IV (1378-1419 гг.) о чем свидетельствует латинская легенда на монете - WENCESLAUS TERCIUS. Вес монеты – 2,3 г.

В начале XVI века на территорию среднего Подесенья попадают монеты Крымского ханства. Единичная находка такой монеты сделана в Лопуши. Это серебряная монета акче, отчеканенная при правлении хана Менгли Гирея (1468-1515 гг.) в 911 году хиджры, то есть в 1505 году (рис.5, 5). Вес монеты 0,6 г. На Брянщине монеты Крымского ханства встречаются не очень редко. В Среднее Подесенье скорее всего крымская монета попадала с торговыми караванами или во время татарских набегов.

В коллекции насчитывается 28 монет русской чеканки XVI-XVII вв. (рис.4). Самые ранние из них – это денги (1\2 копейки), чеканенные в годы правления Ивана Грозного – 3 экземпляра (рис.4, 1). Далее, в хронологическом порядке идут – копейка Лжедмитрия I (рис.4, 2), копейки Михаила Федоровича – 4 экземпляра, на двух из них имеется обозначение Москов-

¹⁵ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С.36-38.

ского денежного двора – **МОС/КВА** и **Мо** (рис. 4, 4,6), медные копейки Алексея Михайловича – 6 экземпляров (рис.4, 3), 4 копейки Петра I, на двух из них имеется обозначение года чеканки – 1701 (рис.4, 5) и 1716 гг. 10 серебряных «чешуек» настолько затерты, что определить их не представляется возможным, только на одной монете определимо место чеканки – Псковский денежный двор. Любопытно то, что 21% всех монет русской чеканки составляют медные копейки периода денежной реформы царя Алексея Михайловича.

В XVI веке на территорию Брянского Подесенья проникает монета польской чеканки. Весьма любопытным является свидетельство письменного источника о хождении польских монет на территории лопушской округи. Священник Василий Зверев пишет: «...крестьянин Константин Дмитриев Воронин выпал оловянную кружку серебряных польских монет фунта 3... Прежде каждый крестьянин имел несколько экземпляров, случайно найденных в земле оных монет. Каждую весну во время сильных дождей, эти монеты, вымытые дождевыми ручьями на поверхность земли, собираются деревенскими мальчиками и теперь. Большая часть находимых здесь монет принадлежит времени царствований Сигизмундов 1-го и 3-го»¹⁶. Как видим, такое обилие польской монеты XVI-XVII вв. связано как с интенсивностью торгового пути, проходившего через Лопушь, в которой с большой долей вероятности могла находиться ярмарка, на которой велись расчеты в наиболее популярных монетах. Также на денежное обращение оказывали влияние русско-литовские и русско-польские войны XVI-XVII вв., которые проходили как в непосредственной близости от Подесенья, так и на этой территории.

После Деулинского перемирия 1618 года между Россией и Речью Посполитой Лопушь становится пограничной заставой «на литовской границе», выполнявшей также функции таможенного поста. Именно в это время на эту территорию поступает европейская монета, в частности серебряный альбертусталер или, как его иногда называли – патагон 1632 года чеканки (рис.5, 10). Эта монета начала чеканиться в испанских Нидерландах эрцгерцогом Альбертом с 1612 года. На аверсе талера изображен испанский герб, на реверсе – бургундский косой Андреевский крест, который дал этой монете еще одно название Kreuztaler¹⁷. Эта монета играла роль международного платежного средства в торговле со странами Центральной и Восточной Европы. Она ценилась за высокое содержание чистого серебра – при общем весе 28 г – чистого серебра содержалось 24, 65 г. В России патагоны служили сырьем для чеканки монеты.

Из серебряных монет польской чеканки необходимо отметить полторака (3 полугроша) 1661 года познанской чеканки (рис.5, 8). Полтораки при короле Яне Казимире выпускали в 1654, 1658-1659, 1661-1662 и 1666 годах в Познани и Львове. Изначально вес монеты составлял 1,09 грамма при диаметре в 20 мм. Оформление было обычным - пятипольный герб (орел-трекрунур-лев-погоня-снопок) и номинал «3» на аверсе и держава с номиналом 24 на реверсе. С 1661 года номинал стали обозначать в долях талера – «60» (талер = 90 грошей, полторака = 1/60 талера). Легенда на аверсе монеты «IO CASIM DG REX POL & SVE MDL». На реверсе – «яблоко крулевске», внизу «Слеповрон» и легенда «MONE NO REG POL».

К медным монетам Речи Посполитой относится боратинка литовской чеканки 1660-х годов (рис.5, 6). Появление этих монет связано с событиями русско-польской войны, которая требовала огромных затрат у обеих воюющих держав. И Россия, и Польша, чтобы решить финансовые проблемы, переходят к массовой чеканке мелкой медной монеты. В России чеканились медные копейки, в Речи Посполитой медные солиды «боратинок». Находкам боратинок на Брянщине и их роли в денежном обращении посвящена специальная статья автора¹⁸.

¹⁶ В.Зверев. Местные известия о селе Лопушь Трубчевского уезда Орловской епархии. // Орловские Епархиальные ведомости. №13. 1865. С.500

¹⁷ Фенглер Х., Гируу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М.,1993. С.12.

¹⁸ Новожеев Р.В. Обращение польских медных солидов (боратинок) на территории Брянщины во второй половине XVII в.// Деснинские древности (выпуск 5). Брянск, 2008. С.162-165.

Кроме того, в Лопушской коллекции имеется и так называемый ливонский полтора шведского короля Густава II Адольфа, отчеканенный в оккупированной шведами Риге в 1624 году (рис.5, 9). От традиционной польской монеты он отличается наличием шведского герба и упоминанием имени шведского короля в легенде. На аверсе - MON.NOVA CIVI.RIGE, на реверсе - GVST:ADOL:D:G.REX.S.

В Лопуши найдена редкая в отечественной нумизматике монета – севский чех (рис.5, 7). Это российская специального выпуска серебряная (биллонная) монета массового тиража. Нормативная масса 0,95 г, достоинство — полтора гроша (без обозначения номинала, чеканившейся (способом вальцверк) штемпелями с датой 1686. В основном монета чеканилась в 1687 году в городе Севске. Севский чех подражал польской монете в полтора гроша 1620-х и предназначался для рынка присоединившейся в 1654 году к России части Украины и Брянщины и для выплаты жалования участникам Первого Крымского похода 1687 г. Из-за низкой пробы обращение монеты было прекращено правительственным Указом от 16 сентября 1687 года. Реальная стоимость чеха была гораздо ниже номинальной и составляла 40%, то есть 0,6 гроша. Севский чех – первая массовая российская монета стандартного размера и европейского дизайна, первая монета «машинной чеканки» в России, первая и единственная монета, чеканенная от имени двух царей Ивана и Петра. Изъятие же севского чеха из обращения в 1689 году и долгое забвение привели к тому, что в настоящее время эта монета превратилась в одного из раритетов российской нумизматики, знакомством с которым могут похвастаться немногие коллекционеры. Лопушской экземпляр имеет небольшую утрату, вес монеты 0,8 г.

О торговле со странами Европы свидетельствует еще несколько сфрагистических памятников, а именно два фрагмента западноевропейских товарных пломб (рис.3, 2,3). Конструктивно эти пломбы, которые ставились на ткань для подтверждения ее доброкачественности, сильно отличались от своих русских аналогов и состояли из двух свинцовых дисков, соединенных перемычкой. Один из дисков имел отверстие, соразмерное диаметру втулки, которая продевалась в отверстие в ткани и закреплялась в кольце. При установке пломбы ткань располагалась между кружком и диском, а втулка при сильном сжатии расплющивалась в кольце и надежно фиксировала пломбу. В Лопуши были найдены один диск с отверстием, второй с втулкой. Аналогичные пломбы найдены во многих русских городах¹⁹. Изображение на пломбе с отверстием неразборчиво, на части с втулкой можно разобрать буквы ERGR. Пломбы можно датировать широким временным промежутком с XIV по XVII век, но более вероятно датировка XVII вв. что опять же связано с наличием в Лопуши пограничной заставы в 1618-1654 гг.

Не прекращалась активная торговля в Лопуши и в XVIII веке. Об этом свидетельствует наличие в селе ежегодной ярмарки, проходившей в престольный праздник 2 мая, когда празднуется память св. Афанасия Великого. На ярмарке велась торговля рыболовными снастями²⁰. Священник-краевед В.Зверев, описывая древности Лопушской церкви, упоминает о некоей «серебряной медали, величиной в рубль, на ободочке которой надписи «clementia» и «iustitia»²¹. С надписями такого содержания на гурте в нумизматике существует лишь одна монета – талер Марии Терезии. Это австрийская серебряная весовая монета, постоянно использовавшаяся в мировой торговле с того времени, когда она была впервые отчеканена в

¹⁹ Сидненко Д.А. Новые находки сфрагистических памятников в Смоленске // XI Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб, 2003. С.192-195.; Гайдуков П.Г., Степанов А.В., Трояновский С.В. Сфрагистические и нумизматические находки из раскопок новгородского великого моста в 2005-2006 гг. // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Материалы научной конференции. Вып. 21. В.Новгород, 2007.; Клоков В.Б., Лебедев В.П. Западноевропейские торговые пломбы из развалин Сарая // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция: Москва, 17-21 апреля 2000 г.: Тез. докл. и сообщений. М., 2000. С.275-277.

²⁰ В.Зверев. Местные известия о селе Лопушь Трубчевского уезда Орловской епархии. // Орловские Епархиальные ведомости. №13. 1865. С.498.

²¹ Описание священных древностей, находящихся Трубчевского уезда села Лопуши в Афанасьевской церкви// Орловские епархиальные ведомости. 1865 г., №18. С.392.

виде талера в 1741 году. Монета получила своё название по имени австрийской императрицы Марии Терезии (1740 - 1780 гг.). А надпись на гурте – это девиз ее правления – «справедливость и милосердие».

Таким образом, на протяжении многих веков Брянское Подесенье находилась на пересечении европейского и восточного товарно-денежного процесса, проявлявшегося и в транзитной торговле, и в обращении разнообразной монеты.

Рис. 1. Коромысло весов и гирька

Рис. 2. Гирька

Рис. 3. Печати-пломбы

Рис. 4. Монеты русской чеканки XVI-XVII вв.

Рис. 5. Монеты XIV-XVII вв.

**ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ, КАК ИНДИКАТОР СТАТУСА
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ СТАРЕ МЯСТО 5
(КОНИНСКИЙ ПОВЯТ ВЕЛИКОПОЛЬСКОГО ВОЕВОДСТВА)**

Работа частично выполнена на средства гранта РГНФ №13-01-00222а, полевые исследования велись при поддержке общества международного сотрудничества «Польша-Восток»

*Кшыштоф Горчыца
(Конин, Польша)
Артур Чубур
Екатерина Турлакова
(Брянск, Россия)*

В августе 2012 года международная польско-российско-украинская археологическая экспедиция (Конин, Брянск, Чернигов, Нежин, Черновцы) в рамках VI археологического лагеря «Старе Място 2012» произвела рекогносцировочные раскопки средневекового поселения «Старе Място 5» у костела святых Петра и Павла в селе Старе Място Конинского повята Великопольского воеводства (Рис.1).

Ранее раскопки у известного романского костёла святых Петра и Павла (рубеж XII-XIII веков) [Łuszczkiewicz, 1891] проходили в 1960-х годах, когда было обнаружено церковное кладбище и следы раннесредневекового поселения [Dąbrowski, 1967; Dąbrowski, 1970; Dąbrowski, Nowakowie A. i Ł., 1970]. Исследование в самом костеле проведено в 1987 г. Показало оно, что могилы XVII – XVIII века уничтожили древнейшую стратиграфию [Gorczyca, 1987].

В 1982 году стоянка Старе Място 5 была учтена по проекту AZP как поселение ранно и поздно средневековое. Наше исследование было направлено на предварительное определение характера, хронологии и степени повреждения культурного слоя, ранее почти не изучавшегося. Была поставлена задача поиска укреплений древнего Конина, располагавшегося, согласно письменным источникам, на территории Старого Мяста, а также уточнение статуса поселения и времени его становления.

Памятник находится на границе двух ландшафтных единиц: Конинской долины (участок долины р. Варты) и Рыхвальской равнины, на территории посёлка Старе Място. В саду рядом с костёлом и домом приходского священника на землях парафии святого Петра и Павла были заложены два раскопа общей площадью 41 кв.м.

Обследование раскопов с помощью металлодетектора совместно с сотрудничающими с Конинским окружным музеем краеведами из «Великопольского общества историков-эксплораторов» дало несколько монет разных периодов и, главное, фрагмент свинцовой буллы папы Иннокентия III (1198-1216). Последняя находка косвенно указывает на высокий статус поселения и несколько удревняет его датировку.

Раскоп I (4 x 4 м), расположен к юго-западу от костёла. В современном гумусе мощностью 30-40 см, лежали смешанные современные, поздние и средневековые материалы (в том числе 178 фрагментов керамики, преимущественно позднесредневековой, и фрагмент металлургического шлака). В южной стенке наблюдалась современная яма (об. 6) неопределённого характера.

В раскопе II (5 x 5 м), расположенном к югу от дома приходского священника, под мешаным слоем толщиной 60 см был выявлен слабо нарушенный культурный слой, под которым на фоне подстилающих песчаных пород сохранились пять объектов. Объект 1 в юго-западном углу раскопа был ямой размером 132 x 110 см и глубиной 73 см. В ней содержался позднесредневековый керамический материал, назначение ее неясно. Объект 2 в северо-западной части раскопа оказался ямой неизвестного назначения с современным материалом в заполнении. Объект 3 был выявлен на северном краю раскопа. Это овальная яма 125 x 80 см, глубиной 30 см, содержащая позднесредневековую керамику. Назначение ямы тоже не-

ясно. Объект 4 в восточной стенке раскопа содержал железный шлак и, вероятно, документирует присутствие кузницы. Наконец, объект 5: в профиле северо-западного угла открылась юго-восточная часть колодца, состоявшего из досок, укрепленных по углам вертикальными столбами. Он был исследован до глубины 309 см, и законсервирован до следующих сезонов. Предварительно он датирован XIV-XV веками.

Изученные в сезоне 2012 года объекты связаны с жилой зоной позднего средневековья и нового времени. Ожидаемые признаки городских укреплений не были выявлены и поэтому с точки зрения планиграфии, вопрос о наличии тут в XIV веке замка остается открытым. Однако, помимо керамики, железного шлака и ряда индивидуальных находок собрана и небольшая остеологическая коллекция. Несмотря на то, что полученный материал малочислен (всего 71 кость (58 определимых) минимум от 12 особей) и выборка не является полноценной и репрезентативной, некоторые интересные предварительные выводы уже можно сделать. Среди названных костей 21 происходит из колодца (объект 5), 8 из средневековых ям (объекты 1 и 3), остальные из культурного слоя раскопа 2). Плотность остеологического материала составляет в среднем 7 костей на кубический метр грунта.

Сохранность кости можно оценить в 3 балла по пятибалльной шкале Е.Е. Антипиной [Антипина, 2004]. Большая часть костей имеет достаточно рыхлую компакту. Исключение составляют отдельные кости диких животных. Такое отличие, которое давно обращает на себя внимание, может быть связано как с различным рационом домашних и диких зверей, так и с разной нагрузкой на опорно-двигательную систему. Вообще же низкая сохранность кости, скорее всего, связана с наличием в песчаном грунте гуминовых кислот, которыми насыщен культурный слой. Целых костей практически нет. Все они повреждены, либо преднамеренно расколоты, являясь кухонными остатками, исключение составляет целая первая фаланга лошади (кстати, единственная лошадиная кость среди найденных). Восемь из тринадцати неопределимых обломков происходят из культурного слоя вне объектов.

Следует отметить два фрагмента обработанной кости из культурного слоя. Из фрагмента стенки диафиза трубчатой кости коровы была сделана заготовка накладки с округлым краем – вероятно, это должна была быть накладка на лук (на сагайдак) либо на рукоять ножа (Рис.2-1). Плоские накладки на «щёчки» рукояти ножей широко распространяются в Европе не ранее второй половины XIII века, до того являясь редкостью, а в позднем средневековье становясь обычным явлением [Сергеева, 2011, с.85]. Ещё на одном фрагменте ребра имеются следы распиливания и резания (Рис.2-2), вероятно тоже с целью дальнейшего изготовления накладок. Это свидетельство присутствия следов косторезного дела на вскрытом участке поселения.

Итак, в собранной в ходе раскопок коллекции были встречены кости следующих животных (числитель – количество костей, знаменатель – минимальное число особей, которым принадлежат кости): крупный рогатый скот (*Bos taurus* L.) – 25/2 (подсчет по зубам с разной степенью истертости); мелкий рогатый скот (*Ovis aries* L.) – 8/1; свинья (*Sus scrofa domesticus* L.) – 17/3 (подсчет по плечевым костям, две особи взрослые, одна – с сильно истертыми зубами); лошадь (*Equus caballus* L.) – 1/1; косуля (*Capreolus capreolus* L.) – 3/2 (подсчет по плечевым костям); зубр (*Bison bonasus* J.) – 1/1; тур (*Bos primigenius*) – 2/1; рыба (*Pisces*) – 1/1. Кроме того, в коллекции оказалось 13 фрагментов диафиза длинных костей копытных, слишком мелких, чтобы можно было говорить об определении вида и рода. Обращает на себя внимание большое количество костей зрелых животных, исключение составляет молодой барашек, часть диафизов длинных костей которого несиностезирована с эпифизами.

Наиболее интересно и важно, что кости дичи в целом (тура, зубра, косули) составляют 10,4% от общего числа определимых костных остатков. Большое количество костей диких животных является надёжным социальным индикатором, показывающим высокий статус обитателей исследуемой части средневекового поселения. Для сравнения в культурном слое развитого средневековья на окольном граде средневекового Брянска, заселенном зажиточными горожанами, содержится свыше 12% костей дичи [Чубур, 2005]. При этом, например, культурный слой удаленного от центра ремесленного посада средневекового Смоленска, где

проживали простолюдины, содержал лишь около 1% дичи [Чубур, Миненко, 2008]. Таким образом, мы можем на базе археозоологических свидетельств животноводства и охотничьего промысла – предполагать, что раскоп 2 в Старем Мясте 5 по данным остеологии показывают нам типичный средневековый городской культурный слой, накопившийся в месте проживания людей с высоким социальным статусом и городского ремесленного населения. Но является ли он действительно городским?

Известно, что после 1331 года, когда город был разрушен и сожжен тевтонцами, Конин был вновь отстроен вокруг поставленного на острове у р. Варта королевского замка Казимира III Великого, на месте сельского поселения из округа прежнего Конина. Это территория современного старого города. Старе Место упоминается не как город, а как село уже в 1358 году. Таким образом, можно полагать (в том числе, судя по датирующей керамике), что в раскопах мы имеем дело в основном уже со следами сельского поселения, продолжавшего существование на месте разрушенного города и сохранявшего многие городские черты. Сходная судьба в бассейне Десны была у таких городских центров как Вщиж и Дебрянск (Брянск), разрушенных во время монгольского набега 1238 года и продолживших существование уже в виде сельских населенных пунктов. При этом Брянск был перенесен князем Романом Михайловичем в естественно укрепленное урочище Покровская гора, также как и Конин – на место небольшого сельского поселения, существовавшего здесь ранее.

Основываясь на наличии и в объектах XIV-XV веков остатков дичи, можно предположить, что знать не сразу покинула Старе Место, сохраняя свои дома и владения и там хотя бы в качестве загородных резиденций.

Среди костных останков диких животных из Старего Мяста нами выявлен фрагмент диафиза большой берцовой кости и сильно поврежденная (из-за чего невозможно качественно снять промеры) первая фаланга тура. Этот огромный зверь в средние века был характерен для исследуемой местности, что подтверждается также топонимикой и геральдикой: названием близлежащего города Турек и изображением тура на его гербе [Dzieduszycki, Slomski, Salatna, Ryba, 2008, s.30-32]. Имеется местное предание, повествующее о том, что последний тур был убит именно у Турека, а не в Якторове под Львовом. К сожалению, невозможно без радиоизотопного анализа точно датировать найденные кости, поскольку в содержавшем их культурном слое находился смешанный позднесредневековый материал. Таким образом, пока не удастся ни подтвердить, ни опровергнуть гипотезу о том, что окрестности Турека и Конина были одним из последних рефугиумов тура в Европе.

Источники и литература

Антипина Е.Е. Современный подход к изучению костей животных из археологических памятников // Цифровая библиотека портала «Археология России» М., 2004. URL: www.archeologia.ru/Library/Book/8579531e11d9 (дата обращения 20.08.2013).

Сергеева М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Киев, 2011. 256 с.

Чубур А.А. Археозоология древнерусского Брянска по материалам раскопа на Петровской горе // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII-XIV веках. Тула, 2005 С.59-61.

Чубур А.А., Миненко В.В. Археозоология позднесредневекового Смоленска (по данным раскопок 2004-2005 гг.) // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Материалы VI Историко-археологических чтений памяти Н.И. Троицкого. Тула, 2008. С.42-52.

Łuszczkiewicz W. Kościół romański we wsi Stare Miasto pod Koninem. Słup drogowy w Koninie. Kościół w Kazimierzu // Sprawozdania Komisji do Badania Historii Sztuki w Polsce, t.4:1891, s.23n.

Dąbrowski K. Grodzisko "Kaszuba" i Stare Miasto w Koninie // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej, t. XV:1967, nr 1, s.97-104;

Dąbrowski K. Konin wczesnośredniowieczny // Z dziejów regionu konińskiego. Wrocław – Warszawa - Kraków 1970, s.77-106;

Dąbrowski K., Nowakowie A. i Ł., Wyniki dotychczasowych badań archeologicznych w Koninie // Sprawozdania Archeologiczne, t.22:1970, s.145-149.

Dzieduszycki A., Slomski R., Salatna M., Ryba M. O turze // Cze tur powróci do polskich lasów. Turek, 2008. s.7-99.

Gorczyca K. Stare Miasto, woj. konińskie, kościół św. Piotra i Pawła // Informator Archeologiczny, Badania rok 1987. Warszawa, s.175-176.

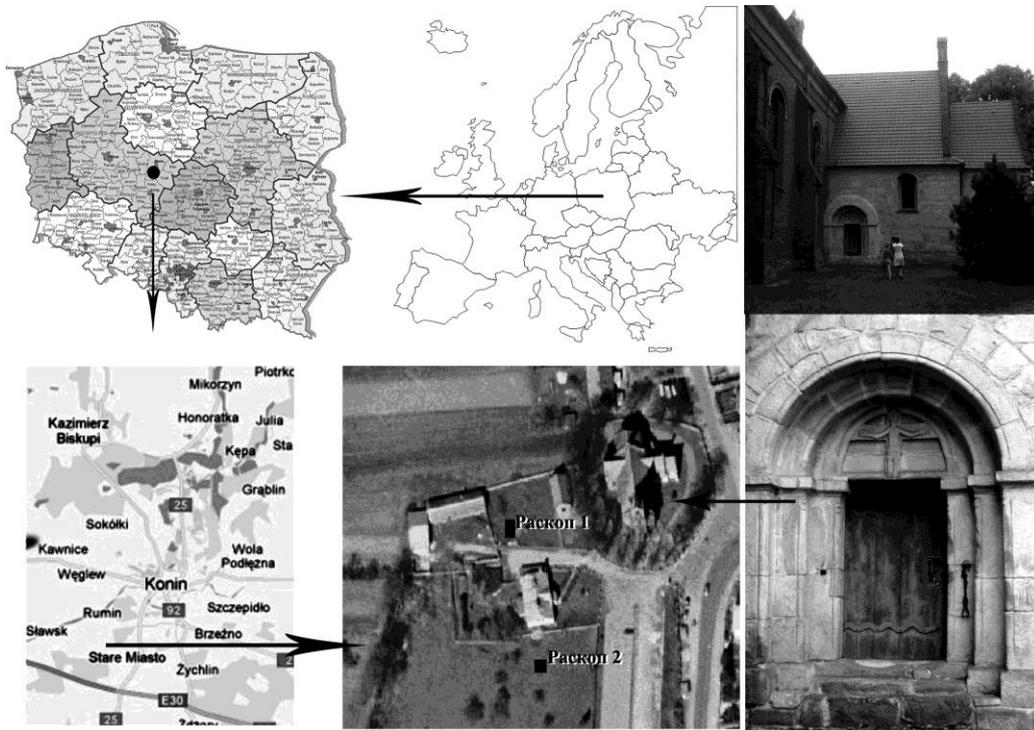

Рис 1. Местоположение поселения Старе Място 5 (Польша, Великопольское воеводство, Кони́нский повят, гмина Старе Място, земли парафии костела Петра и Павла).

Рис.2 Кости со следами обработки (резания и распиливания) с поселения Старе Място 5. 1 – заготовка накладки. 2 – ребро со следом распиливания и сломом по надпилу

НАТУРАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Людмила Черная
(Одесса, Украина)*

Отмена крепостного права в Российской империи способствовала кардинальным изменениям во всех областях общественной жизни. Финансовая сфера требовала коренных изменений, которые были вызваны дефицитом бюджета, инфляцией. Было очевидно, что налоговое законодательство не соответствовало требованиям времени. Налоговая политика всегда была инструментом влияния на общество. Аргументированная, продуманная налоговая политика дает возможность эффективно регулировать социально-экономические процессы, такие как объемы производства, уровень жизни населения, структурные изменения общества и др.

После реформы 1861 г. экономическое положение основной массы крестьянства Юга Украины, в частности Херсонской губернии, было тяжелым. Главными причинами нищеты крестьянства были небольшие наделы, передача крестьянам худшей земли, отработки, непосильные налоги, выкупные платежи, мирские сборы, натуральные повинности, дробления дворов вследствие семейных разделов и т.д.

Анализ историографии показывает, что вопросам налогов и повинностей украинского крестьянства в Российской империи во второй половине XIX в. уделяли внимание Н. Ананьич [Ананьич Н.И. 1979, с.], А. Погребинский [Погребинский А.П. 1954, с. 268], А. Бондаревский [Бондаревский А. 1961, с. 128]. Вместе с тем, натуральные повинности имели региональные особенности, которые, по нашему мнению, требует более глубокого изучения и дальнейшей разработки. Целью данной статьи является на основе анализа источников и литературы раскрыть структуру натуральных повинностей крестьянства Херсонской губернии во второй половине XIX в., осветить тягостность их отбывания для крестьян.

Кроме налогов, на плечи крестьянства ложились натуральные повинности: пастбищная, лесная, подводная (поддержание в рабочем состоянии подвод для проезда чиновников), дорожная (содержание и ремонт почтовых, торговых и военных дорог), этапно-арестантская (сопровождение арестантов, обеспечения арестантов помещениями, содержания подвод для перевозки арестантов), постоянная, повинность по истреблению вредных животных и насекомых и т. п., а также расходы на содержание низшей администрации.

В немногих случаях крестьянам разрешалось вместо натуральных повинностей платить деньги. На денежные можно было перевести только такие повинности, как пастбищная, наем сторожей, охрана церквей, волостных правлений и т.п. Такие же повинности, как дорожная, караульная, сопровождение и охрана арестованных выполнялись силами и средствами крестьян натурой и деньгами.

Пастбищная повинность состояла в отводе пастбищ натурой для воинских лошадей. Повинность была тягостной для крестьянства из-за расширения площади пахотных полей, также не было определено фиксированной платы за отводимые пастбища и порядок ее выдачи, вследствие чего отбывание повинности в Херсонской губернии не всегда сопровождалось вознаграждением. Херсонская земская управа неоднократно ходатайствовала о переводе пастбищной повинности из натуральной в денежную, что было сделано в 1874 г.

Лесную повинность отбывали исключительно государственные крестьяне, в обязанности которых входило исполнение разных лесных работ. Крестьяне должны были предоставлять квартиры лесным и межевым чинам, а также бесплатно поставлять подводы под инструменты межевых чиновников. Эта повинность была не обременительной для населения Херсонской губернии из-за малой облесенности. Упразднили лесную повинность в 1869 г. после того, как государственные крестьяне были уравнены с прочим крестьянским населением губернии. [СХЗ 1892 № 8, с. 3]

Трудной для крестьян была дорожная повинность, которую часто надо было отбывать в горячую летнюю пору. Она заключалась в ремонте и возведении новых мостов, гатей, плотин на проселочных, почтовых и транзитных дорогах, а также в ремонте полотна дороги по-

средством засыпки ям и раскапывания бугров. Работы, не требовавшие специальных знаний, проводились крестьянами по наряду сельских старост с сохранением очереди. Специалистов приглашали за деньги. Для отбывания дорожной повинности использовался следующий материал: бревна-брусья, столбы, доски, колья, хворост, гвозди, камень, щебень, известь, цемент, песок, земля, гной и др. Например, в 1890 по Херсонской губернии стоимость всех работ с материалами составила 24046 руб. При этом уезды потратили: Александрийский – 4611,04 руб., Елисаветградский – 8268,38 руб., Ананьевский – 3747,08 руб., Тираспольский – 1170,69 руб., Одесский – 5073,69 руб., Херсонский – 1175,70 руб. [СХЗ 1891, с. 26]

Отбывание дорожной повинности проводилось в 120 волостях губернии из 230. В Александрийском уезде из 47 волостей повинность отбывали в 34; в Елисаветградском – 39 из 57 волостей; в Ананьевском – 17 из 30 волостей; в Тираспольском – 8 из 24 волостей; из 33 волостей Одесского уезда дорожную повинность отбывали в 13; из 49 волостей Херсонского уезда повинность отбывали в 9. Независимо от того дорожную повинность несли города Александрия, Бобринец, Ананьев. [СХЗ 1891, с. 25]

На 1890 г. наибольшее число рабочих дней на выполнение дорожной повинности ушло в Александрийском уезде (пеших по наряду – 6038 дней, пеших по найму – 796 дней; с подводами по наряду – 2126 дней, с подводами по найму – 130 дней), а самая большая сумма – в Елисаветградском уезде (8268,38 руб.) Дороже пеший рабочий день оценен в Елисаветградском уезде – 1,53 руб., дешевле в Одесском – 13 коп. Средняя стоимость пешего рабочего дня по Херсонской губернии на середину 90-х гг. XIX в. составляла примерно 37 коп. Стоимость рабочего дня с телегой по губернии равнялась 1,5 руб. [СХЗ 1891, с. 27] Дорожная повинность исключительно натурой исполнялась на дорогах состоящих в ведении уездных земств. С 1873 г. все работы по постройке и исправлению почтовых, военных дорог, ремонт сооружений на транзитных дорогах производились из сумм губернского сбора. Стоимость этих работ с 1868 г. по 1888 г. составила 1816412 руб. [СХЗ 1892, с. 4]

Едва-ли не самой обременительной для крестьянского населения и сопряженной с наибольшими злоупотреблениями была подводная натуральная повинность. Суть ее заключалась в предоставлении подвод для проезжающих военных, судебных, полицейских и гражданских чинов, а также для различного рода проходящих воинских команд и следующих к месту назначения арестантских партий. Подводная повинность отбывалась натурой, но постепенно переводилась в денежную. В Херсонской губернии первым земством, которое предложило переход, было Тираспольское в 1866 г. В 70-х гг. XIX в. большая часть территории губернии перешла на денежную подводную повинность. Но население не освобождалось от обязанности поставлять подводы натурой, хотя получало за них плату в виде прогонов и контрмарок. На выполнение подводной повинности в 1890 г. было отпущено в Херсонской губернии 16194 подводы. Из этого количества оплачено контрмарками 88% всех востребованных подвод. Главный контингент лиц, для которых поставлялись подводы были чины военного ведомства, на их долю приходилось приблизительно 70% из общего числа подвод.

Отбывание повинности лежало в основном на крестьянах. Подводы выражались сельским старостой в очередном порядке домовладельцев. Это вызывало массу неудобств, так как отрывало крестьян от работы во время посева и сбора урожая.

Облегчению отбывания подводной повинности для населения способствовало открытие земствами на свои средства и для собственных надобностей почтовой гоньбы; еще больше сократилась подводная повинность с установлением провоза арестантских партий по железной дороге. На содержание постовых станционных пунктов Херсонское земство с 1866 г. по 1874 г. затратило 914396 руб. [СХЗ 1892, с. 5] Но возможность содержать почты имели не все, их количество было ограничено. Имели почты некоторые села Одесского и Тираспольского уездов. В Тираспольском уезде сельские почты были в 1 волости и 15 поселениях; в Одесском уезде – в 1 волости и 10 поселениях. Сельские почты удерживали еще 7 сел и г. Очаков, но пользоваться ими было предоставлено исключительно лицам гражданского ведомства, военные команды перевозились по наряду. В Елисаветградском уезде сельские почты существовали только в Глодоской волости. В Херсонском уезде в способах отбывания

повинности существовало разнообразие. Содержали почты 1 село, 1 посад и 1 еврейская колония; по наряду, но с платой от общества подводы отпускались в 1 еврейской колонии; существование почта не освобождало от поставки подвод по наряду в 2 волостях. В других случаях по Херсонскому уезду и по губернии в целом подводы давались по наряду.

Подводная повинность несколько раз увеличивалась. В частности в 1870 г. этому способствовало возложение на земство обязанности поставлять подводы для призываемых на действительную службу отпускных низших чинов и из своих средств производить уплату за перевозку их в сборные пункты водными и железнодорожными путями по уменьшенному тарифу. [СХЗ 1892, с. 6]

Распределение повинности по уездам на середину 90-х гг. XIX в. было следующим: в Александрийском уезде повинность отбывали 24 села, которые располагались в 13 волостях; в Елисаветградском уезде – 34 волости и 4 города; в Ананьевском уезде – 99 поселений расположенных в 17 волостях и г. Ананьев; в Тираспольском уезде – 15 волостей и 3 города; в Одесском уезде – 3 города и 156 сел расположенных в 31 волости; в Херсонском уезде повинность отбывали 22 волости, 2 посада и 10 еврейских колоний. [СХЗ 1891, с. 29]

Тягостной была этапно-арестантская повинность, которую должны были выполнять исключительно крестьяне. Этапно-арестантская повинность заключалась в сопровождении арестантов и караульной службе при них во время движения и остановок. Повинность отбывалась по наряду или специально нанятыми сторожами. Строгой регламентации отбывания повинности не было. В селах Александрийского уезда, например, арестантская повинность в конце XIX в. отбывалась по наряду. В г. Александрия натуральная повинность была переведена в денежную, и сопровождение арестантов в следственные пункты осуществлялось сторожами, которые получали по 120 руб. в год. [СХЗ 1891, с. 31] В Елисаветградском уезде 1/4 часть территории отбывала повинность натурой (13 волостей), в других частях уезда для этого содержались наемные этапные, которым платили из общественных средств. В Ананьевском уезде 77 сел в 21 волости отбывали повинность по наряду, в г. Ананьев и 24 селах в 8 волостях – конвойными, нанятыми за общественные деньги. В 1890 г. распоряжением уездной земской управы Пасицельской волости поставлено было в обязанность перевозить арестантов с балтского вокзала в г. Балту, для чего в Пасицельской волости содержались 2 наемные подводы. [СХЗ 1891, с. 31] В Тираспольском уезде арестантскую повинность по наряду отбывали 36 сел и 2 города расположенных в 14 волостях. Только с. Плоское Плосковской волости содержало 5 сторожей, которые отбывали повинность за все общество. По Одесскому уезду преобладал наряд в отбывании повинности, только 2 колонии Александригельф и Петерсталь (Гросс-Либентальская волость) и с. Малый-Буялык нанимали годовых провозатых. В Херсонском уезде повинность отбывалась нанятыми конвойными в посадах Березнеговатом, Калиновке и Высунке, в еврейской колонии Ингулец, а также в Любомирской и Каменской волостях. Смешанным способом по наряду и по найму отбывали повинность в 2 волостях; исключительно по наряду – в 29 волостях, 3 посадах и 6 еврейских колониях. [СХЗ 1891, с. 32]

По уездам выполнение арестантской повинности было неравномерным и очень убыточным для крестьян. Из всех денег, возвращенных на Херсонскую губернию в 1890 г. по отбыванию арестантской повинности, на Одесский уезд приходилась половина, на Александрийский – 1/4, на Елисаветградский – 1/8.

Таблица 1 - Общая сумма расходов по отбыванию натуральных повинностей в Херсонской губернии в 1890 г. (в руб.)

Уезды	Дорожная повинность	Подводная			Квартирная			Арестанская повинность	Всего
		Для гражданского ведомства	Для военного ведомства	Всего	Для гражданского ведомства	Для военного ведомства	Всего		
Александрыйский	4611,04	1065	1081,5	2146,5	3,8	3862	3865,8	2263,23	12886,57
Елисаветградский	8268,38	216	3499,5	3715,5	10,4	13735	13745,4	10120,62	35849,9
Ананьевский	3747,08	45	2200,5	2245,5	3,4	1816,6	1820	7182,1	14995,68
Тираспольский	1170,69	855	1663,5	2518,5	25,4	474,4	499,8	2120,36	6309,35
Одесский	5073,69	3889	5833,5	9723	170,6	9331,6	9502,2	2990,72	27289,61
Херсонский	1175,7	756	3186	3942	151,2	710	861,2	10041,01	16019,91
Всего	24046,6	6826,5	17464,5	24291	364,8	29929,6	30294,4	34718,04	113351,1

[СХЗ 1891, с. 33]

Удовлетворение проезжающих чиновников, местных и полевых войск квартирами составляло квартирную повинность. Пехотные войска обычно квартировались в городах или значительных местечках и отводимые им помещения оплачивались; полевые войска размещались и в городах, и в селах, причем квартиры отводились им бесплатно, что было весьма тягостно для населения, учитывая, что в Херсонской губернии число войск было значительным. За 1870-1873 гг. стоимость этой повинности в Херсонской губернии исчислялась в 784700 руб. [СХЗ 1892, с. 6] С 1872 г. была упразднена квартирная офицерская повинность (отнесена на счет государственного земского сбора). С 1874 г. отвод квартир натурой был оставлен только в чрезвычайных случаях, причем постой не должен превышать 3 дней.

Отбывание постоянной повинности происходило по наряду и найму. В основном лицам военного ведомства квартиры предоставлялись по наряду, наем – для лиц гражданского ведомства. Например, в 1890 г. в Очакове и 27 селах Одесского уезда квартиры предоставлялись в обывательских домах по наряду; в 22 деревнях удерживали съемные квартиры для гражданских, войска размещались по наряду. В Херсонском уезде повинность отбывалась по наряду в 11 волостях, 2 посадах и 3 еврейских колониях; 7 волостей и 1 еврейская колония содержали наемные квартиры. [СХЗ 1891, с. 30]

Исполнение квартирной повинности было платным, хотя полученное вознаграждение далеко не выражало действительной ее стоимости. Например, в 1891 г. за 1607 постоянных дней проведенных лицами гражданского ведомства и 255840 постоянных дней проведенные лицами военного ведомства, полученное вознаграждение составило 15895,41 руб. Из полученного вознаграждения за отбывание постоянной повинности на Александрыйский уезд приходилось 5,26%, на Елисаветградский – 2,32%, на Тираспольский – 71,31%, на Одесский – 18,94%, на Херсонский – 2,17%. Считая каждый постоянный день в 20 коп. – из полной стоимости повинности не доплачено в 1891 г.: по Александрыйскому уезду – 3428,40 руб., по Елисаветградскому – 3114,43 руб., по Тираспольскому – 23769,97 руб., Одесскому уезду – 4262,55 руб., Херсонскому – 792,05 руб., по Ананьевскому уезду в уплату постоянной повинности ничего не было получено. [СХЗ 1892, с. 13]

Таким образом, мы можем констатировать, что отбывание натуральных повинностей было очень обременительным для крестьян Херсонской губернии в конце XIX в. Они в определенной степени тормозили развитие сельского хозяйства, усиливая общее налоговое бремя крестьян.

Уездные и губернские учреждения осуществляли определенные меры по облегчению, отмене или переводу в денежные натуральных повинностей. Но это не приносило ощутимого результата, так как упраздня на некоторое время одни, вводились или увеличивались другие

натуральные повинности.

Самыми значительными и тягостными для крестьянского населения были дорожная и подводная натуральные повинности, которые часто надо было отбывать в горячую пору – отрывая крестьян от работы во время посева и сбора урожая; этапно-арестантская, которая заключалась в сопровождении арестантов, обеспечении их помещениями, содержании подвод для перевозки арестантов и постоянная повинности. Все они сопровождалась не только отрывом рабочих рук от хозяйства, но и денежными затратами.

Система налогообложения, которая существовала в Российской Империи и распространялась на украинских крестьян не только создавала тяжелые условия жизни на селе, но и тормозила процесс воплощения капиталистических отношений в аграрном секторе.

Источники и литература

1. Ананьич Н.И. К истории податных реформ 1880-х гг. // История СССР. – 1979. – №1. – С. 159-173.
2. Бондаревский А.В. Волостное управления и положение крестьян на Украине после реформы 1861 года. – К., 1961. – 128 с.
3. Гуржий И.О. Украина в системе всероссийского рынка 60-90х гг. XIX в. – К., Научная мысль, 1968. – 191 с.
4. Отмена крепостного права на Украине. Сборник документов и материалов. Киев, Изд-во Ак. наук УССР, 1961. – 428 с.
5. Панченко П.П., Шмарчук В.А. Аграрная история Украины: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Тов-во «Знание», 2000. – 342 с.
6. Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России, XIX-XX вв. – М., 1954. – 268 с.
7. Статистический отчет по Херсонской губернии за 1888 г. // Сборник Херсонского земства 1889. – Херсон, 1889. – № 5. С. 1- 38.
8. Толкушкин А.В., Перов А.В. Налоги и налогообложение: Учебное пособие / И.о. Рос. отд. междунар. налог. ассоц. (РОС-ИФА). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-издат, 2004. – 670 с.
9. Хозяйственно-статистический обзор Херсонской губернии // Сборник Херсонского Земства 1891. – Херсон, 1891. – № 8. С. 1- 76.
10. Хозяйственно-статистический обзор Херсонской губернии // Сборник Херсонского Земства 1892. – Херсон, 1892. № 8. С. 1- 42.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗВЕСТНЫХ ДВОРЯНСКИХ РОДОВ – ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ

(на примере сёл Павловки и Свинарки Александрийского уезда)

*Сергей Шевченко
(Кировоград, Украина)*

Павловка Светловодского района Кировоградской области Украины известна выпускником своей средней школы, Героем России и Казахстана, космонавтом РФ Юрием Маленченко, который в пяти полётах (последний – в прошлом году, в качестве самого старшего действующего космонавта) провёл годы, в т. ч. сутки в открытом пространстве, единственный из землян успел там принять участие в уникальном процессе женитьбы на американке русского происхождения. Из этого же села вышли доктора и кандидаты наук, писатели, народный депутат Украины, генерал. В послевоенные десятилетия его развитию способствовало объединение с соседним с. Свинаркой, переселение сюда части жителей из зоны водохранилища всесоюзной стройки Кременчугской ГЭС, функционирование на павловской территории десятков объектов соцкультбыта, строительство завода республиканского значения.

В досоветское время Павловка и Свинарка известны, наверное, прежде всего были интересом к их землям выходцев из заметных в региональной, отечественной и зарубежной истории родов, которые были помещиками в этом надднепрянском крае. В процессе исследования этой темы использованы документы Госархива Кировоградской области [ГАКО, ф. 14] [ГАКО, ф.Р-7172], первоисточники, опубликованные в Украине в досоветское время [Алфавит 1898] [Отчётъ 1891] [Отчётъ 1892] [Результаты 1896], в годы независимости [Земельні 2010] [Пивовар А.В. 2003] [Пивовар А.В. 2009], в Сербии [Пишчевичъ А. 2003], работы историков [Дашкевич Я.Р. 1991] [Посунько О. 2005] [Шамрай С. 1929] [Ястребов В. 1884], краеведов, энциклопедии. Материалы по с. Павловке и помещиках-сербам в Центральной Украине автор частично апробировал в статье [Шевченко С. 2012] и монографии [Шевченко С. 2004].

Свинарка (Свинарня, Свилярня) возникла до Полтавской битвы 1709 года на правобережной Надднепрянщине на землях Запорожской Сечи. В подворной переписи 1886 г. указано, что она в XVIII ст. населена выходцами из Полтавщины [Результаты 1886]. После битвы запорожцы потеряли контроль над этими территориями. Их начали колонизировать гетманские левобережные казаки Миргородского полка [Шамрай С. 1929, 2] в противостоянии с претендующими на плодородный, выгодный географически регион польскими помещиками [Пивовар А.В. 2003, 246]. В итоге Свинарка вошла в Кременчугскую сотню Миргородского полка, полковник которого Василий Капнист в 1739 г. (Белградский мирный договор этого года закрепил за Россией здешние бывшие Сечевые земли) приобрёл здесь грунт при урочище Свинарне, лес, сенокосные луга и орное поле, “начиная с низу речки Свинарной... и на вершину этой речки...”. В ведомостях о правобережных владениях полка 1746 г. читаем: “живущие в той деревне посполитые и казаки подданническую повинность отбывают полковнику миргородскому Капнисту”. Поселение значится в его владении и в 1748 г. [Пивовар А.В. 2003, 261–262]. В 1752 г. поимённая перепись зафиксировала при Свинарном хуторе Капниста 20 селений нищетных посполитых, имевших 20 изб с 9-ю дворами, 6 коней и 45 волов. Ещё в 26 избах без дворов обитали 29 семей “крайне нищетных посполитых”, на которых приходилось 9 коров и 24 вола [Пивовар А.В. 2003, 57–58]. В слободе Свинарне насчитывалось 78 жителей в 26 дворах [Методичні 1988]. В 1753 г. при хуторе Свинарном бригадира (бригадного генерала) Капниста числилось 35 облагаемых дворов посполитых. В процессе казацко-старшинской борьбы за территории Капниста обвиняли в том, что он заложил на захваченных землях хутор и три слободы, в т. ч. Свинарню, к которой присоединил десятки верст поля и сенокосов [Гуржій О. 1996, 95]. Он заявлял о несправедливости таких заявлений.

Выходец из греков, потомок венецианского рода Капнисси (Капниссисов) Василий

Капнист (Капнистый), который будет владеть Свинаркой и другими селениями, молодые годы провёл в семье своего усыновителя Павлюка, изюмского сотника. Эту должность он занял в 1726 г., а через 11 лет стал миргородским полковником. Отличался храбростью, защищая Слобожанщину от калмыков, в крымском, молдавском, хотинском походах в боях против татар и турок [Дашкевич Я.Р. 1991, 78] [Репан О. 2009, 127]. Кроме приобретённых земель на Правобережье в Крыловской, Цыбулёвской, Кременчугской, Власовской сотнях, имел земли на Левобережье, полученные за успехи в боевых действиях. Полковник руководил строительством укреплений в междуречье Синюхи и Днепра, сопровождал француза де Боскета, картографировавшего этот регион и выбиравшего пункты для крепостей. В 1757 году Капнист назначается бригадиром полков Слобожанщины. Командуя пятью слободскими полками, Он погиб в одной из важнейших битв (против прусской кавалерии) Семилетней войны под Гросс-Егерсдорфом.

Младший сын Капниста Василий стал предводителем дворянства Миргородщины и Киевщины, генеральным судьёй департамента Полтавского губернского суда, членом Российской академии наук. Он написал “Оду на рабство” против крепостничества, комедию “Ябеда”, где ещё до “Ревизора” Н. Гоголя поддал критике чиновников, на одного из которых, взяточника, зрители указали прямо в зале во время постановки произведения [Капнисси 1895, 387–388]. Поэт одним из первых перевёл на литературный русский язык его времён “Слово о полку Игоревом”. Среди других потомков были смоленский и московский губернатор, сенатор, директор азиатского департамента внешних дел, попечитель Московского учебного округа. Графов Капнистов занесли в родовые книги Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний в 1876 году, в Венеции – в 1702 году. Заслуженная артистка Украинской ССР М. Капнист снималась в фильмах “Ошибка Оноре де Бальзака”, “Руслан и Людмила”, “Далеко от родины”, “Пропала грамота” и др. [Капнист 1997, 286].

В начале 1750-х гг. правительство Елисаветы Романовой в междуречье Синюхи и Днепра учреждает поселение Новую Сербию для выходцев из Балкан во главе с генералом Д. Хорватом [Шмить А., 1893, 234–235]. Сербские офицеры-помещики получают земли в Надднепрянщине. Владельцем Павловки, возникшей в середине XVIII в. [Результаты, 1888] через речку от Свинарки, в конце столетия числится генерал-майор Семён (Симеон) Пишчевич. Затем она перешла в наследство его сыну Александру. Он писал, как во время приездов в деревню пришёл к выводу, что, не имея заинтересованности в работе на помещика, крестьяне откупались от неё за мелкие взятки управляющему поместьем. Окончательно за ним отцовскую землю закрепил Сенат [Пишчевич А. 2003, 336–337].

В 1856 г. Пишчевич владел 26 дворами в Павловке [ГАКО, ф.14]. в последний крепостнический 1860 год в павловских владениях П. Пишчевича насчитывалось 125 человек, 39 дворов [Пивовар А.В. 2009, 79]. В Светловодском краеведческом музее хранится копия дела проведения выкупной операции по Павловке и Скалевой Александрійского уезда помещика Платона Александровича Пишчевича [Аболмасова О. 2004, 217]. На 1885 р. дача Павловки Михаила Платоновича Пишчевича имела 475 дес. 1400 саж. лесной, луговой и озёрной территории и ещё 45 дес. 1600 саж. до середины Днепра. В 1890 году его сестра дворянка Анна Белавенец имела в Верхней Павловке и соседней Скалевой 2031 дес. 1398 саж. земли [Отчётъ 1891, 31]. В следующем году за вдовой капитана I ранга А. Белавенец в этих сёлах числится уже несколько меньше земли – 2000 дес., 850 саж., за потомственным дворянином, её братом Михаилом Пишчевичем – 31 дес. 548 саж. в Верхней Павловке [Отчётъ 1892, 8]. В 1897 году в описании дач за коллежским асессором А.С. Пишчевичем числилось в деревне Павловке: верхней – 180 дес. 120 саж усадебной, 412 дес. 425 саж. орной, 364 дес. 1825 саж. сенокосной, 26 дес. лесной земли, 102 дес. 1778 саж. неудобий; в нижней – постоянный двор “на пустоши” и 1875 саж. орной, 92 дес. 1500 саж. сенокосной, 390 дес. 305 саж лесной земли, 142 дес. 1650 саж неудобий [Алфавитъ 1898, 18–19].

Основатель династии сербов-помещиков Надднепрянщины, С. Пишчевич прибыл в Россию в 1753 г., женился на племяннице командира Новой Сербии И. Хорвата Екатерине, служил на офицерских должностях, командовал Болгарским полком [Церови` Л. 2002, 118],

принимал участие в военных действиях против Польши, российско-турецкой войне, ликвидации Запорожской Сечи. В 1778 году вышел в отставку. Поселился в соседней с Павловкой Скалевой, занявшись написанием мемуаров [Известие, 1884] и истории сербов. Через десять лет генерал-майор обращался к правительству Екатеринославского наместничества с просьбой разыскать и вернуть представленные ранее документы на дворянство, полученные его отцом от австрийского императора Леопольда [Посунько О. 2005, 464]. В Скалевой жил после выхода в отставку на рубеже столетий и сын колониста Александр, уроженец Смоленщины, который служил в Санкт-Петербургском драгунском полку, участвовал в российско-турецкой войне. Он также оставил мемуары, исторические работы [Бугские 1886]. С.Г. Пищевич был председателем александрийских земской уездной и городской управ, херсонским губернским старостой при гетмане Скоропадском.

В 1856 г. в Свинарке жило 118 мужчин и 132 женщины, насчитывались 41 изба, 28 дворов. Собственник деревни также носил иностранную фамилию – Пиллер. Через три года селением владела Екатерина Пилар-фон-Пильхау (встречаются разные варианты этой фамилии). На 1885 г. земля барона Пиллера соседствовала с дачей Павловской [Земельні 2010, 264]. Среди дач генерального межевания за коллежской советницей Е.С. Кудашевой в селе Белецковке с деревней Свинаркой числилось 3327 дес. 440 саж. земли. Через два года в описи дач в этих поселениях за ней было записано 48 дес. усадебной, 1285 дес. 1686 саж. орной, 698 дес. 180 саж. сенокосной, 290 дес. 2294 саж. лесной земли, 1003 дес. 1930 саж. неугодий [Алфавитъ 1989, 3].

Речь идёт о потомках татар Кудашей из Мордовии, которые в своё время стали российскими князьями, вошли в родовые книги, в частности, Киевской губернии [Энциклопедический 1895, 927]. В 1768 г. Екатерина II подарила земли княгине Кудашевой в Центральной Украине [Катана Г.К. 1972, 314]. После ликвидации Запорожской Сечи её сын Д. Кудашев получил 19 поместий от Елисаветграда (теперь – Кировоград) до Кременчуга [ГАКО ф. 14, 121]. Их внук и сын Николай, генерал-майор был женат на дочери М. Кутузова, уроженке, вероятно, Елисаветграда (здесь жила семья будущего знаменитого полководца) [Ястребов В. 1884, 183–184] [Кротов А. 2012, 54–65] Екатерине, погиб в 1813 г. в войне против Наполеона. За два года до этого в их семье родилась дочь Екатерина, вышедшая затем замуж за барона Карла фон Пильхау. Именно он, а затем его жена и их сын Николай, соответственно внучка и правнук Кутузова, были поочередно собственниками земель в Свинарке. Князя, офицера Кудашева вспоминает в соседнем Новогеоргиевске российский поэт А. Фет, служивший здесь в середине XIX в. [Фет А. 1992, 271].

В Отечественной войне принимал участие и младший брат Николая Сергей (станет киевским губернатором, предводителем дворянства Херсонщины), чья внучка Екатерина владела свинарскими землями на 1895 г. Её родной брат Александр, инженер, профессор, спроектировал, соорудил и сам испытал первый отечественный аэроплан (биплан) [Моисеев В.А. 1986, 77–82]. Двоюродными братьями помещицы были публицист, украинский общественный деятель, ученый С. Подолинский и российский философ Николай Бердяев. К потомкам княжеского рода относятся поэтесса, автор песни “В лесу родилась ёлочка” Р. Кудашева, представитель группы учёных, работающих на рубеже 1930 – 1940-х гг. над созданием ракетной техники С. Кудашев.

На 1890 г. в Нижней Павловке 507 дес. земли принадлежали дворянину Александру Александровичу Эрдели [Отчётъ 1892, 41]. Это был сын А.С. Эрдели, губернатора Херсонщины, тайного советника, почётного гражданина Елисаветграда и Херсона А.С. Эрдели и отец будущей преподавательницы Смольного института, солистки оркестра Большого театра СССР, профессора Московской консерватории, основоположницы сценической сольной игры на арфе, народной артистки СССР, кавалера орденов “Знак Почёта” и Трудового Красного Знамени Ксении Эрдели. Она вспоминала, что отец окончил юридический факультет столичного университета, работал в Астрахани и Елисаветграде мировым судьёй, пел студентом в аматорском хоре, “впервые созданном Антоном Рубинштейном для симфонических концертов Российского музыкального общества” [Эрдели К. 1967, 21–24]. Предки этого рода

прибыли в Центральную Украину из Венгрии после образования Новой Сербии в 1750-е гг. Эрдели породнились с Пишчевичами, Кузьминскими (племянница жены писателя Л. Толстого вышла замуж за родственника арфистки К. Эрдели). Возможно, к последним имеет отношение владелец 521 дес. 1 саж. земли в 1895 г. в Нижней Павловке дворянин с созвучной фамилией С.И. Кузьмицкий [Список 1896, 69]. Потомки новосербских колонизаторов воевали в белой армии против красной России и независимой Украины, эмигрировали или были репрессированы советской властью.

Имена владельцев деревень Свинарки и Павловки свидетельствуют о хозяйственном интересе представителей известных родов к надднепрянским землям. Это соответствовало политике Романовых по привлечению в Центральную и Южную Украину военных, помещиков из других стран или регионов Российской империи. Особенно эта тенденция проявилась после ликвидации Запорожской Сечи. В дальнейших исследованиях необходимо было бы проанализировать степень эффективности указанных хозяйств, их специализацию.

Источники и литература

Аболмасова О. Світловодщина в ХІХ столітті мовою архівів (огляд матеріалів із фондів Світловодського міського музею) // Культурно-освітні процеси краю у ХІХ столітті (матеріали обласної науково-практичної історико-краєзнавчої конференції). – Кіровоград: ПП “Поліграф-Терція”, 2004. – С. 216–220.

Алфавитъ дачъ генеральнаго межеванія Александрійскаго уезда Херсонской губерніи (Приложеніе къ Статистико-экономическому обзору Александрійскаго уезда за 1897 годъ). – Александрія: Типографія Ф.Х. Райхельсона, 1898. – 42 с.

Бугськіе казаки и украинскіе уланы (заметки А.С. Пишчевича) // Кіевская старина. Т. ХІV. – 1886. – Февраль. – С. 387–394; Примечанія Александра Пишчевича на Новоросійскій край / Съ предисл. и примеч. В. Ястребова // Кіевская старина. Т. ХІVІІІ. – 1884. – Январь. – С. 111–134; Южно-Русскій город в начале текущего столетія (Изъ “дневныхъ записокъ” А.С. Пишчевича) // Там же. – Январь. – С. 173–186.

ГАКО (Государственный архив Кировоградской области). – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 1873.

ГАКО. – Ф.Р. 7172 – Оп. 1. – Д. 147.

Гуржій О. Українська козацька держава в другій половині ХVІІ – ХVІІІ ст.: кордони, населення, право. – К.: Основа, 1996. – 222 с.

Дашкевич Я.Р. Василь Капніст – український політичний діяч // Український історичний журнал. – 1991. – № 7. – С. 78–82.

Земельні банки Новоросійського краю (за описами фондів Одеського, Дніпропетровського та Кіровоградського архівів / Авт.-упор.: А.В. Пивовар, О.І. Пеший, К.В. Шляховий. – К.: Академперіодика, 2010. – 620 с.

Известіе о походе Симеона Степановича Пишчевича (1731 – 1785 г. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университете, подъ ред. действ. ч. Нила Попова. – М., 1884. – 561 с.

Катана Г.К., Цись В.О. Мала Виска // Історія міст і сіл Української РСР. Кіровоградська область. – К.: УРЕ, 1972. – С. 384–394.

Капнисси и Капнисть; Капнист (Василий Васильевич) // Энциклопедическій словарь. Т. ХІV. – СПб.: Изд-во Брокгауза – Ефрона, 1895. – С. 387–388.

Капніст Марія Ростиславівна // Мистецтво України: Біограф. довід. – К.: Укр. енциклопедія, 1997. – 286 с.

Кротов А. Елисаветградский период жизни, военной и дипломатической деятельности Михаила Илларионовича Кутузова // Науковий збірник Кіровоградського обласного краєзнавчого музею. Вип. 1. – Кіровоград: Імекс-ЛТД, 2012. – С. 54–65.

Методичні поради вчителям по вивченню історії Кіровоградської області (Край у другій половині ХVІІІ – першій половині ХІХ ст.) / Упор. М.С. Черкасова, О.Д. Брайтченко, С.І. Шевченко. – Кіровоград: КДП ім. О.С. Пушкіна, 1988. – 37 с.

Отчётъ Александрійской уездной земской управы о положеніи земскаго хозяйства за 1890 годъ. – Александрія: Типографія Э.Т. Райхельсона, 1891. – 79 с.

Отчётъ Александрійской уездной земской управы о положеніи земскаго хозяйства за 1891 годъ. – Александрія: Типографія Э.Т. Райхельсона, 1892. – 130+167 с.

Пивовар А.В. Поселення Задніпрських місць до утворення Нової Сербії: в документах середини XVIII століття. – К.: Академперіодика, 2003. – 336 с.

Пивовар А.В. Поселення Херсонської губернії за повітовими алфавітами 1856 року. – К.: Академперіодика, 2009. – 91 с.

Пишчевычъ А. Мої живот (1764 – 1805): успомене. – Нови Сад: Матица српска, Српско-украинско друштво, 2003. – 354 с.

Посунько О. Матеріали архівосховищ України до історії сербської колонізації // Сеоба Срба у Руско царство половином 18 века: Зборник радова са Међународног научног скупа у Новом Саду, 7–9 Маја 2003. – Нови Сад: Српско-українско друштво: Архив Војводине: Музеј града Новог Сада, 2005. – С. 461–472.

Результаты подворной переписи Александрійского уезда 1886 г. Приложение къ III тому “Материалов для оценки земель Херсонской губернии”. – Александрія: Типографія Райхельсона, 1888. – 456 с.

Репан О. Іржа на лезі: Лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735 – 1739 років. – К.: Вид. дім. “Києво-Могилянська академія”, 2009. – 195 с.

Список землевладельцев Александрійскаго уезда на 1896 годъ. Приложение къ Статистическому Отчёту Александрійской Земской Управы за 1895 годъ. – Александрія: Типографія Ф.Х. Райхельсона, 1896. – 110 с

Фет А. Воспоминания. Репринт издания 1890 г. Т. 3. – Пушкино: Изд. объединение “Культура”, 1992. – 560 с.

Церовић Л. Срби у Украјини. – Нови Сад: Српско-українско друштво, 2002. – 416 с.

Шамрай С. До історії залюднення Степової України в XVIII ст. (Крилівщина й Лизаветчина) // Записки історично-філологічного відділу. – 1929. – Кн. XXIV. – С. 207–303.

Шевченко С.І. Українська доля Нової Сербії: Історичні нариси з минулого Кіровоградщини (Кіровоградщина в українсько-сербських зв'язках. 1752 – 2002). – Кіровоград: ПВЦ “Мавік”, 2004. – 168 с.:10 л. іл.

Шевченко С. Соціально-економічне становище наддніпрянського села в II половині XVIII с. 1861 р. (на прикладі с. Павлівки Олександрійського повіту) // Наукові записки. Серія: Історичні науки. – Вип. 15. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2012. – С. 325–332.

Ястребов В. Историко-статистические материалы о церквях г. Елисаветграда // Прибавления к Херсонским Епархиальным Ведомостям. – 1884. – 1 августа. – № 15. – Одесса: Славянская Типография, 1884. – С. 483–484.

Энциклопедическій словарь. Т. XVI^a. – СПб.: Изд-во Брокгауза – Ефрона, 1895. – 963 с.

Эрдели К. Арфа в моей жизни. – М.: Музыка, 1967. – 240 с.

**ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО
В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
(на примере Брянского, Карачевского, Севского
и Трубчевского уездов)**

*Елена Слепцова
(Брянск, Россия)*

Одним из важнейших факторов, влияющих на изменения в культурной жизни Орловской губернии конца 19 - начала 20 вв., являлась периодическая печать. Главными центрами периодической печати в России в этот период оставались Петербург и Москва. Периодическая печать условно делилась на две большие группы: газеты и журналы. Газеты издавались правительством, государственными учреждениями, частными лицами, общественными организациями-земствами, городскими думами. Существовало три типа газетной периодики: «Ведомости», «Вестники», многочисленные «Листки».

К концу 19в. с изменением экономической и политической жизни губернских городов России, с ростом общественной мысли и возникновением провинциальной интеллигенции роль провинциальной периодической печати заметна возросла. Между столичной и провинциальной прессой установились тесные взаимосвязи. Провинция пристально следила за столичной прессой, старалась перепечатать для своих читателей наиболее интересные и значительные материалы. Если взять во внимание тот факт, что в столичных газетах все отделы хорошо представлены, и отдельный экземпляр стоил столько же, сколько стоил номер провинциальной газеты, отличающейся в основном своей бесцветностью и малосодержательностью, то отсюда и проявлялось внимание к столичной печати. К этому стоит добавить те трудности, с которыми приходилось бороться провинциальной газете, чтобы найти своего читателя и иметь средства на содержание газеты. К тому же большинство провинциальных изданий проходило предварительную цензуру в столицах или других крупных городах, что приводило часто к потере оперативности и прекращению изданий.

В большинстве провинциальных городов издавались только газеты. Для издания и журнала и газеты не хватало ни полиграфической базы, ни бумаги, ни литературных сил: приходилось что-либо выбирать, и предпочтение отдавалось газете. Местными газетами Орловской губернии были: «Орловские губернские ведомости» - официальный правительственный орган, издававшийся с 1838 по 1917гг., «Орловский вестник» - первая частная газета, выходившая с 1876 по 1918гг., «Орловские епархиальные ведомости» - орган орловского духовенства, издавались с 1865 по 1918гг.

С середины 80-х годов 19в. стали выходить самые различные газеты в уездах Орловской губернии, отражающие жизнь губернии изнутри. Особого внимания заслуживает газета «Брянский вестник», появившаяся в 1894г. под руководством П.Н.Тиханова, который до этого времени занимал скромное положение в редакции «Правительственного вестника». Церковный историк П.Н.Тиханов поселился в Брянске в 1894г., где прожил около 4 лет. Этот период времени для Брянска был знаменателен появлением своего печатного органа «Брянский вестник». В ней помимо обыкновенного газетного материала, в отделе старины, сообщалось немало сведений по общей и местной археологии. Но газета просуществовала недолго, около 3 лет. «Брянцы недружелюбно встретили начинание Тиханова и не нашлось во всем городе несколько человек, которые поддержали бы издание и теперь оно приостановлено», - писал «Орловский вестник» (1).

Развитию периодической печати способствовал рост типографий и литографий, в определенной мере обусловленный промышленным развитием края, ростом технических знаний и подготовленных кадров. Выход печатной продукции зависел от состояния писчебумажного и полиграфического производства, которые составляли материально-техническую базу периодики. Одним из важных отделов газеты являлся отдел «корреспонденции» - как выразитель мысли деревни и провинциального города, выразитель его желаний, недостатков и достоинств. Сообщения и корреспонденции из уездов носили чисто слу-

чайный характер, и количество их не превышало несколько сотен в год, причем сам характер корреспонденции в большинстве случаев был обывательски-невинный: сообщалось об устройстве школьной елки, об освящении какого-нибудь общественного места. Корреспонденции посылали учителя, доктора, студенты, адвокаты, священники, чиновники, купцы, приказчики, волостные писари. «Уезды, прилегающие к железным дорогам: Брянский, Карачевский насчитывали у себя по несколько дельных и хороших представителей печатного слова. Соединенные проселочными дорогами: Севск, Трубчевск блистают полным отсутствием газетных работников, между тем как эти уезды являют из себя непочатый угол общественного безобразия и дикости нравов» (2). В этом наблюдении современника ясно обозначена связь между экономическим развитием губернии, ростом транспорта, с одной стороны, и распространением культурных контактов, периодической печати, с другой. Все чаще появляются статьи нового содержания на изменения общественной жизни в уездах. Так И. Дубровин в своей статье «Несколько мыслей со стороны» в газете « Орловский вестник» в январе 1904г пишет: « В глубине русской жизни продолжается процесс бесшумный, но знаменующий начало новой эпохи русской жизни. Теперь проснулась провинция. В ней появляются новые люди и несут новые начал бытия и отношений. В каких-нибудь 20 лет выросло огромное фабрично-рабочее население, начинающее походить по типу к западно-европейскому рабочему со складом его ума, общественным воззрением и склонностью к культурному совершенствованию. В недрах провинции происходит «европеизация». 10-15 лет атмосфера провинции была тупа, равнодушна, - жизнь ее была серая, грязная, засасывающая как болото, а теперь происходит что-то новое, что-то резко и круто переменялось, земства, - урезанные и сокращенные, - не прекращают работы, борясь со всеми бессмысленными препятствиями, которые вставали ему на пути. Русская жизнь стойко и неуклонно идет вперед». (3)

Вот как выглядят изменения в создании типографий и литографий в Брянском, Севском, Карачевском и Трубчевском уездах Орловской губернии с 1884г. по 1904г.(4)

Какое заведение	Кому принадлежит	Год открытия
Карачев: Типография	Орловскому мещанину П.М.Дмитриеву	16.04.1872г.
Брянск: Типография	Дворянину Арцишевскому	11.07.1879г.
Севск: Скоропечатное типографическое заведение	Землевладельцу штабс-капитану В.Н.Лосеву	25.10.1873г.
Брянск: Типография	Губернскому секретарю М.И.Юдину	28.04.1885г.
Типография	Брянскому мещанину А.И.Итину	29.08.1896г.
Брянский уезд: Литографический станок	Брянскому заводу	17.08.1883г.
Литографический походный ручной станок	Брянскому заводу	30.09.1903г.
Литографический ручной станок	Брянскому заводу	2.03.1904г.
Карачев: Типография	Бывшему дворянину человеку В.Ф.Данилову	4.08.1886г.
Типография	Коллежскому ассесору П.Н.Хализеву	23.02.1899г.
Севск: Типография	Отставному штабс-капитану В.Н.Лосеву	25.10.1873г.
Трубчевск: Типография	Дочери отставного губернского секретаря Л.С.Бычковой	22.06.1900г.

Сравнение данных о количестве типографий и литографий в этих уездах позволяет сделать вывод о том, что, хотя общий рост типографий за этот период был незначителен, но

периодическая печать и типографическое дело развивались. Это свидетельствует о наличии в уездах административной власти, учебных заведений, умственных сил, нуждающихся в типографической продукции, грамотного населения.

Другим условием развития образования и просвещения губернии, и ее уездов, являлось развитие книготорговли и распространение книг. Грамотность населения использовалась в разных культурных целях - от чтения религиозных текстов до чтения газет, информационных брошюр и народной литературы. Ведущая роль в распространении грамотности в дореволюционной России принадлежала печати и созданию различных типов издания. Издательская промышленность развивалась быстро, благодаря чему многие издатели смогли организовать издательскую деятельность в Орловской губернии и стать крупными книгопродавцами на протяжении многих лет с одной стороны. С другой стороны распространение книготорговой деятельности тормозилось теми препятствиями, которые возникали на основании законов о печати, по которым разрешение на открытие в провинции книжных магазинов, складов, лавок, киосков, входило в компетенцию губернаторов и его чиновников и зависело от их произвола. Так, в 1881г. в городах Орловской губернии существовало только 10 книжных магазинов и лавок. Они находились в 5 из 12 уездных городов губернии, одна, из которых была открыта в Севске. Владельцем ее был купец. (5) Торговля велась русскими книгами, календарями, учебниками, что говорит о небогатом выборе книжного фонда. К 1890г. книготорговля была открыта и в Карачеве на 15 тысяч человек, что не могло удовлетворить читательские вкусы городского населения.

Открывали книжную торговлю в уездных городах люди различных сословий: дворяне, грамотные крестьяне, уездные земства и благотворительные комитеты, по инициативе местных предпринимателей, которые охотно откликнулись на нужды населения в потребности изучения и приобретения книг. В Брянске учитель городского училища М.И.Юдин, желая открыть книжную лавку и библиотеку для выдачи книг на дом, так объяснял свое стремление: « В Брянске нет книжной лавки и торговля учебными книгами и пособиями производится людьми совершенно незнакомыми с учебным делом. Книги продаются слишком дорого. Многих учебных книг совсем не бывает и родители учеников вынуждены покупать книги в другом городе». (6). Книжная лавка и библиотека были открыты Юдиным в Брянске в 1891 г.

Книжное дело постепенно продвигалось, и открытие новых книжных магазинов, лавок в различных городах и селах губернии следовало одно за другим. Вот некоторые из них:
1898г. - купец А.И.Сафьянов и Н.И. Гамова в Трубчевске открывают книжную лавку;
1899г. – вдова Севского временного купца М.К. Соколова открывает в Севске книжный магазин.

К 1904г. Брянск и Карачев имели по 2 книжные лавки, Севск и Трубчевск - по 1. (7)

Не во всех уездных городах губернии приветствовали открытие книжных магазинов, т.к. «главным контингентом наших обывателей являются купцы и мещане, малообразованные, многие даже безграмотные, которые придерживаются старинных традиций, в силу которых книга признается ненужною вещью, а чтение пустяком, прихотью», - свидетельствовал «Орловский вестник» в 1897г. (8).

Посетителями книжных магазинов и лавок были читатели из привилегированных классов: дворяне, чиновники, духовенство, офицерство. Это объяснялось тем, что цена на книгу была высока для простонародного населения из-за расходов на пересылку, которую продавцы книжных магазинов прибавляли к продажной цене книги, в виду того, что увеличивалась почтовая такса на пересылку произведений печати. Таким образом, цена книги доходила от 1.5 до 4 руб.

Другой причиной отсутствия полезных и нужных книг в книжной торговле была плохая организация распространения книги, т.к. некому и негде было их распространять из-за отсутствия широкой известности книг. Книжная торговля развивалась в губернском городе, в уездах находились книжные лавки, которые трудно было назвать книжными магазинами. Там торговали учебниками, картинками и календарями.

Еще одной причиной отсутствия на книжном рынке богатого выбора книг - это то, что

в уездах не знали букинистов, занимающихся дешевой распродажей книг. Помещичьи библиотеки, стоящие тысячи, продавались за десятки, за сотни рублей букинистами, когда, не зная, кому продать книгу, ее сбывали за бесценок на базаре, и книга, если не попадала букинисту, покупалась даже неграмотными людьми. Так, в с.Молдованом Карачевского уезда, некогда принадлежащем статс-секретарю императрицы Екатерины Теплову, хранилась богатая библиотека, в которой находились свертки не изданной и никому не известной подлинной переписки Вольтера с Тепловым и Разумовским. (9)

Для развития книготорговой деятельности в уездах губернии использовались самые различные формы рекламы на страницах местных газет. Их читатели получали информацию о новых поступлениях в книжные магазины.

Другой формой книготорговли была розничная продажа книг частными торговцами, известными в народе под названием офеней, ходябщиков и коробейников, которые проходя для сбыта своего товара по разным деревням, продавали в числе других предметов произведения известных московских фирм. Ежегодно с наступлением зимы Орловская губерния высылала до 500 семей офеней-ходябщиков, которые разносили в лубочных коробках книги и картинки – самые дешевые издания Сытина и Бриллиантова. (10). Дешевые книги продавались от 75 до 90 коп, за сотню, в основном религиозно-нравственного содержания, главное внимание при покупке книги уделялось громкому названию: «Сказка о семи Семионах-родных братьях», «История о львице воспитавшей царского сына». (11)

Разносчики книг заботились о материальной выгоде от продажи дешевой литературы и не беспокоились о содержании имеющихся у них книг. Книгоноши сами являлись или безграмотными людьми, нисколько не знакомые с содержанием продаваемой литературы, или имели домашнее образование, но не имеющие полного знания и достаточных средств для производства книжной торговли. Книжный товар состоял из лубочных изданий-маленьких брошюр, названных по сходству с народными картинками (лубками). Лубочная литература была представлена изданиями как светского, так и религиозного содержания. Как писал «Орловский вестник» в 1891г.: « В настоящее время одна только издательская фирма «Сытина» отпечатывает ежегодно до 1000 тысяч картин «божественных» и почти столько же «светских». В любом постоялом дворе, в мелочной лавке, в каждом мещанском и во многих крестьянских домах можно встретить ни стенах эти расклеенные картинки, важная заслуга которых заключается в том, что благодаря массе выпускаемых ими в свет более или менее художественно исполненных, сии пробуждают в народе вкус и стремление к более изящному и совершенному». (12).

По наблюдению современников с конца 19в. доля религиозных материалов стала сокращаться. Художественная литература возобладавала в мире массового потребителя печатного слова, т.к. газеты и журналы были исключительно светского характера. Художественная литература стала наиболее важной категорией лубочной литературы: романы в выпусках, продававшиеся по 1-2 коп. за выпуск, народные детективные рассказы. Каждая брошюра прочитывалась не один раз средними и низкими слоями городского читателя, грамотными крестьянами. Из доклада губернского предводителя дворянства М.А.Стаховича «К вопросу о борьбе земства с лубочной литературой», помещенном в « Сборнике статических сведений по начальному образованию в Орловской губернии за 1900-190учебныйгод», узнаем, что «во всех уездах были переписаны книги в 1296 дворах, в них найдено 11733 книги, что в среднем на переписанный двор составляет 9,1 книг. Их указанного числа книг только 750 оказалось сочинениями известных авторов, научно-популярных и хозяйственных только 255, лубочных-2198, всякого рода календарей, справочников-619. Орловский крестьянин читает преимущественно лубочину во всех видах и формах, которая без сомнения приносит громадный вред, способствуя сохранению и развитию того духовного мира, который создан крайне тягостными материальными и нравственными условиями жизни нашего народа». (13)

От влияния лубочной литературы могла защитить правильно организованная книжная торговля. Хотя лубочная литература была малоинтересна и полезна по содержанию, она стала наиболее массовым видом книжной торговли, которая приобщила население к чтению и обра-

зованию, так как помимо основных потребителей книг: дворян, чиновников, духовенства, офицерства, их число пополнилось: рабочими промышленных предприятий и фабрик, грамотными крестьянами, учащейся молодежью. А это сыграло немаловажную роль в развитии культурной и общеобразовательной жизни уездов Орловской губернии конца 19-начала 20 вв.

Источники и литература

1. Орловский вестник.1897.№19.21 января.
2. Орловский вестник.1890.№1,2. Января.
3. ГАОО. Ф.580.О.1.Д.3114.О временном приостановлении газеты «Орловский вестник» о нарушении правил о цензуре.1904-1906.Л.2.
4. ГАОО.Ф.580.Д.3098. Ведомости типографий в Орловской губернии.1904.Л.8,13,15.17-19,21,27,33,35,36,40,43,45.,47,51,53-57.
5. ГАОО.Ф.580.О.1.Д.4527. Ведомости книжных магазинов.1881.Л.3,9,21,31,34.
6. ГАОО.Ф.580.О.1.Д.5446.Разрешение Юдину открыть библиотеку в Брянске.1891.Л.1,5.
7. Р.Э.Гинлейн. Адресная книга книгопродавцев в России (1903-1904).СПб. С.2.
8. Орловский вестник.1897.№ 68.8 марта.
9. Орловский вестник.1880. № 117.5 ноября.
10. Орловский вестник.1897.№ 29.31 января.
11. Орловский вестник.1897.№ 29.31 января.
12. Орловский вестник.1891.№140.14 апреля.
13. Орловский вестник.1903.№ 21. 23 января.

ЛИДЕРЫ УКРАИНСКИХ ЭСЕРОВ О СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ В 1917 ГОДУ

*Александр Житков
(Кировоград, Украина)*

Среди основных причин, углубляющих социальный кризис в период Февральской революции, следует назвать нерешенность аграрного вопроса. Это подтверждает размах крестьянских волнений, которые охватили российскую деревню весной – осенью 1917 года. Статистика выступлений крестьянства в указанное время выглядит следующим образом: Центрально-Черноземный район – 1381, Нижне-Волжский – 1059, Белорусский – 518, Степная Украина – 391, Правобережная Украина – 1519, Левобережная Украина – 620 случаев [Хоптяр 2010, 53].

В Украине идеология крестьянства в значительной мере определялась влиянием Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), которая в радикальных требованиях, по словам одного из ее лидеров П.Христюка, «всегда выходила за пределы задач «буржуазной революции» [Христюк 1921, 48]. На политической арене УПСР позиционировала себя как политическая сила, представляющая интересы трудящихся слоев общества, в первую очередь, малоземельного крестьянства, ведущего «...сельское хозяйство своим собственным трудом» [Шаповал 1921, 100]. Надеясь на поддержку партии в осуществлении «черного передела», крестьяне записывались в УПСР целыми селами [Нова рада – 31 липня 1918 р.]. Так, если в сентябре 1917 года количество «записавшихся» в ряды эсеровской партии превышало 75 тысяч, то в декабре – 350 тысяч человек [Бевз 2008, 159].

Проблемы становления аграрной политики УПСР рассматривались в трудах ее организаторов: П.Христюка, Н.Шаповала, Н.Ковалевского, А.Мыщюка, написанных в эмиграции [4; 5; 11; 12]. Возможности авторов зависели от конкретных обстоятельств, но чаще все-

го ограничивались отсутствием доступа к архивам и научной литературе. Например, Н. Шаповал сетовал, что «...материалом, на основании которого приходилось осуществлять анализ и делать выводы, ... была логика фактов, логика революции» [Шаповал 1921, 6].

Следует согласиться с аргументами известного украинского историка И. И. Витановича, считавшего, что непосредственным участникам событий 1917 – 20-х годов, освещающим сложные аспекты аграрной политики с узкопартийных позиций, порой не хватало видения исторической перспективы, [Витанович, 1968, 5]. Однако, эта критика не означает, что следует отказаться от изучения сути поднятых ими проблемных вопросов, остающихся актуальными в наше время.

Наиболее яркий теоретик эсеровской партии Никита Ефимович Шаповал, ставя в центре работы «Революционный социализм на Украине» основную задачу – краткий анализ народнического движения, наряду с вопросами о власти и государственности выделял понятие «социализации хозяйства», требующее, как он полагал, углубленного обоснования [Шаповал 1921, 9]. Н.Е.Шаповал признавал, что программа партии состояла в начале 1917 года из конкретных требований и скупых теоретических выкладок, которые были заимствованы из общесоциалистических «предреволюционных понятий и обобщений» [Шаповал 1921, 5]. Это подтверждает изучение документов народнических групп и организаций. Так, на учредительном съезде партии в апреле 1917 года после обсуждения доклада Н.Ковалевского, избранного ее лидером, было принято решение о передаче «всех государственных, кабинетских и частновладельческих земельных угодий в Украине в Государственный Земельный фонд для их распределения через общественные организации с целью последующего использования крестьянами» [Христюк 1921, 37]. Проблема компенсации нанесенного землевладельцам ущерба оставалась нерешенной. Она облекалась, по словам П. Христюка, в «туманную формулу», следуя которой ... «издержки на проведение земельной реформы» относились на счет государства [Христюк 1921, 37].

Таким образом, в основу определяющих мер по аграрному вопросу фактически были положены требования проекта программы подготовленного киевской группой эсеров, предусматривающие бесплатное отчуждение монастырских, удельных, кабинетских и помещичьих земель, осуществление национализации земельной собственности. [Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття 1991, 79].

Состоявшийся в июле 1917 г. второй съезд УПСР принял программу партии, в которой аграрному вопросу отводился отдельный раздел, имевший название «В части сельского хозяйства и землеустройства». В нем были охарактеризованы формы собственности, оценено состояние земельных отношений, определены пути реформирования аграрного сектора экономики.

Украинская партия социалистов-революционеров исходила из структурного раздела земельного фонда Украины на «трудовую и помещичью форму организации сельского хозяйства», а также имеющую место физическую эксплуатацию безземельного и малоземельного крестьянства [Програма Української партії соціалістів революціонерів 1917, 13]. В документе отмечалось, что «правильное развитие сельского хозяйства» требует перехода земли в руки «всего трудового народа», а также обеспечения условий проведения «минимальных реформ для трудового крестьянства».

Программа УПСР предполагала отмену частной земельной собственности, вывод земли из товарооборота. Украинский земельный фонд переходил без выкупа в пользование всего трудового народа, которому предоставлялось право распоряжаться землей через сельские общества (громады), волостные, уездные, краевые земельные комитеты. Последние предполагалось создавать демократическим путем на основании всеобщего, равного избирательного права тайным голосованием.

В программе были определены принципы и нормы землепользования. В частности отмечалось, что землей имеет право пользоваться только тот, кто обрабатывает ее индивидуально собственным трудом или в составе коллективного, «товарищеского хозяйства». Земельный надел не должен быть меньше потребительской нормы и не превышать трудовую норму землепользования.

Крупные хозяйства бывших собственников предполагалось передать в распоряжение трудовых хлеборобских товариществ, создаваемых как «образец будущего социалистического хозяйствования» [Програма Української партії соціалістів революціонерів 1917, 14].

Природные ресурсы переходили в пользование «всего трудового народа» и управлялись краевыми органами самоуправления и высшим законодательным органом – Сеймом.

Как видим, содержательная часть программы достаточно полно отразила эволюцию взглядов партийной элиты УПСР касательно решения аграрного вопроса. Сто дней крестьянских антипомещичьих выступлений произвели эффект, превышающий по результативности последствия теоретических дискуссий, которые велись в народнических кружках дореволюционного времени.

Следует отметить, что проблема заимствования идеологами УПСР у российских эсеров принципов решения земельного вопроса рассматривается в анализируемых работах в контексте осмысления европейского опыта социалистических партий. Тот же Н.Е.Шаповал видел, например, принципиальное различие в социализации «по-российски», состоящей в возврате права распоряжения землей в общину с переделом земли между крестьянами и социализации по-украински.

Социализация в украинском варианте лишь внешне напоминала принцип распоряжения землей в российской «непередельной общине», когда земля распределялась изначально между общинниками, а уравнивание всех членов общины в доступе к материальным благам природы достигалось введением т.н. дифференциальной ренты. Справедливым для такого принципа является термин «общинизация земли», - отмечает Н.Е.Шаповал [Шаповал 1921, 136].

Периодический передел земли в украинском варианте ограничивается тем, что крестьянский надел отводился в пользование частно-трудовых хозяйств и мог передаваться по наследству. Н.Е.Шаповал резюмировал, что идеальным вариантом устранения социально-экономических противоречий между коллективным владением землей и индивидуальным пользованием следует признать национализацию земли. В принятом 18 января 1918 года Центральной радой Земельном законе он видел элементы «национализации земли с широким правом местного землепользования (для сельской громады и земельных структур)», [Шаповал 1921, 141].

Оценивая закон в целом, автор считал более правильным признать его законом о форме земельной собственности, т.е. перенесении принципа собственности на весь народ в абстракции, а на практике – закреплении принципа собственности на землю за частно-трудовыми хозяйствами.

Н.Н.Ковалевский, характеризуя деятельность УПСР по разъяснению крестьянам сущности аграрной политики, писал следующее: «Как позитивную программу аграрного переустройства Украины мы видвигали уже известную концепцию национализации земли, т.е. огосударствление всей земли и создание земельного фонда украинского государства» [Ковалевський 1960, 246]. При этом крестьянам объяснялось, что за счет национализации крупных помещичьих хозяйств будет увеличена площадь крестьянского землевладения. Используя преимущества программы и социальные реформы предлагаемые эсерами, крестьяне смогут через своих представителей регулировать размер земельных наделов и создавать новые формы хозяйствования. Таким образом, в главном взгляды обеих сторон сходятся на предоставлении права распоряжения земельной собственностью выборным органам крестьянского самоуправления на местах.

Следует обратить внимание на использование УПСР возможностей крестьянских съездов, съездов Крестьянского союза, Советов крестьянских депутатов. Анализ принимаемых на этих съездах постановлений показал, что они соответствуют содержанию положений аграрной части программы УПСР, которые в последующем вошли в проект Временного Земельного закона [Українська Центральна рада. 1996. – Т. 2, 128 - 130]. Очевидно, что таким образом те или иные положения аграрной программы УПСР проходили своеобразную обкатку в условиях межпартийной конкуренции, находили отклик крестьян.

Популярность эсеров подтвердили выборы в Украинское Учредительное собрание,

состоявшиеся в конце декабря 1917 – январе 1918 года. Подведение итогов избирательной кампании, которая проводилась в условиях военных столкновений (из 10 округов выборы состоялись в 6, а из 302 депутатов избрано 172), показали высокий рейтинг доверия к УПСР и Крестьянскому союзу. Подсчет голосов оказался следующим: УПСР и Крестьянский союз – 115 депутатов, большевики – 34, прочие – 23 [Сторчаус 2008, 64].

Следует признать приоритетность практического интереса УПСР в решении аграрного вопроса над теоретическими формулировками, которые были для большинства крестьянства абстракциями, требующими реального подтверждения. Но, в данном случае, выражение «теория посрамила себя» вряд ли отражает действительное состояние дел. Скорее наоборот – практика решения земельного вопроса крестьянством «с низу» приблизила руководство УПСР к пониманию настроений на местах и была использована для укрепления позиций партии.

А.А. Мыщюк в работе «Земельные реформы на Украине» (1921 г.) очень тонко подметил эту связь. «Социализация земли и независимость означали для крестьянства осуществление давнишнего требования «земли и воли». Все земли, в чьей бы собственности они не пребывали, ... революционным путем захватывались крестьянами. ... и в соответствии с мировоззрением последних распределялись среди трудовой прослойки села. ... Украинской Центральной раде оставалось узаконить то, что произошло в жизни», резюмировал политик [Мыщюк 1921, 16].

Переломным моментом в решении аграрного вопроса стал приход в декабре 1917 года к руководству Генеральным секретариатом земельных дел в правительстве Украинской Народной Республики (УНР) представителей УПСР А.Шумского и Н.Ковалевского. Восьмая сессия высшего законодательного органа УНР Центральной рады 18 января 1918 года приняла Земельный закон, в основе которого лежали идеи социализации земли.

Таким образом, следует отметить, что аграрная политика УПСР формировалась на основании народнической идеологии и в значительной мере зависела от ментальных установок носителей этой идеологии – крестьянства.

Предлагаемый в качестве альтернативы решения аграрного вопроса принцип национализации земли во второй половине 1917 года в программе УПСР был заменен на более лабильный и, главное, воспринимаемый в аграрном обществе с низким уровнем капитализации, принцип социализации земли.

Отказ от опыта европейской социал-демократии в решении земельного вопроса отражал эволюцию взглядов руководства УПСР, вынужденного смотреть на аграрную политику в комплексе как на основную задачу Украинской революции.

Источники и литература

1. Бевз Т.А. Партія національних інтересів і соціальних перспектив (Політична історія УПСР) – К., 2008.
2. Витанович І. Аграрна політика українських урядів років революції й визвольних змагань (1917 – 20). – Мюнхен – Чикаго, 1968.
3. Кушнір М. Українські політичні партії та громадянство // Нова рада.– 31 (18) липня, 1918 р.
4. Ковалевський М. При джерелах боротьби. Спомини, враження, рефлексії. – Іннсбрук, 1960.
5. Мищюк О. Земельні реформи на Україні. – Львів, 1921.
6. Програма Української партії соціалістів революціонерів. – Псков, 1917.
7. Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття. – Тернопіль, 1991.
8. Сторчаус В. Вибори до Українських Установчих зборів за доби Центральної ради (грудень 1917 – поч. 1918 рр.) // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету ім. Володимира Винниченка. Серія «Історичні науки» – Вип.11.– Кіровоград, 2008. – С. 59–65.

9. Українська Центральна рада. Документи і матеріали. У двох томах. Том 2. – К., 1996.
10. Хоптяр Ю.А. Селянський рух в Лівобережній Україні (березень 1917 – січень 1918 рр.) – Кам'янець – Подільський, 2010.
11. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917 – 1920 рр. – Т. 1. – Відень – Нью – Йорк, 1969.
12. Шаповал М. Ю. Революційний соціалізм на Україні. – Книга 1. – Відень, 1921.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В РОССИИ И ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

*Владимир Барынкин
(Брянск, Россия)*

Одним из итогов коллективизации в российской деревне было окончательное подчинение и разрушение сельской общины как системы крестьянского мироустройства, которая включала в себя не только поземельно - хозяйственные отношения, но и комплекс обычного права, регулирующего повседневную жизнь в деревне не всегда гармонирующую с властью. В общественно-политической мысли России, в художественной литературе, в историографии сельской общине давались самые противоречивые оценки. Нас особо интересует вопрос об изменении внутреннего строя крестьянской общины, ее предназначения для крестьянства на разных этапах ее существования, в связи с взаимоотношениями с властью, которая потрясла деревню своими переменами, в том числе и аграрными преобразованиями на протяжении XX века, и особенно, в его первой трети.

В течение нескольких веков община оставалась основной формой социальной организации на селе, в которой были заинтересованы и государство, и само крестьянство. После 1861 года община остается в российской административной системе как территориальная и функциональная организация. Она устраивала власть как институт, обеспечивающий податные и, частично, полицейские функции, крестьянство как институт, обеспечивающий социально-защитные и хозяйственные функции. Власть получала двойную выгоду: поступление налогов и контроль над самой многочисленной частью российского социума - крестьянством, причем, изолированного от власти и организованных политических выступлений [1].

К началу XX века крестьянская община на селе объективно превращается в тормоз российской модернизации, которая не могла не затронуть село. Наступает период ее активного распада. Значительная часть крестьянства выражает недовольство общинными порядками, хотя они доминировали на селе и были ещё достаточно сильны. Более того, власть продолжала поддерживать общину, но лишь после того, как по стране прокатился «чёрный передел» 1905—1907гг., правительство решилось на её реформирование, а точнее на разрушение её внутренней целостности. Хотя это было и непросто. Ведь государство теряло надёжный податный механизм, не требующий в случае экономических кризисов и потрясенный мер социальной защиты, более того, община обеспечивала существование деградирующего слоя помещиков.

Наличие разных подходов, критериев оценки реформ П.А.Столыпина позволяет сказать, что определить их реальное воздействие на общину непросто. Нельзя отрицать их позитивные замыслы и перспективный характер, но им не удалось затронуть основ общинной жизни, за короткий временной период, прерванный гибелью Столыпина и войной.

Первая мировая война нанесла ощутимый урон сельскому хозяйству и прервала аграрную реформу, резервы которой ещё были не исчерпаны. Общинные тенденции, наоборот, усилились. Во-первых, в годы войны в реформе уже не были заинтересованы как правительство, так и бюрократия на местах. Общинная деревня лучше обеспечивала войну. «Земские

начальники нашего уезда завалены своими делами, и заниматься землеустройством им некогда, прибыл новый циркуляр, в котором предлагается не особенно усердствовать с делами по выделу крестьян на хутора»[2].

Во-вторых, в условиях войны развивались самые различные виды взаимопомощи и доступные для крестьян формы кооперации на селе. Правительство само было заинтересовано в этом: «...необходимо признать в высшей степени желательным, чтобы среди населения получила широкое осуществление идея покупки, а в равной мере и аренды машин целым обществом или группой хозяйств, объединенных для этого в специальные кооперативы, чтобы такого рода покупки были обеспечены, возможно, льготными условиями» [3].

В-третьих, возымевшая силу натурализация крестьянского хозяйства была ближе к общинной форме существования. В-четвертых, в нарастающем бойкотировании обязательных правительственных поставок и многочисленных повинностей, а также в назревающей новой волне земельного передела — логичнее было придерживаться общины. «Городам хлеба не дадим, потому что не хотим кормить буржуев и зарвавшихся рабочих; не дадим хлеба и армии, потому что так быстрее кончится война» [3].

Напрасно власти относились к крестьянству как к аморфной массе, лишенной собственного общественного сознания. Годы войны способствовали кардинальному процессу нарушения традиционного общинного сознания крестьянства. Огромные масштабы гибели людей, разгул жестокости, технологизация массовых убийств, свидетелями которых были призванные в армию крестьяне, вызвали изменения их моральных установок [4]. По мнению А. Грациози, это высвобождало сохранявшееся веками в крестьянах ядро первобытной дикости, «и многие крестьяне вели себя подобно своим предкам, шедшим за Разиным или Булавиным» [5].

Трудности и бедствия войны усилили тенденции консолидации крестьян в поземельную общину в рамках традиционных принципов. Вместе с тем, усиливается и враждебность крестьян к государству. К 1917 году община оживает. Это была сплочённая и решительная сила, получившая новые импульсы для объединения. В деревне шёл процесс переподчинения различных крестьянских организаций сельским сходам. На ином уровне крестьянство сорганизовываться не могло, да и не хотело. Монархия как форма государственной власти утратила значимость в глазах крестьян (в таком же положении окажется и Временное правительство). Хотя менталитет общинного крестьянства не отрицал наличия твёрдой верховной власти, многовековое соотношение между властью и общиной разрушилось. Пусть на локальном уровне сельское общество стало хозяином, который на селе будет действовать по-своему. Временное правительство, стремившееся оттянуть решение земельного вопроса до Учредительного собрания, оказалось вынужденным фактически отменить столыпинское земельное законодательство. Общинное крестьянство не имело и не признало харизматического лидера к осени 1917 года.

Ситуация на селе развивалась в соответствии с крестьянской логикой. Утверждались типичные проявления общинно-патерналистского деспотизма. Сплочённое общинное крестьянство под лозунгами «Отвечать, так всем!», «В миру виноватого не сыщешь!» решилось снова на аграрный переворот уравнительного типа. Это был для него единственный способ перераспределения необщинной земли, инвентаря и различных сельхозпредприятий. Отрубники и хуторяне не могли рисковать своими землями. Ведь передельная лихорадка характеризовалась конфликтом не только между помещицкой собственностью и крестьянством, в объект передела попадали хуторяне и отрубники. Они сливались в разной степени с общиной, принимали её правила, тем самым, рассчитывая хотя бы не пустить своё хозяйство под «чёрный передел». Придерживаясь общины, крестьянство имело хоть какую-то гарантию не оказаться жертвой передела соседнего сельского общества: «...у крестьян получается очень большая неприятность, они не принимают близлежащих деревень, которые также смотрят на землю и говорят, что хотите грабить, так и нас принимайте», — сообщалось из Мценского уезда Орловской губернии [6]. Деревня обратила себя вспять. «Крестьянские выступления переросли в войну... Сила не остановленной крестьянской стихии была такова, что любое

правительство, не санкционировавшее уже проведённого явочным порядком захвата земли, было обречено на неминуемое устранение» [7]. Крестьянство смело систему самодержавно-помещичьего насилия и реализовало свой идеал уравнительного трудового пользования землей, отдав власть в стране поддержавшим его большевикам. С весны 1918 года новая власть уже расходится с интересами крестьянства, когда ситуация катастрофически нарастающего голода в городе потребовала хлеб от деревни. Перед крестьянством возникает необходимость защиты своих интересов, что вылилось в серьезные организованные выступления в 1918-1921 гг. Это заставило большевиков отказаться от продовольственной разверстки, ввести НЭП, признать особые интересы и права деревни, отменить революционно-коммунистическое земельное законодательство 1918-1920 годов. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского наказа 1917 года. Но в своей борьбе с большевистской властью крестьянство не смогло пойти дальше решения своих интересов, связанных с земельным переделом, но не с попыткой создания власти, отвечающей его интересам.

На этом фоне возрождение общины носило относительный характер. Это явление справедливо, на наш взгляд, оценивает Б. Н. Миронов как общинную контрреволюцию, имевшую в перспективе лишь небольшой промежуток времени [8].

Большевики, придя к власти, поддерживали общинные отношения, тем самым нейтрализуя и изолируя деревню, занятую собственным делом, от политической борьбы в городах. Более того, к 1922 году около 80% всей земли принадлежало общинной собственности. Но Советская власть понимала, что, придя в деревню, не наладив эквивалентного обмена с городом, сохранив реквизиции, мобилизации и трудовые повинности, она может получить крестьянское восстание против государства. Можно сказать, что к осени 1917 года общинный строй функционирует уже не только на традиционных, но и на несколько иных принципах, сформировавшихся в 1905—1917 гг. Поэтому, большевистская власть пытается не разрушить общину, а наоборот подстроить её под себя, как раз на сугубо традиционных принципах подчинения государству. Сама себе предоставленная деревня может отойти от общественных устоев и заниматься нескончаемыми межклановыми, межобщинными столкновениями за земли, игнорируя необходимость обеспечения городов и армии продовольствием. Снова навязывается присутствие государства на селе. Деревня опять становится объектом политики принуждения с применением общинно - традиционных принципов. «Разрушение общины было не выгодно государству, общину по-прежнему можно с превеликой пользой привлечь к исполнению фискальных задач. Распределение продразвёрстки по дворам осуществлял сельский сход, который был и ответственным за её выполнение. Сход также определял порядок очередность выполнения нарядов по трудовой, гужевой и другим повинностям. В деле поимки дезертиров община была связана круговой порукой и отвечала за их поимку» [9].

Это лишь ненадолго и искусственно сдерживало разложение общины. Нельзя отрицать, что этому способствовали многие факторы неполитического характера: семейно-имущественные разделы, тяга молодёжи освободиться от контроля общины, ослабление религиозности крестьянства, поиск каналов выезда из деревни в города и промышленные районы.

Но, главным в судьбе общины были её отношения с властью. В 1918—1921 гг. крестьяне были вынуждены с новыми усилиями укреплять общину в борьбе уже с большевистской властью.

Советское политическое руководство разными путями пыталось поставить её под свой контроль: создание комбедов, колхозов, коммун, кооперативов бедноты. Насаждались продотряды, численность которых в 1919 году достигла 73 тыс. человек. Причём действие этих продотрядов зачастую напоминало стихийные набеги оголодавших солдат и вооружённых рабочих на деревню [10]. 1918-1921 гг. — это первое серьёзное столкновение крестьянской общины и советской власти. Перенеся неизмеримые потери и унижения, крестьянство победило, оно заставило власть проводить нужную им политику, ввергнув саму партию в «разброд и шатание». [11]. Хотя введение НЭПа партия рассматривала как вынужденную меру, позволяющую обуздать народный гнев. Власть же, уступая крестьянству, не отказалась

от мысли поставить его под абсолютный контроль, тем самым избежать повторения известных событий. В свою очередь, получив землю, крестьянам не было причин быть недовольными властью. Но период НЭПа показал, что почва для недовольства оставалась: «Жалобы и требования крестьян в 20-е годы отражали, в первую очередь, тяжесть налогообложения, недовольство местной властью (сельсоветы, председатели советов, коммунисты), разницей в социально-экономическом обеспечении крестьян и городских рабочих» [12]. Деревня не хотела подчиняться индустриально-городским интересам.

Опыт 20-х годов подтвердил выводы и наблюдения учёных, сделанные ещё в дореволюционный период о том, что общинное право носит неустойчивый и незаконченный характер, что есть лишь два выхода: делить землю до бесконечности или закрепить её за пользователем навечно [13]. Рационально-экономическая линия была отвергнута большевиками, как на теоретическом, так и на практическом уровне в пользу революционности.

Власть не упускает шанса окончательно расправиться с общиной, способной ещё этому помешать. Но в период НЭПа сельское общество функционирует не на коллективном, а на индивидуальном принципе. Время разложило сплочённость крестьянства, как монолитный механизм община разрушалась. Крестьянство было уже слабее, чем в начале XX века, чем в 1920—1921 гг. Разобщённое по разным признакам, особенно по навязанному из Центра, классовому, крестьянство, хоть и находящееся в общине, было уже меньше организовано, чем государство [14].

Использовались самые разные методы, направленные на изменение внутренней организации сельской общины, формально в 1928 году она была запрещенной. Более того, появился харизматический лидер в лице Сталина, а для крестьянского сознания было характерно восприятие справедливого «царя-заступника», который обязательно доведёт правду и до их деревушки. Применялись различные проявления социальной напряжённости на селе: классовые, межклановые, межличностные столкновения (зачастую в форме зависти). И, наконец, такие формы давления как экспроприация, налоговый гнёт, насилие и особенно, голод. Громада российской крестьянской общины рухнула в одночасье [15]. Направленность исторического развития российского общества на рубеже XIX—XX вв. оказалась тесно связанной с судьбой крестьянской общины, эволюция которой в сторону распада несла за собой коренные преобразования жизненного уклада самого большого по численности сословия — крестьянства. Процесс преодоления общинности в России носил объективный характер. Наблюдались изменения в экономическом, социальном, ментальном плане, особенно к началу XX столетия. Но, к сожалению, плавность и естественность этого процесса находились под воздействием соотношения крестьянской общины и власти, которая зачастую искусственно способствовала консолидации общинного устройства или форсированными темпами разлагала его во имя собственной стабильности. Это выражалось в насилии над крестьянством. Сталинский вариант решения проблем модернизации страны, ее социально-экономической структуры был не возможен без наступления на деревню, ее разорения и беспощадной эксплуатации. Это выразилось в насильственной коллективизации, раскулачивании, выселении из деревни наиболее работоспособной и состоятельной части крестьянства.

В ходе противостояния общины и советского государства были радикально подорваны традиционные устои этого социального института, что позволило большевикам окончательно расправиться с монолитной социальной силой, способной противостоять попытке насильно загнать крестьянство в такие квазиобщинные формы существования, как колхозы. Колхозная система, созданная государством, в отличие от общинной, не допускала вариативности отношений крестьянства с властью. Она обеспечивала более широкие задачи: не только в организации по выкачке ресурсов из деревни, но и в жестком контроле над крестьянским социумом. В.П. Данилов справедливо отмечает, что эта система смогла выдержать жесточайшие испытания войны, но не смогла обеспечить выход сельского хозяйства из полуразрушенного войной состояния, не говоря уже о необходимом подъеме, она меньше всего была направлена на развитие самой деревни и собственно крестьянства.

Страна же лишилась естественного, цивилизованного пути развития сельского хозяй-

ства и становления хозяина на земле. События конца 20-х начала 30-х гг, по сути, оставили крестьянство бесправным сословием с перспективой вырождения и исчезновения. Этот класс потерял общинные традиции и оказался не способным выдержать еще несколько социальных потрясений от других реформ XX столетия.

Источники и литература

1. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917-1933.- М., 2001, с.10.
2. Калужский курьер, 1914, 27 сентября.
3. Труды совещания 15-18 октября 1915 года по вопросам обеспечения населения сельхозмашинами.- М.,1916. Вып.1 с. 56.
4. Поршнева О.С.Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян, и солдат России в период первой мировой войны. (1914- март 1918).- Екатеринбург, 2000,с.141.
5. Грациози А. Указ. соч., с. 11.
6. ГАОО, ф.81, оп. 1, е.х. 18, л.31.
7. Бухарев В.М., Люкшин Д.И., Российская смута начала XX веков как общинная революция.// Историческая наука в меняющемся мире.- Казань, 1994, с.156.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) // Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства.-СПб. Т.1, с.481.
9. Судьбы российского крестьянства. М., 1996, с. 234.
10. Булдаков В.А. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997, с.108.
11. Бабашкин В. Крестьянский менталитет: наследие России Царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. №3,с.105.
12. Крестьянские истории: российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М., 2001, с.8.
13. Земельный вопрос. М., 159.
14. Бабашкин В. Указ. соч., с.107.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВЕТСКОМ ЗАКАРПАТЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ

*Василий Мищанин
(Ужгород, Украина)*

В середине 1940-х годов Закарпатье пережило два радикальных поворота. Сначала период Народной Рады Закарпатской Украины 1944-1945 гг. (далее НРЗУ) где еще оставалась видимость какой-то самостоятельной деятельности для местной власти, а начиная с 1946 года в условиях Закарпатской области в составе УССР (СССР) такая возможность вовсе исключалась. С этого момента Закарпатье вливалось в народнохозяйственный комплекс СССР, здесь большевики проводили ту социальную, национальную, религиозную, демографическую политику, которая на протяжении нескольких десятилетий формировалась в СССР, только в сжатые сроки.

Хотя, по мнению некоторых современных украинских историков, советизация края значительно опережала политико-правовое обеспечение данного акта [Гранчак І., Поп І. 1993, с. 223-236; Макара М. 1995, 108 с.; Макара М. 2003, с. 35-43; Поп І. 2001, с. 48-54].

По словам историка Р.Официнского, уже в период НРЗУ в Закарпатской Украине представители СССР немедленно провели несколько военно-политических мероприятий направленных на скорейшую советизацию края [Офіцинський Р. 2010, с. 108-110]. Среди них

назовем хотя бы то, что на Закарпатье было создано 520 пунктов набора добровольцев в Красную армию. При этом у 640 населенных пунктах до конца 1944 года было мобилизовано 15 988 человек. Из них 689 не прошли медицинскую комиссию та мандатную проверку. Мобилизованные в Закарпатье добровольцы (15 299 чел.) влились в ряды 1 гвардейской та 18-ої армий. Были проведены репрессивные мероприятия из «очищения тыла от вражеских элементов». Репрессии против венгров и немцев начались сразу же со вступлением Красной армии на территорию Закарпатья. Уже в ноябре-декабре 1944 года на основании постановления № 0036 военной ради 4-го Украинского фронта начато изоляцию венгерского и немецкого населения призывного возраста. За приблизительными оценками, число репрессированных на Закарпатье венгров и немцев становит 30-50 тысяч. В этот час возрастает количество смешанных браков, в городской местности вона достигала среди немецкого населения более 50%, а в сельской местности – 30% [Куля Ф. 2004, с. 42].

«По сути, все эти общественные изменения, нередко чисто популистские, стали первым этапом советизации Закарпатья. Их провели в сжатые сроки задолго до официального присоединения Закарпатья до СССР, вопреки прежним советско-чехословацким договоренностям. Превентивная советизация Закарпатья значительно опередила формальное изменение государственно-правового статуса» [Офіцинський Р. 2010, с. 110], – подводит итог историк.

Подписанный 29 июня 1945 г. советско-чехословацкий Договор о Закарпатской Украине круто изменил судьбу края. Фактически этим договором решался не только территориальный, но и общественно-политический вопрос. Уже 22 января 1946 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено прошение Президиума Верховного Совета Украинской ССР о создании Закарпатской области с центром в г. Ужгороде. 24 января 1946 г. принято постановление о введении с 25 января 1946 г. на территории Закарпатской области законодательства Украинской Советской Социалистической Республики. Другими словами, в Закарпатье стала правомочной Конституция СССР 1936 года и Конституция УССР 1937 года. Тем временем у новой области создавались новые советские органы государственной власти и государственного управления.

С этого момента большевики и советское правительство приступают к формированию «советского человека» на Закарпатье. На это были направлены все силы партии и правительства, местных органов власти. Проявлялись они в массовой агитации и пропаганде «советского способа жизни», внедрении советской системы образования, жесткой цензуре и т.д. Одним из ключевых моментов в этом направлении должна была послужить и переселенская политика.

Как известно 1948-1949 гг. были переломными годами в проведении коллективизации края, или годами «всеобщей коллективизации». Именно в этот период и появляется множество людей недовольных насильственной коллективизацией. О перипетиях коллективизации на Закарпатье мы уже писали в первом номере «Истории и археологии восточноевропейской деревни» [Мищанин В. 2011, с. 117-122]. Было несколько способов избавиться от селян недовольных коллективизацией и советским режимом: а) включить в списки кулаков; б) что касается молодежи, направить ее в школы ФЗО; в) выселить в южные и восточные районы УССР [Мищанин В. 2000, с. 101-116; Мищанин В. 2009, с. 155-161].

Основной целью нашей статьи будет посмотреть на причины, ход и последствия миграционной политики проводимой большевиками в Закарпатье в послевоенный период.

Первый этап переселения состоялся в 1949 г. 8 октября 1949 г. заступник заведующего сельскохозяйственного отдела ЦК КП(б)У Мальцев докладывал в ЦК: «Очень плохо организована работа по переселению в таких областях как, Закарпатская, где отправлена всего 71 семья или 7,1% [Центральный державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО). Ф. 1. Оп. 80. Д. 807. Л. 21]. Население не очень хотело покидать свои места и это несмотря на льготы, какие обещали переселенцам. А именно: освобождение от налогов на 2 года; списание задолженности; бесплатный проезд; с прибытием на место – денежная помощь – 700 руб. на главу семьи, по 250 – на ее члена; кредит сельскохозяйственного банка в сумме 5

тысяч руб. на семью на 10 лет с началом погашения задолженности с третьего года [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 80. Д. 807. Л. 75].

Тем не менее, переселенцы вертались домой. В письме начальника управления при Совете министров УССР по делам эвакуации Русецкого к начальнику переселенского отдела Закарпатского облисполкома Газия от 2 февраля 1950 г. требовалось: «...до 10 февраля 1950 г. информировать управление и подать списки переселенцев, которые вернулись в Вашу область из колхозов и совхозов южных областей УССР» [Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л.3]. В этих списках кроме фамилии, имени и отчества, состава семьи, должно было указываться, куда и откуда вернулся, причины возвращения, какие меры принимаются властями, по отношению к переселенцам которые вернулись [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 3]. Так, состоянием на май 1950 г. в Закарпатскую область за некоторыми данными вернулось 57 семей (147 человек) [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Лл. 28-31].

Какими ж были причины возвращения? В архивных документах ДАЗО находим их несколько. Во-первых, нерешенные дела дома; во-вторых, плохо устроились на новом месте проживания; в-третьих, плохая вода, которую невозможно было пить и другие причины. Переселенцы из Воловецкого округа говорили, «что они прибыли временно, для решения своих проблем как: продаж домов, закупка дров и строительных материалов», а О.Мумряк і М.Биган прямо заявили, «что в селе Тарутино Измаильской области их не обеспечили квартирой. Живут несколько семей вместе на чемоданах в одной комнате детсада. Заимку на ремонт и строительство им не дали. Квартиры обещали дать только весной» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 9].

Драматично складывалась жизнь на новых землях и в переселенки из Перечинского округа Стегуры Анны. Из 5 детьми она переехала в Измаильскую область в колхоз «Новая жизнь». Из-за плохой воды начали болеть дети. Один ребенок умер [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 14]. Доходило даже до абсурда. Житель с. Сокирницы Хустского округа В.В.Гичка, имея семью из девяти человек, четверо из каких были трудоспособными, 11 ноября 1949 г. выехал из 8-годовым сыном в Измаильскую область. Желю и шесть детей оставил дома. Пробывши на новом месте 17 дней, муж вернулся за женой, но та категорически отказалась переезжать. Дело дошло до развода. В конце концов, здравый смысл победил, и Василий Гичка вернул переселенский билет, деньги, которые ему выдали для переселения [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 24].

О неудовлетворительном состоянии жилых условий для переселенцев в Измаильской области докладывал Н.Хрущову заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК КП(б)У Козырев. Он писал: «В Измаильскую область прибыло 572 семьи, которые были расселены в квартирах, ни одного дома для переселенцев не было подготовлено» [ЦДАГО. Ф.1. Оп. 80. Д. 806. Л. 71].

Необходимо отметить, что местная власть была не готова до возвратного потока переселенцев. В Иршавском округе из восьми переселенцами, что «дезертировали из колхоза», «была проведена массово-разъяснительная работа, чтобы они вернулись на место работы, куда их переселили. Их было предупреждено, что в случае, если они не вернуться в Измаильскую область, то будут привлечены к судовой ответственности». Похожее зафиксировано и в Воловском округе, где пять переселенцев вынуждены были дать подписку в окружной отдел милиции о немедленном возвращении в Измаильскую область [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 25]. В Перечинском округе, не зная, что делать с переселенцами, голова окружного совета решил придерживаться политики нейтралитета: «1. Паспорта граждан, которые переселились в Измаильскую область, на учет в районном отделении не взяты и не прописаны... 2. Дано запрос прокурором В.Березнянской районной прокуратуры в Киев, какие меры принимать в случае их невозвращения на место их переселения и работы [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 15].

Из Киева начинают поступать указания. И.Русецкий, глава управления при Совете Министров УССР по делам эвакуации, писал: «В связи с тем, что вышеуказанные переселенцы ведут подрывную работу и тормозят дальнейшее переселение, прошу вас принять реше-

тельные меры по возвращению их назад в Измаильскую область, или стянуть из них стоимость расходов, что понесло государство на их переселение, а также стоимость продуктов, которые они получили в колхозах Измаильской области [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 33]. Письмо датировано 28 марта 1950 г.

Уже 3 апреля этого года состоялось заседание обкома КП(б)У при участии руководства органов МГБ и областной прокуратуры. Здесь было принято довольно «простое» решение – вернуть всех переселенцев [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 34]. Хотя 8 апреля 1950 г. прокурор Закарпатской области Андрашко, на основании письма от прокурора УССР Руденка, дал разъяснение председателю Закарпатского областного совета депутатов трудящихся И.Турянице: «1.Законных оснований для притяжения к криминальной ответственности нет. 2. Вопросы о переселении этих лиц в Измаильскую область должны решаться общественными мерами. 3. Органы милиции в каждом конкретном случае в соответствии с положением о соблюдении паспортного режима решают вопрос о прописке или отказ в прописке этих лиц. 4. Вопрос о удержании взятых у государства переселенцами сумм на растраты связанные с переселением, необходимо решать через суд в должном порядке» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 36].

Як видим, возможность остаться дома переселенцам давалась, но областное руководство решило по-другому. Процесс переселения на этом не прекратился. В соответствии с постановлением Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У из Закарпатской области в 1950 г. под переселение попадало 3600 колхозников и единоличных крестьян в колхозы и совхозы южных областей УССР [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 2]. Об этом свидетельствует Таблица I [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 95]

Таблица 1 - План переселения колхозников и единоличников Закарпатской области в колхозы и совхозы УССР в 1950 г.

Отправка переселенцев в области по месяцам	Название областей расселения переселенцев			Всего семей
	Николаевская		Станиславская	
	в колхозы	в совхозы	в колхозы	
февраль	100	–	50	150
март	350	–	200	550
апрель	500	100	200	800
май	400	100	200	700
июнь	300	150	140	590
июль	200	150	110	460
август	150	100	100	350
Всего	2000	600	1000	3600

Относительно незначительное количество переселенцев в феврале можно пояснить тем, что первые отправки начинались из середины месяца.

Руководством создавались планы новых переселений. На 1951 г. Киев предложил переселить 500 семей из Закарпатья, но уже в другие регионы Украины: Полтавскую область – 100 семей, Запорожскую – 400 [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 41]. Руководство области, учитывая предыдущие «промахи» в этом деле, просит уменьшить количество переселенцев в Запорожскую область до 200 человек [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 42]. Но и республиканское руководство учло допущенные промахи. Из Закарпатской области требовалось направлять на новые земли только здоровых людей. «Управление при Совете Министров УССР по делам эвакуации обязывает Вас при утверждении анкет-заявлений требовать от

райисполкомов заключений докторов о состоянии здоровья, подающих заявления» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 43], – говорится в письме заступника начальника указанного управления до заведующего переселенским отделом Закарпатского областного совета депутатов трудящихся Котляра.

Надо отметить, что некоторые переселенцы возвращались из «законными», как они предполагали, документами. Это были справки, виданы колхозами, совхозами, сельскими советами об их согласии на возвращение этих лиц на свое прежнее место жительства. Исполком Закарпатского областного совета принимает решение: «отобрать у переселенцев, которые вернулись, справки о разрешении въезда из областей поселения (Измаильской, Станиславской, Николаевской)» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 36. Л. 40].

Переселение проходило и в следующие годы, приобретая более организованного характера. При этом было установлено постоянный контроль, переселенцам давались льготы при прибытии на новые места, да и сам процесс переселения происходил под наблюдением медиков [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 703. Лл. 79-80]. Есть данные, что в 1954 г. из Закарпатской области планировалось переселить 1400 семей в Крым [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 5. Д. 703. Л. 81].

Также малоизученной страницей жизни Закарпатья остается судьба молодежи, которая на «законном основании» отбиралась от родителей и отправлялась в так называемые школы ФЗО восточных областей республики. Детей, которые убегали назад к родителям, арестовывали, поддавали различным наказаниям. Те, которые остались, окончивши кратковременное обучение, ставали шахтерами, металлургами. Единицы из них вертались в родные края, имена некоторых из них прозвучали среди передовиков производства, но никто точно не скажет, сколько было тех, кто в этой мельнице пропал бесследно.

Что являлись собой школы ФЗО? Обратимся к советским энциклопедиям [Большая Советская Энциклопедия. 1978, с. 426; Українська Радянська Енциклопедія. 1964, с. 341]. Школы фабрично-заводского обучения – начальное профессионально-техническое заведение.

Школы ФЗО образованы в системе государственных трудовых резервов на производственной базе промышленных предприятий. Их основной целью была подготовка кадров работников для угольной, горной, металлургической, нефтяной, строительной и других отраслей промышленности. Срок обучения в школах ФЗО становил 6 месяцев. В школы заучалась молодежь 16-18 лет с общеобразовательной подготовкой для подготовки профессий, связанных с подземной работой, работой в горячих цехах, на строительстве – только юноши с 18 лет. Ученики перебивали на государственном обеспечении. Главное внимание в школах ФЗО наддавалось производственному обучению, теоретическим знаниям отводилось приблизительно 25 % времени. В 1949 г. школы ФЗО угольной и горнорудной промышленности были реорганизованы в горнопромышленные школы с 10 месячным термином обучения, в 1955 г. школы ФЗО строительной промышленности в 10-месячные строительные училища.

Надо отметить, что Закарпатская область была последней в западноукраинском регионе, которая отправляла молодежь на обучение в школы ФЗО. Возможно, советский режим не хотел сразу будоражить население края и принял ожидательную позицию – сначала советизировать, коллективизировать, а после можно и «отселять», «переселять», «направлять».

Первый набор молодежи состоялся примерно в марте 1948 г. Так, из документа, найденного в архиве, видим, что в январе-марте 1948 г. призыва из Закарпатья не было проведено [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 1017. Л. 14].

В соответствии с постановлением Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У на протяжении этого же года из Закарпатской области планировалось призвать в школы ФЗО 7000 юношей, в том числе 1000 – по линии Закарпатского облвоенкомата. Спустя некоторое время заместитель главы исполнительного комитета Закарпатского областного совета депутатов трудящихся Ю.Ляшенко смело докладывает в Киев: «Сдано в школы ФЗО всего 7037, в том числе через облвоенкомат 1007 человек...» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 24. Д. 13. Л. 1].

Уже первые наборы показали, что местное руководство не готово к такой «ответственной миссии». В некоторых случаях комиссии по зачислению призывников у школы ФЗО формально подходили к определению стану здоровья молодежи. Имели место случаи,

когда зачисленных и отправленных юношей на местах не приняли и возвращали домой.

Другим таким моментом было неправильное оформление документов, а также «были случаи, когда призывники специально прятали документы» [ДАЗО. Ф.Р-195. Оп. 24. Д. 13. Л. 2]. На это областному руководству указывал заступник секретаря Совета Министров УССР по оборонным делам П.Забельников. Он писал: «... прибыло ... в школы ФЗО Сталинской области призывников не снятых с военного учета ... из Закарпатской области – 14» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 89. Л. 135].

Часть отправленных в школы ФЗО по дороге в пункты назначения убегала. Объяснялось это как всегда «недостаточностью массово-разъяснительной работы» и «нехваткой уполномоченных, которые закреплялись к каждому эшелону» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 24. Д. 13. Л. 2]. Также своевременному исполнению плана призыва молодежи «мешают руководители некоторых организаций и предприятий союзного и республиканского подчинения (ж/дороги, леспромтрест и др.), которые в период набора в школы ФЗО принимают на работу молодежь, которая должна призываться...» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 24. Д. 13. Л. 4].

Набор в школы ФЗО проходил под прямым руководством республиканских и союзных органов. Соответственно постановлению союзного правительства №2932-1206с от 4 августа 1948 г. до 1 февраля 1949 г. из области должно было призваться 500 работников строительных специальностей...» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 70. Л. 22]. Их было отправлено у Ворошиловоградскую область [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 70. Л. 47].

Про нежелание молодежи идти «учиться» свидетельствует хотя бы такой факт. Из плана призыва 1000 человек в Сталинскую область на 15 июля 1948 г. было призвано и отправлено 1306 чел.; прибыло на место – 845; зачислено – 693 чел. [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 1016. Л. 25]. На конец месяца с приходом новых эшелонов было зачислено 919 человек, или 91,9% от плана [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 1016. Л. 34]. Это был довольно высокий процент. По Украине из 46952 человек было зачислено в школы ФЗО 18094 чел. – всего 25 % от плана [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 1016. Л. 29]. Чтоб призвать и отправить молодежь в школы ФЗО, исполнивши указания большевистской партии и правительства, местное руководство использовало различные формы и методы. С другой стороны родители и некоторые местные руководители всячески пытались не отпускать детей в названные школы.

Например у Виноградовском округе уполномоченный окружка КП(б)У по призыву в школы ФЗО Дидковский удерживал родителей 12-ти призывников, которые уклонялись от призыва и направил их в отделение МВД в качестве заложников» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 89. Л. 57]. В Перечинском округе уполномоченный по призыву, заместитель главы окрисполкома Сианицкий «дал распоряжение наложить арест на имущество семей призывников, какие уклоняются от призыва в школы ФЗО» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 89. Л. 57].

30 октября 1948 г. Совет Министров УССР принимает новое постановление «Об очередном призыве (мобилизации) молодежи школы фабрично-заводского обучения министерства трудовых ресурсов». Переселение из Закарпатья в Сталинскую область в количестве 1000 юношей, должно было проводиться на протяжении с 10 ноября по 15 декабря [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 1016. Л. 106]. Область план перевыполнила. На 5 декабря 1948 г. было отправлено 1024 юношей [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 30. Д. 1016. Л. 79].

О неудовлетворительном положении переселенцев идется в одном из архивных документов: «На предприятиях комбинатов «Сталинуголь» и «Артемуголь» приходится на одного ученика жилой площади 2,8 кв. метров, вместо установленной нормы 4 кв. метров на человека. На шахте им. Румянцева ученики школы № 63 живут в коридоре общежития...» [ЦДАГО. Ф.1. Оп. 30. Д. 1017. Л. 4].

Закарпатская молодежь направлялась в восточные и южные области УССР. Это при этом, что в Западной Украине были свои школы фабрично-заводского обучения. На 1 января 1946 г. их было 23, а на 1 декабря этого же года – 35: 7 – в Дрогобичской области; 13 – в Львовской; 6 – у Ровенской; 9 – у Черновицкой [ЦДАГО. Ф. 1. Оп. 75. Д. 216. Л. 106]. Наверно, советский режим считал, что чем дальше будет отдалена молодежь от родины, тем меньше юноши будут убегать из школ ФЗО. Другой причиной можем назвать известный принцип

Й. Сталина о смешении народов и наций и создании «советского человека».

Набор в школу продолжался и в 1949 г. Только с 1 марта по 10 апреля 1949 года было призвано 3000 юношей 1929-1931 годов рождения [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 24. Д. 30. Л. 2]. План призыва было выполнено на 71 % (2131 человек) [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 24. Д. 30. Л. 3].

Среди причин, которые привели до невыполнения плана можно навести следующие:

1. Призывная комиссия не была подготовлена до приема молодежи. Так, 3 марта 1949 года в Мукачевском округе на сборный пункт с повестками окрисполкомов «явилось приблизительно 70 человек, но используя тем, что на сборном пункте никого не было, и призывная комиссия в это время отсутствовала... Все призывники разошлись по домам и больше на сборный пункт не явились» [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 24. Д. 30. Лл. 7-8].

2. Неправильное оформление документов. Так, из Береговского округа на сборный пункт 4 марта 1949 г. было отправлено команду из 163 человек без документов. 7 марта из Хустского округа прибыла команда у составе 84 человек, 53 из них – без паспортов.

3. Неудовлетворительная работа медицинских комиссий. Не проводились санитарные обработки. Так, приблизительно 50 % отправленных имели «педикунез».

4. Нарушение вековых норм призывного контингента. Среди призванных было много 1932-1933 годов рождения, физически неготовых к работе в угольной промышленности. Планом на 1950 г. предусматривалось отправить в школы ФЗО Сталинской области 645 человек. Из них: 165 – 16-летних; 480 – 17-летних юношей [ДАЗО. Ф. Р-195. Оп. 24. Д. 30. Л. 8].

Таким образом, призывы в школы ФЗО сельского населения велись по всей Закарпатской области. Только за 1949-1950 гг. из области на «обучение» было отправлено около 10 тысяч юношей. Причем, отправлялись они в южные и восточные области Украины.

Процесс переселения населения из Закарпатской области в другие области УССР преследовал не только социальные и экономические, но и в первую очередь политические цели. С одной стороны переселения должны были решить такие проблемы закарпатского крестьянина как малоземелье и безработицу, повысить образовательный уровень местного населения, дать возможность молодежи получить профессию. С другой стороны мы видим, что пик миграционных процессов приходится на 1948-1949 года – года всеобщей коллективизации на Закарпатье. Этим большевики стремились разрядить ситуацию – переселить всех неугодных подальше от родного Закарпаття. Не выдерживают никакой критики и методы проведения миграционной политики. В исторической литературе пока не установлена точное количество переселенцев, какая часть из них вернулась на малую родину. Проблема и дальше остается актуальной.

Источники и литература

1. Державний архів Закарпатської області м.Ужгород (ДАЗО), ф. Р-195, оп. 1, спр. 70.
2. ДАЗО, ф. Р-195, оп. 1, спр. 89.
3. ДАЗО, ф. Р-195, оп. 5, спр. 36.
4. ДАЗО, ф. Р-195, оп. 5, спр. 703.
5. ДАЗО), ф. Р-195, оп. 24, спр. 13.
6. ДАЗО, ф. Р-195, оп. 24, спр. 30.
7. Центральний державний архів громадських об'єднань України м. Київ (ЦДАГО), ф. 1, оп. 30, спр. 1016.
8. ЦДАГО, ф. 1, оп. 30, спр. 1017.
9. ЦДАГО, ф. 1, оп. 75, спр. 216.
10. ЦДАГО, ф. 1, оп. 80, спр. 806.
11. ЦДАГО, ф. 1, оп. 80, спр. 807.
12. Большая Советская Энциклопедия. – Т.29. – М., 1978.
13. Гранчак І.М., Поп І.І. Закарпаття в чехословацько-радянських відносинах періоду Другої світової війни // Карпатика. – Випуск 2. – Ужгород, 1993. – С.223-236.
14. Куля Ф. Закарпатське обласне товариство німців «Відродження»: Історія і сучасність. – Ужгород: Мистецька Лінія, 2004.

15. Макара М.П. Встановлення на Закарпатті радянської політичної системи. Формування органів влади на місцях. Вибори до Верховних Рад СРСР та УРСР // Нариси історії Закарпаття Т.ІІІ. (1946-1991) / Кер. авторського колективу М.М.Болдижар. – Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-виданичий відділ Закарпатського обласного управління по пресі, 2003. – С. 35-43.
16. Макара М.П. Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 – січень 1946 рр.). – Ужгород, 1995.
17. Мищанин В.В. Аграрная политика в Закарпатье в 1944-1950 гг. // История и археологии восточноевропейской деревни. Материалы I международной научной конференции «Проблемы аграрной истории и археологии Восточной Европы» (с. Кокино, 22-23 сентября 2011 года). – Брянск, 2011. – С. 117-122.
18. Мищанин В. Вплив колективізації на міграційні процеси в Закарпатті (1948-1954 рр.) // Carpatica-Carpatika. Випуск – 7. Історія і культура Закарпаття ХХ століття (До 555-річчя возз'єднання Закарпаття з Україною). – Ужгород, 2000. – С. 101-116;
19. Мищанин В. Закарпатська молодь у школах ФЗН: навчання чи змушена міграція? // Інтелігенція і влада. Серія: Історія: громадсько-політ. наук. збір. / М-во освіти і науки України; Одес. нац. політех. ун-т; [редкол.: Г.І.Гончарук (гол. ред) та ін.]. – Одеса: Астропринт, 2009, вип. – 15. – С. 155-161.
20. Офіцинський Р. Превентивна радянська Закарпатської України (осінь 1944 р. – весна 1945 р.) // Закарпатська Україна: перспективи та реалії розвитку. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 65-й річниці возз'єднання Закарпатської України з Радянською Україною (Ужгород, 24 червня 2010 року). – Ужгород: Видавництво «ТІМРАНІ», 2010. – С. 108-110.
21. Поп И. Советская украинизация и ее последствия // Энциклопедия Подкарпатской Руси / Карпато-русский Этнологический Исследовательский Центр США . – Ужгород: Изд-во В.Падяка, 2001. – С. 48-54.
22. Українська Радянська Енциклопедія. – Т.16. – К., 1964.

МИРОВИДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ (по произведениям деревенской прозы)

*Инна Новожева
(Брянск, Россия)*

Основным способом словесного моделирования картины мира в деревенской прозе является концептуация ключевых образов, раскрывающих первоосновы крестьянского бытия. Понимание «архетипа» сложилось в зоне пересечения искусствоведческих и культурологических исследований, и сегодня оно активно востребуется в работах литературно-критического характера. Согласно литературоведческой традиции под «архетипами» подразумеваются художественные макро- и микрообразы, в основе которых лежат универсалии человеческого и природного бытия, ценностно-смысловые константы национальной картины мира.

Относимый к архетипическим формам образ Дома занимает особое место в творчестве А.Астафьева, Ф.Абрамова, В.Белова, В.Распутина, В.Шукшина, являясь своеобразным смысловым узлом художественного мира деревенской прозы. Для писателей архетип Дома отождествляется с образом Деревни. «По своей значимости, – утверждает В.Белов, – «родной дом» находится в ряду таких понятий русского крестьянства, как смерть, жизнь, добро, зло, бог, совесть, родина, земля, мать, отец» [Белов 1984, т. 3: 101]. Идея Дома – Деревни нашла отражение в творчестве каждого из названных писателей, являясь той константой, что определила сущность философско-этических поисков литературного направления, именуемого деревенской прозой ХХ века.

Действие повестей «Прощание с Матерой», «Последний срок» В.Распутина, «Привычное дело» В.Белова и других, происходит в доме и подворье, а жизненное пространство персонажей ограничено деревней. Дом для героя – жилое пространство, локус всей его жизни. В.Белов в книге «Лад» отмечал, что «родной дом, а в доме очаг и красный угол были средоточием хозяйственной жизни, центром всего крестьянского мира» [Белов 1984, т. 3: 138]. Образ-концепт Дома не ограничен семейным миром и родное мыслится как отечественное. Один из героев Ф.Абрамова выражает основополагающую для деревенской прозы мысль: «Россия из домов состоит... Да, из деревянных, люди которые рубили...» [Абрамов 1987а: 395].

Пространственная мифологема Дом в русской культуре обладает особой функцией, связанной с проблемой идентичности. В деревенской прозе концепт Дома-Деревни предстает в традиционном образе «деревни-матушки», сравнивается с «птичьим гнездом»: «...каждая деревня выглядит по-своему. Одна, как птичье гнездо лепится на крутой горе, или щелье по-местному; другая вылезла на самый бережок Пинеги – хоть из окошка закидывай лесу...» [Абрамов 1987б: 17]; «...кто в наших старых деревнях обходился без общего родства, и хоть жили деревни гнездами, но из гнезда в гнездо ниточки протягивались и в прежние, и в новые времена» [Распутин 2004б: 497].

Образ Дома – родового гнезда неизбежно вызывает в памяти образы дворянских гнезд художественной литературы предшествующего столетия. Субкультура Дома, имения, дворянской усадьбы на протяжении всего века была одной из доминант русской культуры, получив наиболее распространенное выражение в литературном творчестве. В усадебном быте отмечалась идеальная сущность, превращавшая пространство в особый духовный мир героев («Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя, «Обломов» И.А. Гончарова, «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева и др.) Понятие это, пронизанное сакральностью, обозначало одно из ключевых звеньев русского космоса. В этом плане деревенская проза, обращаясь к традиционной форме воплощения Дома, возвращает наше сознание к истокам национального характера, которые так тщательно пытались забыть в трагический XX век.

В произведениях 1960 – 70-х гг. образ Деревни, являясь прообразом России, отражает уникальный русский мир, предстает квинтэссенцией национальной жизни. «Все люди родом оттуда, из деревни, только кто-то раньше, другие позже, и одни это понимают, а другие нет...» [Распутин 2004а: 79-80], – пишет В.Распутин. «Деревня, – убежден Ф.Абрамов, – наши истоки, наши корни Деревня – материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер» [Абрамов 2004а: 558].

Художественная картина мира деревенской прозы детерминирована архетипами Дома – Деревни, поэтому творческие приоритеты писателей-деревенщиков можно определить как традиционные. Постигание Дома как Деревни также означает постижение человека в его национальном укладе. Именно поэтому главный герой прозы – человек, связанный со своей семьей, родом, народом.

Традиционно изображение дома в художественном произведении выполняло характерологическую функцию: дом – отражение хозяина и, следовательно, важнейшее средство его характеристики. Деревенская проза середины XX столетия, во многом вобрав тенденции восприятия образа дома классической литературы, наполняет духовное пространство данного феномена новыми смыслами. Разноголосы люди и разнолики их дома в тетралогии Ф.Абрамова. Дом-богатырь, дом-красавец Степана Андреяновича Ставрова и старый пряслинский дом. Новый добротный дом Михаила и рядом с ним ветхий, покосившийся дом Дунаевых. Дом Петра Житова давно уже не дом, а запущенный кабак, куда забредают дружки-приятели, чтобы выпить и подебоширить. Дом-каморка Евсея Мошкина, где ведут разговоры о человеке, о главном доме. Возведенный на огромных валунах, но недостроенный дом Подрезова. И, наконец, однообразные, безликие дома-стандарты, «предельно утилитарные, напоминающие какие-то раскрашенные вагоны» [Абрамов 1987б: 321]. Все они рассказывают не только о своем хозяине, но и иллюстрируют ту материальную и духовную разноголосицу, какую переживает весь крестьянский мир в поисках духовных ориентиров и жизненных ценностей.

В повестях В.Распутина, «Плотницких рассказах» В.Белова деревенская изба наделена человеческими качествами, она дышит, помнит, чувствует, составляя единое целое со своим хозяином: «Все здесь было знакомо, все было родное старухиным ребятам, и все, казалось, чутко повторяло мать: заговаривало вместе с ней или умолкало, вглядывалось в них с ласковой и горделивой настойчивостью и отзывалось тихим, неназойливым вниманием. Не верилось, что изба может пережить старуху и остаться на своем месте после нее, – похоже, они постарели до одинаково дальней, последней черты и держатся только благодаря друг другу. На полу надо было ступать осторожно, чтобы не стало больно матери, а то, что они говорили ей, удерживалось в стенах, в углах – везде» [Распутин 2004: 166]. Для сельского человека Дом знаменует пространство физического и духовного бытия: это земное жилище и телесное пристанище души. Ведь, как говорит герой эпопеи Ф.Абрамова, христианин Евсей Мошкин, «главный дом человек в душе у себя строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет. Крепче всех кирпичей и алмазов» [Абрамов 1987б: 350]. Образ Дома приобретает аксиологическое значение духовного храма. Феномен деревенского дома как храма души связан с пониманием деревни не просто как природной почвы, а как явления духовно освященного национального уклада жизни. Таким образом, Дом из категории пространственной, материальной превращается в некую субстанцию человеческого сознания и выступает как природная обитель, родовое начало и духовно-нравственное основание человека.

Одна из значимых особенностей поэтики воплощения Дома определяется изображением сакральности в его земной данности. Деревенский дом как сакральный образ мира в ценностных рамках земледельческой патриархальной культуры отражает изначальную настроенность сознания на связь с почвой, выступающий опорой народных традиций, с матушкой-землей. Рукотворной крестьянской микровселенной в ее идее и плоти изображен дом Степана Андреяновича Ставрова в романе «Братья и сестры»: «все крепкое, добротное, сделано на вечные времена ... все надежно, домовито» [Абрамов 1987а: 22 – 23]. Петра Пряслина поразила «добротность и основательность работы ... лес, из которого выстроен был дом»: «Отборный. Безболонный ... Янтарный. Звоном звенит ... Эхом. Как по лесу на вечерней и утренней заре. И если бы он не знал вживе Степана Андреяновича, хозяина этого дома, он не задумываясь сказал бы: тут жил богатырь – до того все было крупно, размашисто – поветь, сени, избы. Хоть на тройке разъезжай. ... А может, и в самом деле раньше жили богатыри? – приходило на ум Петру. Ведь чтобы выстроить такие хоромы – название-то какое! – какую душу надо иметь, какую широту натуры, какое безошибочное чувство красоты!» [Абрамов 1987б: 320-321]. Деревянный (т.е. из натурального, а не искусственного материала), фундаментом и подполом укорененный в земле, а высокой крышей устремленный в небо, осененный могучей старой лиственницей, «зеленой колокольней» возвышающейся на угоре, он органично связывал его жильцов с миром народным, природным во всей их пространственной и временной протяженности.

Деревня и дом в сознании героев имеют охранительный смысл. У семейного очага человек защищен от природных стихий и согрет не только теплом огня, но и любовью близких, радостью совместного труда и праздника. Дом выступает как некое пристанище человека, начало всех начал, то узкое пространство, в котором прошло детство, юность, часть прошлой жизни. Это исток и опора, тут человек чувствует себя в безопасности. «Центровкой, то есть приведением себя в безопасное положение для русского человека всегда были дом и родной дух. Дом – как природная историческая обитель, удобная только для нас, в углах своих и стенах повторившая нашу фигуру. И дух – как настрой на Божественное и земное, степень нашего тяготения к тому и другому, какая-то незапечатленная дробь с числителем и знаменателем, стремящаяся к цельности» [Распутин 1997: 12]. Такое восприятие дома становится основополагающим для деревенской прозы, поэтому в основе художественной репрезентации образа лежит идея православного постижения основ бытия и бережного сохранения незабываемых традиций русского народа.

Писатели подчеркивают, что даже в расположении домов в деревне существовала неслучайная закономерность. «Бревенчатые дома, разделенные широкой улицей, тесно жмутся

друг к другу. – Пишет Ф. Абрамов. – Только узкие заулки да огороды с луком и небольшой грядкой картошки – и то не у каждого дома – отделяют одну постройку от другой. Иной год пожар уносил полдеревни; но все равно новые дома, словно ища поддержки друг у друга, опять кучились как прежде» [Абрамов 1987а: 18]. В пространстве деревенского дома человеческие связи определяются освященностью родственных связей, соединяющих семью, род в христианский народ. Не случайно одно из значений в древнерусском языке слова «дом» определяется как «христиане». В этом плане вся деревня для крестьянина, и не только его родная – родной дом, в то время как мир в восприятии сельского жителя ограничен рамками родной деревни.

Замкнутое и изолированное от всего мира пространство создает образ микромира, ограниченного, но самодостаточного. Сознание деревенского персонажа определяет некое родственное ему пространство и границу, отделяющую это пространство от чужой стороны, в которой исчезает защитная сила крестьянского дома. Распутинская Люся, отправившись на прогулку по родным местам, чувствует враждебность окружающего мира. Ей мнится узкий длинный коридор, окруженный высокими стенами. Это метафорическая граница, разделяющая природу и человека, потерявшего связь с родом, домом, деревней.

Архетипическая модель мира определена через ведущую оппозицию: дом-деревня (свое) – город (чужое). Дом – Деревня выступает в роли того пространственно-временного континуума, который противостоит внешнему миру своим ладным порядком. Конфликт «своего», традиционного крестьянского мира с миром «чужим», несущим ему разрушение, становится концептуальным в творчестве деревенских писателей.

Интересно, что человек в деревенском хронотопе всегда изображен со знаком плюс. Так, беловского Ивана Африкановича критика списала в добряки, в непротивленцы, в чудачки деревенские, неведающие о глобальных бурях столетия. Многие литературоведы дают крайне негативную оценку личности Ивана Африкановича как персонажа, погруженного в малодуховный мир. Но писатель не судит героя, потому что для него он «свой», деревенский. Ту же позицию мы находим и в творчестве В. Астафьева. Охоте на лося «своего» Акима противопоставлена охота для развлечений важных чиновников из города. И если первый случай представлен автором как проявление естественной жизни, то во втором эпизоде детально изображены страдания животного и античеловеческий облик охотников. В рассказах «Дамка», «Рыбак Грохотало», «Летит черное перо» конфликт рыбинспекторов с браконьерами имеет драматическую развязку (сильнейшее потрясение браконьера, близкое к помешательству, гибель дочери Командора), возможно, несоизмеримую с тяжестью преступления. Но автор наказывает в их лице «чужой», враждебный мир.

В деревенской прозе ощущение родного гнезда, чувство дома являются условием внутреннего, душевного и внешнего (в отношениях с окружающим миром людей и природы) лада человека в противовес ощущению бездомности, возникающему за границей «своего», родного пространства.

Дом, чрезвычайно емкая по своему содержанию мифологема, обладает большой устойчивостью в культуре. В России, убеждены писатели, имеющей вековые крестьянские корни, ставшие органической частью народного самосознания, искоренить память о доме невозможно. Образ Дома переведен в метафизическую плоскость и предстает не только родным гнездом, но и местом, где спасается душа от негативного влияния цивилизации.

Для героев деревенской прозы сама мысль о добровольном разрушении «родового гнезда» кажется кощунственной. Однако в произведениях В. Распутина, Ф. Абрамова, В. Астафьева русскую избу неоднократно пытаются насильственно уничтожить, сломать или сжечь. В рассказе В. Распутина «Изба» (1999г.) дом – это не просто старая избушка, а некое затепленное жизнью существо, сохранившее следы живого человеческого духа и после смерти хозяйки, а также двухсотлетнюю типичную для России историю крестьянского рода с разбросами, рассеянием семьи и потерями в злополучных обстоятельствах века. В иррационалистических образах писатель показывает существование духовной энергии, оставленной хозяйкой после смерти, помогающей избе справиться и с пожаром, и с нерадивыми новыми хозяевами.

Осознанием опасности, которой может обернуться для человека разрыв с деревней, со своим родом, продиктованы тревожные ноты деревенской прозы. В этой связи вспоминается диалог в переписке В.Астафьева с критиком В.Курбатовым: «тоскуем по родине, как в эмиграции... Мученическая тоска по цельности человеческой жизни, по длительности рода – от дедов к внукам, когда окружает... отчий лес, и отчая река, и родные предания. Вы еще в себе это сберегли, а уж мы – нет. Новое – то поколение пойдем совсем безродное и будет называть землю впервые, как Адам, и им будет проще, а вот что нам делать...» [Крест...2002: 69] Тоска по Родине, – есть ощущение изгнанности из рая и влечение к восстановлению душевной целостности.

Утрата человеком самоидентификации, дома, родины, возможности быть сопричастным ее жизни определяют направление художественной мысли XX века. Комплекс утраченного дома, потерянного рая в существенной мере определил смысловое поле деревенской прозы.

Литература

Абрамов, Ф. Братья и сестры. Роман в четырех книгах. Книги первая и вторая / Ф. Абрамов. – М., 1987.

Абрамов, Ф. Братья и сестры. Роман в четырех книгах. Книги третья и четвертая / Ф. Абрамов. – М., 1987.

Абрамов, Ф. Чистая книга: Роман, повести, рассказы, публицистика / Ф. Абрамов. – М., 2004.

Белов, В.И. Избранные произведения: В 3-х т. / В. И. Белов. – М., 1984.

Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов; Письма из глубины России / В. Астафьев, В.Курбатов. – Иркутск, 2002.

Распутин, В. Мой манифест. / В. Распутин // Наш современник. 1997. – № 5.

Распутин, В. Деньги для Марии: Повести и рассказы. / В. Распутин. – М, 2004.

Распутин, В. Живи и помни. Повести. / В. Распутин – М., 2004.

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОПРИРОДНОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

*Александр Свидерский
(Брянск, Россия)*

Проблематика влияния природного фактора на аграрную историю России достаточно хорошо разработана отечественной исторической наукой. Традиция анализа этой проблемы, идущая от С.М. Соловьева, проявляется в поиске простых каузальных связей между природой и обществом, наличие таковых связей обосновывается доминантой адаптивных механизмов взаимодействия аграрного общества и природы, широким использованием естественных сил природы в хозяйственной деятельности. В этой связи подчеркивается, что природные условия Восточно-Европейской равнины крайне неблагоприятны для успешной хозяйственной деятельности (низкая среднегодовая температура, недостаток высокоплодородных почв, изменчивый климат и т.д.), что проявилось в высокой зависимости социума от природы. Ответом на этот своеобразный «вызов природы» становится тенденция к социальному (аграрная община), политическому (государство), идеологическому (церковь) и социально-психологическому (соборность) сплочению общества.

Эта удобная теоретическая схема обладает высоким эвристическим потенциалом. По сути, любое явление в русской истории можно объяснить исходя из влияния природного фактора. Но, в то же самое время, следуя эмпирической традиции отказа от каузальности, довольствоваться лишь описанием событий, констатацией фактов, представив историю Рос-

сии как «дело царей». Рассматривая историю России в контексте развития производительных сил и усложнения взаимодействия общества и природы, можно говорить о постепенной замене адаптивной парадигмы деятельности преобразовательной, что влечет нивелирование роли природного фактора в истории. Поэтому важной методологической задачей исторической науки является создание концепции целостной истории, где природа, как нетронутая, естественная, так и преобразованная людьми, будет рассматриваться в качестве необходимого элемента структуры исторических процессов.

Еще в XIX веке в философии истории и методологии исторической науки утвердился принцип целостного анализа бытия общества, который, в том числе, предполагает рассмотрение природы не как всегда себестождественного, нейтрального фона деятельности исторических личностей, а как активного субъекта истории. В этом смысле природное окружение включают в систему сложных связей, которые находят свое воплощение в различных аспектах исторического бытия общества, от типа и способа хозяйственной деятельности до глубинных ментальных структур коллективного бессознательного, закрепленных в специфических проявлениях национального характера и национальной психологии.

В современной философии истории проблема влияния природного фактора на исторические процессы концептуализируется преимущественно в рамках двух научных подходов: социоприродного и аксиологического. Первый, акцентирует внимание на событии, взаимопроникновении и системном единстве общества и природы в целостном биосферном и ноосферном бытии. Соответственно, в рамках подхода можно говорить о некоей социоприродной истории, содержание которой успешно формируется не только отечественной исторической наукой, но и различными философскими и социально-экологическими дисциплинами.

Социоприродный подход успешно вскрывает корреляции природных и социально-исторических явлений. Согласно подходу воздействие природы на общество находит непосредственное выражение в существовании очеловеченно-природного процесса как натурогенного социального процесса. При этом материальные условия человеческого бытия обнаруживают свое прямое отношение к человеческой индивидуальности, а не являются чем-то внешним для нее. Следовательно, естественно-природные факторы проявляют себя во всех сферах общественной жизни и влияют на различные стороны общественного развития. Поэтому природные условия развития общества проявляют себя во всем многообразии общественных отношений от способа производства до политического устройства и нравственных отношений.

На наш взгляд, базовые положения социоприродного подхода несколько нивелируют роль социокультурных факторов взаимодействия общества и природы. Ведь воздействие природы на общество происходит через механизмы человеческой деятельности, в которой реализуются определенные природные условия, возможности открываемые природой перед человеком. Причем это не абстрактная, а конкретная деятельность людей, которая представляет собой не сторону, часть или функцию социальной системы, а личностный аспект истории общества. В связи с этим, нужно подчеркнуть, что в деятельности происходит синтез субъективного и объективного, внутреннего и внешнего, материального и идеального. То есть творение иного субъектом деятельности является одновременно творением самого себя, через него. Здесь происходит отрыв от мира интериоризированного, который всегда много меньше мира внешнего и природа становится детерминирующим фактором истории. Таким образом, через деятельность происходит влияние природных факторов на общие основания человеческой культуры, которые выступают в виде системы материальных и духовных ценностей, системы ориентиров в социально значимом опыте.

Деятельность выполняет роль связи между природой и культурой, вне которых она невозможна. Влияние природы, как внекультурной реальности происходит посредством имманентных механизмов культуры. Благодаря этому можно обнаружить такие культурные феномены, которые являются природными по генезису, но даны человеку в культурном опосредовании. Связь и неразделимость культуры и природы, которая проявляется в частности в том, что культура в некоторой степени порождается и регулируется биологическими факто-

рами, не исключает противоречивости их взаимодействия, противопоставления культуры природе. Силовым центром этого противостояния является человек, наделенный уникальной духовностью, он постоянно стремится к идеальному, надприродному существованию, реализует это в культуре. Поэтому, противостояние природы и культуры – сущностно-исторический процесс, и одновременно, одно из главных условий существования и развития человечества. В этой коллизии основа внутренних и внешних кризисов общества, в том числе и экологического, природу и развитие которого следует рассматривать преимущественно в контексте отношений культуры и природы.

Исторический опыт, отраженный мировой философской мыслью показывает, что культура направлена на изменение способа существования природы. Культура отрицает природу как бездуховный, лишенный смысла мир и преобразует его в ценностный, одухотворенный. Это общая тенденция в истории общества представляет собой строительство на природной основе «Царства Человека», которое является отрицанием природы, но использует ее и содержит ее в себе. В рамках культуры «Царство Человека» рассматривается не только как посредник между обществом и природой, но и как более высокая реальность. В ходе исторического процесса социокультурная ориентация на преобразование становилась ведущей тенденцией развития практически всех исторических типов культуры. В этом случае природа проявляла себя как все более многообразное средство для удовлетворения постоянно растущих потребностей общества, что сопровождалось поступательным изменением ценностных акцентов в направлении «искусственного» или «сверхприродного».

Воздействие культуры «проявляется как система ценностей, система императивов, развертывающиеся по законам собственной динамики и предлагающие человеку специфические для него формы жизнедеятельности. В отличие от животных, деятельность которых определяется исходными возможностями среды обитания и особенностями биологии их тела, человек преобразует природу. Человек преобразует природу как культурное существо, реализуя в своей деятельности не внешнюю для себя, а внутреннюю, осознанную необходимость. Это обстоятельство подчеркивает относительную независимость генезиса культуры от природной среды, что проявляется в частности в том, что разные исторические культуры осваивают одну и ту же среду по-своему. Таким образом, весьма актуальным становится осмысление аксиологического подхода к рассматриваемой проблеме.

Итак, деятельность является основной формой человеческой активности. Будучи свободной, по своей природе, деятельность обладает разнообразными возможностями для проявления, направленности. Важнейший этап детерминации деятельности происходит в субъективной сфере человека, в которой происходит преломление объективных факторов, условий деятельности сообразно социокультурным детерминантам.

Потребности являются исходной детерминантой деятельности людей, и это верно как в отношении общества в целом, так и применительно к поведению индивида. Одновременно потребности становятся основой восприятия человеком природы, определяющей характер человеческой активности. Потребность также определяет глубину притязаний человека к окружающей действительности и некий имманентный потенциал человека, который необходимо реализуется в процессе потребления. Потребление представляет собой один из аспектов деятельности, в процессе которой происходит не только изменение внешнего мира, но и удовлетворение нужды в предметах и условиях необходимых для развития человека.

Связь потребности и деятельности двусторонняя. Так потребности определяют деятельную активность человека, одновременно являясь результатом этой деятельности. Таким образом, происходит постоянное обновление потребностей их производство, а соответственно меняется характер активности человека в отношении природы. Нужно отметить, что потребность отражает объективную «укорененность» человека в мире, зависимость от него. Наиболее полно это качество потребности проявляется в биогенных потребностях человека, которые призваны обеспечивать индивидуальное и видовое существование человека. Так, базовыми потребностями являются потребности в безопасности, активности, сенсорных раздражителях, питании и т.д. Биологическое в потребности всегда вписано в социальный и

культурный контекст. Так, в отличие от животных, человеческое отношение к среде опосредовано сознанием, общественно-исторической практикой. Поэтому потребность не является единственной, самодостаточной детерминантой деятельности. Необходимость ценностного регулирования потребности в постоянстве, неизменности ценности. Необходимость ценностного регулирования деятельности и ограниченность потребностей проявляется в том, что борьба различных потребностей требует своего разрешения через ценность, как устойчивую духовную основу личности.

Потребность не просто осознается человеком, но и испытывает воздействие ценностных форм сознания. В некотором смысле человек старается подчинить потребности ценностям, приводить их в соответствие с выбранными целями и задачами своей деятельности. Как правило, основанием человеческой деятельности становится не потребность в «чистом виде», а потребность, преобразованная культурной парадигмой, структурами ценностного сознания. Таким образом, потребности опосредуются духовной сферой, сознанием субъекта, проявляясь вследствие этого на поверхности реального процесса социальной деятельности в особых, присущих субъекту сознательных формах – интересах, целях, стремлениях, желаниях, мотивах. *Реализация потребности в деятельности предполагает и реализацию ценности.*

Потребности и ценности тесно взаимосвязаны как детерминанты деятельности человека, но их регулятивная роль различна. Потребности представляют в структуре мотивации актуальный жизненный мир субъекта, они динамичны, их иерархия постоянно перестраивается в зависимости от текущего состояния жизненных отношений субъекта. Личностные же ценности, напротив, представляют внутренний мир личности, являясь выразителем стабильного, абсолютного, неизменного. Кроме того, ценности обеспечивают индивидам осмысление своего бытия как «необеспеченного» полнотой и целостностью мира. Поэтому, если потребность выражает актуальные связи субъекта и мира, направлена на сущее, то ценность указывает на определенный недостаток в бытии, направляет на то, что реально отсутствует.

Мотивационная активность ценности и потребности может проявляться по-разному. В конкретной деятельности субъекта может проявиться потребительская и ценностная доминанты. Известно, что человек может поступиться своими ценностями и принципами во имя удовлетворения жизненных первичных потребностей. Но одновременно мощный ценностный стержень в структуре личности позволяет зачастую идти на жертвы, лишения во имя высоких целей. В реальном процессе материально-преобразовательной деятельности происходит борьба потребительских и ценностных мотивов.

Взаимодействие потребности и ценности выражается в том, что первым этапом индивидуальной оценки, как отношения субъекта к объекту с позиции его значимости для субъекта, является оценочное отношение, в процессе которого субъект эмоционально переживает соотнесение объективных свойств явлений оцениваемой действительности с основанием своих потребностей. Оценочное отношение, которое всегда сопутствует освоению субъектом окружающего мира, в отличие от обычной эмоции, где нет противоположности субъекта и объекта, является эмоцией направленной, связанной с осмыслением и логическим оформлением опыта.

Оценка, обращенная к миру природы, является формой знания о ней. В нем природа не просто носитель нейтральных физических качеств и свойств, а отображение реальных связей с ней индивида, уникальных отношений с природной средой. Оценочное восприятие природы это также отвлечение от ее эмпирической данности, от восприятия ее в качестве объекта и нахождение в ней субъективного, антропоморфного начала. Эмоциональное сближение с природой, реализуемое в оценочном отношении, путем обнаружения в естестве родственного человеку начала, является путем включения природы в отношения между людьми. Это подтверждает тезис о том, что отношение людей к природе есть превращенная форма их взаимосвязи.

Практически преобразуя природу человек, выступает не просто самодостаточным индивидом, а социальным существом, встроенным в систему общественных связей и отношений. Таким образом, налицо обусловленность материально-преобразовательной деятельно-

сти человека другими людьми, общественными отношениями в которых она осуществляется. Ценностное восприятие природы обусловлено межличностным взаимодействием, которое необходимо предполагает ценностное отношение к субъекту этого взаимодействия. Кроме того, в отношениях между людьми природа выступает не только как внешняя среда, но и как универсальный объект-посредник этих отношений. В данном случае речь идет не только о внешней природе, но и о естественной биопсихической природе человека. Следовательно, отношения в системе «общество-природа» в ценностном смысле можно представить как отношения человека к человеку и к обществу.

Рассмотрение отношений человека к природе изолированно от отношений между людьми, является абстрактным, метафизическим. Так, неслучайно «природа – раба человека» становилась таковой в мире, где человек, занимающийся физическим трудом, непосредственный преобразователь природы является лишь «говорящим орудием труда». В обществах, где существует жесткий социальный режим подавления немногочисленной элитой бесправного большинства, растет не только отчужденность человека от человека и общества, но и человека от природы. Ценностная иерархия мира социального распространялась и на мир космический.

Значимость ценности как мотива деятельности индивида зависит от ценностного восприятия других индивидов, общества в целом. Вследствие отчуждения (имеющего разнообразную природу), доминирующую роль начинает играть субъект-объектное отношение, при котором индивидуальная оценка, обусловленная актуальными потребностями индивида становится основанием его активности. Что, в конечном счете, обуславливает потребительское отношение к природе. То есть, негативация ценности природы обусловлена прекращением ценностных отношений между людьми, когда человек отстранен от культурного процесса, процесса формирования ценностей.

В силу этого субъект опирается не на ценности, а на оценки и потребности, и его деятельность приобретает функционально – прагматический характер. Таким образом, аксиологическое отношение к природе зависит от отношений между людьми, в узком смысле – от отношений к человеку. Ценностное восприятие человека выступает необходимым условием ценностного восприятия природы. Можно обнаружить ряд препятствий ценностному восприятию человека, обусловленных не только существующим в обществе отчуждением, но и противоречивым взаимодействием природного, социального и духовного, общественного и индивидуального в человеке. Ценностное восприятие человека предполагает понимание человека как цели деятельности, одновременно позитивное отношение к конкретно-историческому человеку и всему человечеству, толерантное отношение к выражению человеческой индивидуальности и проявлениям его противоречивой природы.

Необходимо признать существование в обществе различных форм отчуждения, их глобальный, универсально-исторический характер. Ценностная иерархия Космоса и социальная иерархия совпадают в том смысле, что развивающиеся формы отчуждения между людьми переносятся на природный мир. Взаимосвязь всех форм отчуждения приводит к тому, что рост социального и индивидуального отчуждения в обществе провоцирует рост отчуждения от природы.

На основании исторического опыта и приведенных логических аргументов, опирающихся на используемую нами концепцию ценности, мы можем заключить, что ценностное восприятие субъекта ценностных отношений способно предопределять ценностное восприятие природы и характер материально-преобразовательной деятельности.

Кроме того, важную роль в ценностной обусловленности материально-преобразовательной деятельности играет отношение к труду. Ценностное восприятие субъекта материально-преобразовательной деятельности определяет значимость его труда. Можно отметить, что в разных исторических типах обществ лица, занимающиеся физическим трудом, находились на низших ступенях социальной иерархии, испытывали на себе принуждение со стороны вышестоящих, рассматривались в качестве предмета управления и манипулирования. Одновременно следует подчеркнуть, что именно физический труд предпола-

гает непосредственный чувственный контакт с природой, способствующий ценностному восприятию естества, обнаружению в нем субъектного начала.

Негативация физического труда способствовала утверждению ценности физического комфорта, являющейся выражением стремления человека к максимуму эффективности физических усилий. Одновременно увеличивалась социальная значимость управленческой деятельности, предметом которой становились субъекты физического труда, терявшие вследствие этого ценностно-целевую составляющую своей практики. Таким образом, социокультурная негативация физического труда, позволявшая осуществлять организационно-управленческое воздействие без непосредственного контакта с природой, способствовала утверждению отчужденно-управленческого отношения к природе.

Таким образом, детерминация культурой материально-преобразовательной деятельности реализуется путем трансляции социально принятых ценностей. Человек просто не сможет ориентироваться в окружающей его действительности, не представляя себе систему ценностей, не предвидя цели и ценностного содержания грядущих изменений.

Рассматривая деятельность как единственный и очевидный критерий ценности, мы, получаем возможность эмпирически, опираясь на исследования реальной исторической практики людей выявлять ценности и их иерархии. Аксиологическая реальность заключена в реальной структуре деятельности людей и тех предметах культуры, которые возникают в процессе этой деятельности. Иерархичность, соподчиненность ценностей культуры позволяет обнаруживать целостный аксиологический контекст истории.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барынкин Владимир Павлович – к.и.н., доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией аграрной истории при кафедре философии, истории и педагогики БГСХА.

Горбаненко Сергей Анатольевич – к.и.н., с.н. с отдела археологии ранних славян Института археологии НАН Украины.

Горчыца Кшиштоф – магистр археологии, начальник отдела археологии Конинского окружного музея.

Житков Александр Анатольевич – к.и.н., доцент кафедры истории Украины Кировоградского государственного педагогического университета им. Владимира Винниченко.

Капустин Кирилл Николаевич – м.н.с. научных фондов Института археологии НАН Украины.

Кедун Иван Станиславович – к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории Нежинского государственного университета им. Н.В. Гоголя. Начальник Новгород-Северской археологической экспедиции.

Мищанин Василий Васильевич – к.и.н., доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета.

Новожеев Роман Владимирович – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии, истории и педагогики БГСХА.

Новожеева Инна Вяеславовна – к. филолог.н. доцент кафедры гуманитарных наук МПСУ (Брянский филиал).

Поляков Геннадий Петрович – к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории БГУ им. акад. И.Г. Петровского.

Свидерский Александр Александрович – ст. преподаватель кафедры философии, истории и педагогики БГСХА.

Слепцова Елена Перфильевна – к.и.н., доцент кафедры философии, истории и педагогики БГСХА.

Стародубцев Геннадий Юрьевич – к.и.н., директор Курского областного государственного музея археологии.

Сытый Юрий Николаевич – с.н.с, заместитель директора Центра археологии и древней истории Северного Левобережья им. Д.Я. Самоквасова Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко.

Черная Людмила Михайловна – аспирантка кафедры истории Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Черненко Алена Евгеньевна – к.и.н., доцент кафедры истории Украины Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко.

Чубур Артур Артурович – к.и.н., доцент кафедры Отечественной истории БГУ им. акад. И.Г. Петровского.

Шевченко Сергей Иванович – к.и.н., доцент кафедры Всемирной истории Кировоградского государственного педагогического университета им. Владимира Винниченко.

Учебное издание

**ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНИ
ВЫПУСК II**

**МАТЕРИАЛЫ II МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»**

Редактор Лебедева Е.М.

Подписано к печати 20.11.2013 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 5,75. Тираж 100 экз. Изд. 2462.

Издательство Брянской государственной сельскохозяйственной академии
243365 Брянская обл., Выгоничский район, с. Кокино, Брянская ГСХА